

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-М

Комплексные проблемы
современной политики

Complex problem of
a modern policy

POLITICAL VECTOR-M

научный журнал
№1-2/2015

ISSN 2307-5481

Учредители:

Молодежное отделение
Российской ассоциации политической науки

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)

Редакционная коллегия журнала:

Гонцов К.В.
(главный редактор)

Артёмов А.В.
(выпускающий редактор)

Кучинов А.М.
(отв. секретарь)

Гончарик А.А., к. пол. н.
Маркарян А.Г., к. соц. н.
Руденкин Д.В., к. соц. н.
Сунгуров А.Ю., д. пол. н., профессор
Трегубов Н.А., к. пол. н., доцент
Хвощев В.Е., к. филос. н., доцент

Придворова Ю.В.
(дизайн)

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,
доп. тел.: +7 (952) 528 98 86,
+7 (906) 869 63 20

email: politvek@gmail.com

web: www.morapn.ru

Формат 70x108 1/16
Усл. п. л. 12,6
Тираж - 500 экз.
Номер заказа 910/156
Цена свободная

Периодичность выхода:

2 раза в год

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР – М: КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ»

представляет собой коммуникативную площадку будущих ученых и исследователей, а также специалистов интересующихся теорией и практикой политической науки.

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных аспектов (политического, социального, экономического, правового, духовного) жизни общества и государства.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Объем принимаемых к рассмотрению статей: 5-30 тыс. знаков, рецензий – 10-20 тыс. знаков, шрифт «Times New Roman» 12, интервал одинарный, форматирование по ширине.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (300-500 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, ученое звание, должность и полное название места обучения/работы, город, адрес электронной почты). Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на английском языке.

Текст статьи и вся сопровождающая информация должны быть представлены в одном файле в установленном порядке: название статьи (рус./eng), информация об авторе (рус./eng), аннотация (рус./eng), ключевые слова (рус./eng), текст статьи, библиографический список (рус./eng).

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте статьи.

При оформлении внутритекстовых, затекстовых и библиографических ссылок руководствоваться требованиями Scopus. Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещенном после текста статьи на русском и на английском языках. Англоязычная часть содержит перевод и частичную транслитерацию русскоязычных источников на английский язык. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат: порядковый номер из списка литературы, номера цитируемых страниц.

Документы принимаются в форматах doc, docx, rtf.

МОЛОДЕЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

www.morapn.ru / vk.com/morapn / fb.com/morapn

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

www.susu.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 Руденкин Д.В.**
Справедливость как альтернатива свободе и личному успеху: что показывает анализ политических ценностей жителей Свердловской области **ИССЛЕДОВАНИЕ**
-
- 13 Абрахин Т.И., Паршина С.В.**
Национализм и интернационализм: проблемы преемственности
- 18 Герман Д.В., Паршина С.В.**
Политико-экономические фрагменты развития современного Китая
- 23 Корецкий А.А., Паршина С.В.**
Опыт контент-анализа (на примере главы «Капитала» К. Маркса) **НОВЫЕ ВЕКТОРЫ**
- 28 Гонцов К.В.**
Государственная политика как инструмент поддержания социально-политической стабильности общества
-
- 45 Артемов А.В.**
Официальный дискурс в контексте событий перестройки периода 1990–1991 годов (историко-политологический обзор) **ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ**
- 58 Ворошин С.Д.**
История и основные этапы музея истории Южно-Уральского государственного университета
-
- 62 Кучинов А.М.**
«Возвращаясь к гражданской культуре» (реферат) **РЕФЕРАТ**
-
- 69 Артемов А.В.**
IV Форум молодых политологов «Молодежь. Образование. Интеграция»
- 70 Деткина В.О.**
Феномен политики двойных стандартов в современных международных отношениях **ФОРУМ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ**
- 75 Калашникова С.К.**
Современный подход к пониманию политического маркетинга

- 79 Манжина Н.А.**
Особенности пространственной идентичности при-
граничного города Благовещенск
- 85 Маслова А.А.**
Объект политического манипулирования
в информационном обществе
- 91 Ковыляева Н.С.**
Политические институты по А. Лейпхарту как
инструменты регулирования этнополитических
конфликтов
- 99 Самусевич А.В.**
Описание концепции жизненного цикла политических
элит как категории системного политического анализа
- 106 Степовенко Е.М.**
Символическая политика новых российских
политических партий
- 112 Литвишко О.М.**
Региональная интеграция в Каспийском регионе:
выбор парадигмы сотрудничества
- 122 Мокеева А.Г.**
Региональная идентичность государств Южной
Европы (на примере Испании и Италии)
- 133 Рыбалов М.В.**
Конфликт в постоккупационном Ираке:
пространственно-общинный аспект

**ФОРУМ
МОЛОДЫХ
ПОЛИТОЛОГОВ**

141 Авторские справки

АВТОРЫ

Редакция не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов.

CONTENTS

- 7 Rudenkin D.V.**
Justice as a substitution for liberty and success: analysis
of political values in Sverdlovsk region **RESEARCH**
-
- 13 Abrahin T.I., Parshina S.V.**
Nationalism and internationalism: problems of continuity
- 18 German D.V., Parshina S.V.**
Political-economical fragments
of development in modern China
- 23 Koretskiy A.A., Parshina S.V.** **THE
NEW VECTORS**
Experience of the content-analysis
(on an example of the chapter of «Capital» of K. Marks)
- 28 Gontsov K.V.**
State policy as a tool for maintaining social
and political stability of society
-
- 45 Artemov A.V.**
The official discourse in the context of perestroika events
in 1990-1991 (historical and political review) **HISTORICAL
POLITOLOGY**
- 58 Voroshin S.D.**
History and milestones history museum
of South Ural State University
-
- 62 Kuchinov A.M.** **REFERAT**
«The civic culture revisited» (referat)
-
- 69 Artemov A.V.**
IV Forum of young political scientists:
«The youth. Education. Integration»
- 70 Detkina V.O.**
The phenomenon of double standards
in contemporary international relations **FORUM OF
YOUNG POLITI-
CAL SCIENTISTS**
- 75 Kalashnikova S.K.**
The modern approach to the understanding
of the political marketing
- 79 Manzhina N.A.**
Territorial Identity of Russian-Chinese
Border City Blagoveshchensk

- 85 Maslova A.A.**
The object of political manipulation
in the information society
- 91 Kovyliueva N.S.**
Lijphart's political institutions as instruments
of managing ethnopolitical conflicts
- 99 Samusevich A.V.**
Description of the life-cycle of political elites as
a category of systemic political analysis
- 106 Stepovenko E.M.**
Symbolic politics of new Russian political parties
- 112 Litvishko O.M.**
Regional Integration in the Caspian Region:
the Choice of Cooperation Paradigm
- 122 Mokeeva A.G.**
Regional identity of Southern Europe
(the cases of Spain and Italy)
- 133 Ribalov M.V.**
Conflict in post-occupation Iraq: space-communal aspect

**FORUM OF
YOUNG POLITI-
CAL SCIENTISTS**

141 References about the authors

AUTHORS

Editors are not responsible for the position and views of the authors.

ИССЛЕДОВАНИЕ

УДК: 316.752.4

ББК 60.561.3

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СВОБОДЕ И ЛИЧНОМУ УСПЕХУ: ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Руденкин Д.В.

Работа посвящена результатам социологического исследования, проведенного автором в Свердловской области в конце 2015 года. Исходная идея автора заключалась в том, что объективное обострение моральных, экономических и политических проблематик, произошедшее в российском обществе 2014-2015 годы, могло привести к повышенной значимости ценностных и нравственных вопросов, волнующих людей. Для проверки этого предположения автор провел собственное социологическое исследование, базирующееся на опросе более 1000 жителей Свердловской области. В статье приведены и проанализированы основные результаты проведенного исследования и описаны главные ценностные вопросы, волнующие жителей региона: избыточность ценностей успеха и свободы и ощущение явного недостатка ценности справедливости.

Ключевые слова: политическая культура, политические ценности, опрос, справедливость, свобода, Свердловская область.

The paper is devoted to the description of survey conducted by the author in the Sverdlovsk region in the end of 2015. The original idea of the author was that increasing importance of different moral, economic and political issues (which took place in Russian society in 2014 and 2015) could lead to heightened importance of moral values and issues concerning ordinary people. In order to check this hypothesis the author conducted his own research project, based on a survey of more than 1,000 residents of the Sverdlovsk region. The article describes and analyzes the most important results of the study and describes the basic moral dilemmas, concerning people in the region: too strong power of value of success and freedom and a sense of lack about value of justice.

Keywords: political culture, political values, survey, justice, freedom, Sverdlovsk region.

Как таковая проблематика политических ценностей довольно подробно исследована отечественной социально-гуманитарной наукой. Вопросы о ценностях россиян едва ли не ежегодно актуализируются в аналитических заключениях Института Социологии РАН [3], ВЦИОМ [8], Левада-Центра [2] и многократно звучали в научных трудах целого ряда исследователей (например, Л.Г. Бызова [1], Н.С. Мاستиковой [5], В.В. Петухова и Р.Э. Бараша [7]). Тем не менее, несмотря на то, что ценностям, господствующим в постсоветском российском обществе, посвящено уже относительно много исследовательских работ, к текущему моменту сложились обстоятельства, стимулирующие повышенный интерес к более активному изучению соответствующей предметной области. В каком-то смысле сейчас, накануне

продолженного электорального цикла 2016-2018 года, российское общество оказалось в исторически уникальных обстоятельствах, которые весьма ощутимо отличаются от обстановки, сопровождавшей прошлые предвыборные периоды. Когда Россия включила в свой состав Республику Крым и оказала помощь людям, пострадавшим от украинского политического кризиса, – это привело к обострению и без того очень неприятных для многих наших сограждан вопросов об уровне жизни, мигрантах и (самое главное) распределении социальной поддержки со стороны государства. Ухудшение отношений России с некогда привычными иностранными партнерами привело к закрытию популярных у россиян туристических направлений и обоюдным экономическим санкциям, из-за которых целый ряд привычных иностранных товаров попросту потеряли доступ на российский рынок. Возникшие же на этом фоне проблемы внутриэкономического характера привели к ощутимому и продолжительному падению реальных доходов населения (по оценкам Росстата, реальные доходы россиян падают непрерывно с ноября 2014 года [4]). Как раз в этом контексте вопрос о текущем состоянии господствующих у россиян ценностей приобретает повышенный интерес для изучения и анализа. Чисто интуитивно напрашивается предположение о наличии определенных ценностных диссонансов и трансформаций в сознании современных россиян, ведь они явно столкнулись с неприятными и неожиданными для себя обстоятельствами жизни. Но более или менее достоверно судить о характере этих диссонансов не просто.

Осознавая значимость и запутанность соответствующих проблематик и стремясь продвинуться в выявлении и осмыслении политических ценностей, характерных современным россиянам, в конце 2015 года мы реализовали собственное социологическое исследование, базой которого стало население Свердловской области. Полевые и аналитические работы в рамках исследования были выполнены в период с октября по декабрь 2015 года и были направлены на анализ проблемного фона, политических настроений и мировоззренческих дилемм, волнующих жителей региона. Методом исследования был выбран опрос, базирующийся на раздаточном анкетировании по месту работы или месту жительства респондентов. Отбор респондентов осуществлялся на основе квотной выборки, сегментированной по полу, возрасту и типам населенных пунктов. Всего в опросе приняли участие 1036 человек, проживающих в 17 населенных пунктах области. Как таковая методика анализа ценностей опрошенных строилась на комбинации двух вопросов. Вначале мы просили респондентов отметить, какие ценности, по их мнению, должны быть характерны российскому обществу в идеале. Затем респондентам задавался вопрос о том, какие ценности, по их ощущениям, прослеживаются в России на самом деле. Общий перечень ценностей, которые были предложены опрошенным, включал такие позиции, как выгода, доверие, закон, личный успех, мораль, права человека, равенство, свобода, семья, сила, собственность, справедливость, традиция, труд. Итоги этих вычислений помогли сделать несколько принципиальных выводов относительно мировоззренческих настроений, волнующих жителей обследованных территорий, которые мы приведем ниже (рис. 1).

Первый вывод. В глазах опрошенных ценностные матрицы идеального общества и современного российского общества представляют собой фактические антиподы. В полученных ответах практически отсутствуют совпадения между

идеальным и современным российским обществом: каждая ценность либо приписывается большинством опрошенных идеальному социуму, но лишь очень немногими упоминается применительно к нынешнему российскому обществу, либо же, наоборот, отмечается многими как характерная для современной России, но лишь изредка приписывается идеалу. Само по себе это расхождение между идеальным и желаемым устройством общества нормально: в том или ином виде оно существует в любом социуме и является плодом вполне естественного стремления людей к совершенствованию своего жизненного мира. Тем не менее, в данном случае примечателен не сам по себе разрыв между ценностными матрицами идеального и реального социума, столь явно прослеживающийся в ответах опрошенных. Примечательны скорее глубина и многомерность этого разрыва: важно именно то, что ни одна из ценностей не была в равной (или хотя бы близкой) степени упомянута респондентами и как часть идеального жизненного мира, и как основа современной России. Это говорит в первую очередь о том, что у опрошенных отчетливо прослеживается сильная ценностная неудовлетворенность: они остро ощущают, что окружающая их социальная реальность устроена как-то не правильно и испытывают из-за этого дискомфорт. Причем величина разрывов между частотой упоминания отдельных ценностей как основы идеального общества и как основы российского общества свидетельствует о том, что опрошенные относительно единодушны в своем пренебрежении к одним ценностям и экзистенциальной тоске по другим.

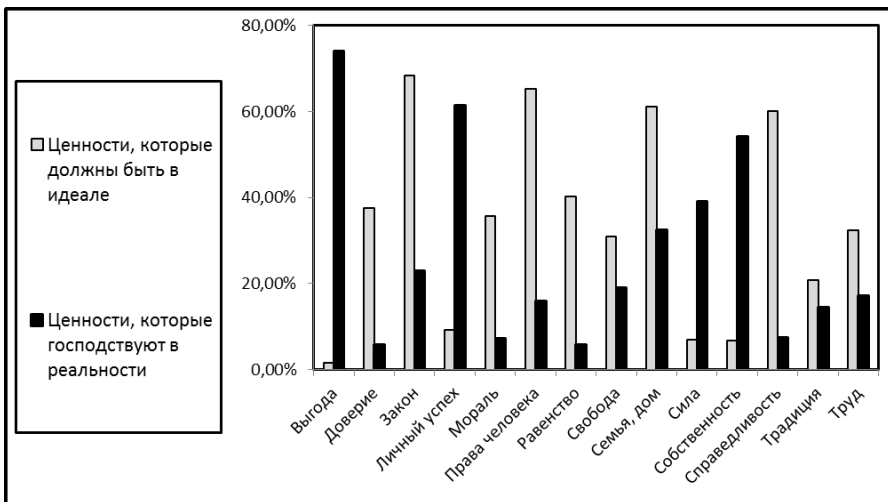

Рис. 1. Идеальная и реальная ценностные основы российского общества, по мнению опрошенных

Второй вывод. Ценностные матрицы идеального и реального российского общества, представленные жителями разных территорий, принципиально похожи. Выше мы уже отмечали: в ходе исследования подверглись изучению настроения жителей 17 населенных пунктов региона. По многим позициям настроения

людей, проживающих на разных обследованных территориях, существенно различаются: упоминаемые бытовые проблемы, отношение к различным политическим силам, отношение к различным аспектам советской действительности и иные показатели в различных населенных пунктах выглядели по-разному. Однако именно ценности идеального общества и ценности реального российского общества во всех городах были названы фактически одни и те же. Разумеется, респонденты на разных территориях называли разные ценности с разной интенсивностью, поэтому иерархия ценностей, которые были отнесены к идеальному обществу, и к реальному в каждом городе выглядела своеобразно. Тем не менее, во всех населенных пунктах оказался полностью идентичен и набор ценностей, которые опрошенные чаще приписывали современному российскому обществу в сравнении с идеальным (выгода, личный успех, собственность, сила) и набор ценностей, которые опрошенные чаще приписывали идеальному обществу в сравнении с российским (справедливость, права человека, закон, равенство, доверие, семья, мораль, труд, свобода, традиция). Такое единодушие жителей разных территорий красноречиво: оно наталкивает на мысль, что ценностная неудовлетворенность не только ощущается на всех обследованных территориях довольно остро, но и трактуется их жителями фактически в одном и том же ключе.

Третий вывод. Неудовлетворенность большинства опрошенных связана с ощущением избыточности индивидуалистических ценностей. Набор тех ценностей, которые опрошенные приписывали современному российскому обществу чаще, чем идеальному социуму, включает в себя такие позиции как «Сила», «Собственность», «Личный успех» и «Выгода» (именно по этой позиции расхождение реального и идеального получилось особенно драматичным). Примечательно, что все эти ценности являются атрибутами либерального или даже неолиберального идеологического мировоззрения. Активное распространение и даже пропаганда этих ценностей начались в России в 1990-е годы одновременно с активным внедрением в жизнь страны принципов рыночной экономики, демократического государства, свободы слова и иных атрибутов демократического общества. Проблема заключается в том, что, помимо того, что построенная на этих ценностях либеральная идеология отвергалась (по крайней мере декларативно) советской пропагандистской машиной и бытом, а потому ей изначально было довольно сложно прижиться в сознании российского обывателя, сами реформы 1990-х годов привели к весьма спорным результатам: повышению коррупции, эскалации конфликтов между группировками политических элит, массовому обнищанию населения и продолжительной дисфункциональности едва ли не всех социальных институтов. В результате в сознании постсоветского россиянина сложилось пренебрежительное отношение и к либеральной идеологии, и к тем ценностям, которые лежат в ее основе, и это уже достаточно давно иллюстрируется как исследованиями социологов, так и провальностью избирательных кампаний тех политиков, которые делают агрессивную ставку на яркую либеральную риторику. В этом смысле само отторжение опрошенными таких ценностей, как «Личный успех», «Выгода», «Собственность», «Сила» – явление вполне ожидаемое и закономерное.

Четвертый вывод. Наиболее дефицитными ценностями российского общества на обследованных территориях, судя по полученным ответам, являются

«Справедливость», «Права человека» и «Закон». В среднем по этим позициям разница между упоминанием в контексте идеального и российского общества превышает 45%, иначе говоря фактически половина опрошенных одновременно и видят их атрибутом идеального общества, и не ощущают их присутствия в современной России. Все эти ценности по-своему апеллируют к юридическим, правовым аспектам. По нашему мнению, столь явная и даже острая актуализация именно этих ценностных позиций в ходе опроса оказалась предсказуемой и типической: повышенную значимость для россиян ценностей справедливости, права и закона выявляли и наши предыдущие исследования, и проекты, выполненные иными социологами. Социологи из Института Социологии РАН и вовсе диагностировали в одной из недавних монографий возможность позиционирования справедливости как интегрирующего ценностного ядра для российского общества [7, с. 55]. Мы полагаем, что такая явная и даже острая актуализация ценностей права, справедливости, закона происходит из-за осознания опрошенными людьми спорности, несостоятельности, неправильности сложившегося вокруг них морального порядка. Сама по себе справедливость – размытая философская категория, которая может трактоваться разными людьми и сквозь призму экономического равенства, и сквозь призму закона, и еще многими способами. Но актуализированные в совокупности ценности справедливости, закона и прав человека показывают более точную картину: опрошенные люди чувствуют недостаток уважения к правам личности и всемогущего закона, который беспристрастно защищает всех невиновных и также беспристрастно карает всех преступников. Столь острая дефицитность этих ценностей в ответах опрошенных отчасти является тревожным симптомом: она показывает, что большинство опрошенных людей ощущают в стране отсутствие универсальной и эффективной правовой системы, не верят в сложившиеся законы и подозрительно смотрят на практику их применения. Учитывая, что общий протестный потенциал этих людей относительно низок (о чем мы еще поговорим ниже), явных поводов для беспелляционных алармистских заявлений актуализация этих ценностей все-таки не дает. Однако можно с уверенностью констатировать: риторика, построенная на апелляциях к закону, правам человека и особенно справедливости будет понятна и эмоционально близка большинству жителей обследованных территорий.

В целом же анализ ценностей, выявленных у жителей обследованных территорий, позволяет довольно подробно реконструировать мировоззренческие дилеммы, которые сильнее всего волнуют жителей региона. Прежде всего, мы можем констатировать наличие у жителей обследованных территорий сильного, яркого ценностного диссонанса – у людей явно существует ощущение, что общество построено на каких-то ошибочных или даже заведомо предвзятых принципах. Причем результаты опроса наталкивают на мысль, что это очень распространенное, даже в каком-то смысле массовое настроение людей: ответы людей в заведомо разных по своему проблемному фону городах оказываются чуть ли не идентичными. Видно и то, что либеральные по духу тематики личной выгоды, успеха, гедонизма, потребления людям, проживающим в регионе, как минимум не близки, а возможно, даже вызывают у многих из них раздражение. В то же время опрос показывает, что наибольший эмоциональный отклик у жителей обследованных тер-

риторий вызывает тематика законности, честности и справедливости окружающего их социального мира. Фактически мы можем констатировать определенную устойчивость опрошенных от либеральных идей и наличие у них некоего запроса на иные повестки, связанные с проблемой справедливости общества. Судя по всему, этот запрос на справедливость довольно размытый и до конца еще не сформирован. Но в данном случае важно скорее то, что справедливость стала фактически универсальным запросом людей, тогда как ценности рынка и свободы, некогда служившие главным двигателем постсоветских преобразований, в настоящий момент оказываются практически не востребованными. Пожалуй, на данный момент можно говорить, что это один из наиболее важных выводов о политических ценностях современных россиян.

Литература

1. Бызов Л.Г. Идейные и ценностные аспекты политической борьбы в избирательном цикле 2011-2012 гг. // От плебисцита – к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011-2012 гг. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис». 2013. С. 18–99.
2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2. С. 22–33.
3. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под. Ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
4. Информация о социально-экономическом положении россиян в 2015 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/info/info12.rar (актуальность ссылки проверена 30.01.2016).
5. Мاستикова Н.С. Ценности россиян: что следует из сопоставления статистик международных исследований // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 36-46.
6. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2013. 400 с.
7. Петухов В.В., Бараш Р.Э. Хотят ли россияне демократию и, если хотят, то какую? // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5. С. 46–58.
8. Россия удивляет: статистика и социология против мифов и вымысла. М. 2013. 137 с.

НАЦИОНАЛИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Абрахин Т.И., Паршина С.В.

Реализация принципа национализма рассматривается как способ выхода из экономического и политического кризиса, в котором в настоящее время пребывает мировое сообщество. Политическая и культурная единицы как две самостоятельные ипостаси синтезируются в единое целое и раскрывают суть национализма.

Ключевые слова: *интернационализм, национализм, коммуникативная среда, индустриальный способ производства, образовательная система.*

The implementation of the principle of nationalism is seen as a way out of the economic and political crisis, which is currently the world community. Political and cultural unit as two independent hypostasis are synthesized together and reveal the essence of nationalism.

Keywords: *internationalism, nationalism, communicative environment, the industrial way of production, the educational system.*

Формирования той или иной культурно-политической формации позволяет выявить специфику обществ различных типов и провести сравнительный анализ проявления принципа национализма в них. Тема национализма широко освещена в работе британского исследователя Эрнеста Геллнера «Нации и национализм». В ней он показывает преемственность обществ разных типов в отношении национализма и описывает механизм его реализации. Однако, на современном этапе развития мирового сообщества наиболее актуальным вопросом является возможность разрешения социально-экономических противоречий на основе принципа национализма.

Иными словами, этнический конфликт является продолжением конфликтов социальных, когда в обществе складываются закрытые, замкнутые на себе социальные группы, обладающие властью, склонные к ущемлению интересов прочих больших социальных групп в своем стремлении к удовлетворению личных интересов. Одним из вариантов националистического развития общества является сценарий, при котором некая территориальная общность, находящаяся в границах крупного полиэтничного государства, приходит к консенсусу относительно своего дальнейшего развития. Когда наиболее перспективным вариантом представляется приобретение суверенитета, борьба за независимость начинается с декларирования культурных и языковых отличий.

Национализм – это одна из наиболее значимых характеристик индустриального мира, ключевыми параметрами которого по мнению Э. Геллнера выступают социальная энтропия, то есть высокий уровень социальной мобильности и минимальное количество коммуникативных барьеров.

Национализм – это не только ситуация совпадения культурной и политической единиц, но и продукт «новой формы социальной организации, опирающейся на обобщественные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством...».

Выделяя националистическую специфику обществ разных типов рассмотрим аграрный и индустриальный варианты институциональных структур. Так аграрное общество обладает выраженной социальной структурой с устоявшимся разделением труда. Структурное деление такого общества не затрудняет функционирования всей системы социальных отношений. Оно не создает и не подчеркивает культурные различия, но эти различия не являются чем-то оскорбительным, а их признание есть соблюдение норм морали, этикета. Сильная дифференциация стилей жизни и значительная социальная дистанция – норма для такого общества. Одно включает в себя множество исходных субкультур. Аграрное общество – это стабильная, четко стратифицированная, догматическая и абсолютистская система. Оно не имеет необходимости становиться националистическим. Следовательно, не стремится использовать культуру для определения политических единиц.

Индустриальное общество: внутренне не упорядоченная и подвижная общность вытесняет старые, характерные для аграрного общества, институциональные структуры. По количеству исходных субкультур сильно уступает обществу аграрного типа. Происходит «частичное исчезновение подгрупп и ослабление их морального авторитета», но между людьми по-прежнему сохраняется множество различий, среди которых выделяются врожденные и культурные. Обществу индустриального типа свойственно централизованное управление. Оно складывается при совпадении единого экономического и политического пространств. Обобщенная модель индустриального общества имеет следующие характеристики: это однородная, внутренне мобильная культура и политика с единой образовательной системой для поддержки той культуры, которая находится под контролем государства.

Человек индустриального общества живет в среде, поддерживающим механизмом которой выступает национальная образовательная и коммуникативная система. Индустриальное общество – это общество мобильности и культурной однородности, которое стремится к равноправию. Многообразность, взаимозависимость и подвижность производственной жизни требует владения человеком куда более многогранной, сложной и точной информации разнообразного содержания, чем в любую из предыдущих эпох.

Возрастает значение коммуникативной системы. Социальное продвижение возможно и в верх и вниз и какие-либо жесткие социальные барьеры на пути движение в такой системе являются незаконными. Индустриальное общество обладает высокой культурой, которая может служить индикатором распространения национализма. А для обеспечения существования высокой культуры необходимы силы государства, эквивалентные всему обществу.

Националистическое движение – это внешнее проявление неизбежного глубинного процесса урегулирования отношений между государством и культурой. Государство доминирует в этих отношениях, так как остается единственной организацией, которая способна обеспечить многостороннее обучение, необходимое

для формирования общей культурной базы. Широкое распространение национализма в современных развитых индустриальных государствах вызвано требованием эпохи в социализации. Чтобы удовлетворить этому требованию, современные государства вынуждены применять принцип национализма через развертывание национальной образовательной системы. В этом выражается связь государства и культуры. Природа социальной мобильности в индустриальном обществе напрямую зависит от уровня производства и потребления. Высокая степень мобильности обуславливает способность человеческого капитала общества сохранять сложившиеся тенденции, среди которых экономический рост, являющийся неотъемлемым атрибутом индустриализма.

В становлении национализма немалую роль играет острый и конфликтный переходный период. Ему соответствует постоянное движение культурных границ, а также ряд социально-политических проблем раннего индустриального общества. Они происходят из неудовлетворительного экономического состояния широких слоев общества – «период жесточайшей нищеты, неорганизованности, полуголодного существования, полнейшего отчуждения низшего слоя», - как о нем отзывается Э. Геллнер, – характерное «резкое, болезненное и очень заметное неравенство, усугубляемое конфликтами». Внутренняя политическая напряженность становится очень сильной и выходит на поверхность, особенно если имеет в своем распоряжении подходящие символы, чтобы отделить управляющих от управляемых, привилегированных от непривилегированных. Источниками символов идентификации и дифференциации могут быть язык, генетика и культура.

Принцип национализма способен детерминировать благоприятные последствия индустриального общественного устройства. И везде, где национализм пускает корни, он обычно без труда одерживает победу над другими современными идеологиями. Национализм не навязывает культурную однородность населению. Он является выражением объективной потребности в культурной однородности. К националистическим катализаторам, обеспечивающим успех культуры, относятся ее масштаб, исторический опыт, достаточно компактная территория, способное и активное интеллектуальное сословие. Э. Геллнер называет национализм «очень мощной силой, хотя, возможно, не исключительной и не непреодолимой».

Культура сегодня – это не только средство узаконивания, утверждения социального порядка, который поддерживается более жесткими методами, но еще и необходимая общая среда, только внутри которой члены общества могут дышать, жить и творить. Коммуникативная среда – производная культуры. Ни одно общество не обходится без единых коммуникативной и нормативной систем. При индустриальном типе производства отдельный человек должен контактировать с большим числом других людей, с которыми он раньше не имел никаких отношений. Однако общение должно быть предельно четким, не опирающимся на контекст. Средством этого общения выступает общий для всех стандартизованный язык, который непосредственно связан с культурой и является ее частью. Посредством обеспечения определенного уровня и стандарта образования путем контроля унификации воспроизводства достигается гомогенность культуры.

Образование человека – это его самый ценный капитал, который в конечном счете определяет его личность. Современный человек предан не монарху, стране,

вере и чему-то еще, а культуре. Образование – это возможность получить работу, достоинство, уверенность, самоуважение. Возможность морально и профессионально дышать.

В модели национализма Э. Геллнер выделил три стержневых элемента. Первый из них – централизованная власть. Наличие институтов поддержания порядка, сложившихся на почве сложной системы разделения труда, взаимозависимости и постоянной мобильности. Корректное функционирование этих институтов означает освобождение граждан от необходимости совершать насилие и подвергаться ему. И вместе с тем оно создает один из немногих явных маркеров: одни имеют власть, а другие – нет. Одним доступны руководящие посты в государственных учреждениях, а другим – нет. Тем самым мы сталкиваемся с заметным различием между теми, кому принадлежит власть и всеми остальными. И когда это различие не перерастает в причину конфликта в обществе, можно констатировать успешную реализацию принципа национализма – совпадение культурно-этнической и политической единиц. Второй элемент модели национализма – централизованная система образования. Ее задача состоит в поддержании современной высокой культуры, соответствующей данному обществу. Такая поддержка необходима для обеспечения широкого распространения единого комплекса типичных навыков. Третий элемент системы национализма представляет собой однородную культуру. В условиях индустриального общества культурная гомогенность становится необходимым элементом экономической основы социальной жизни.

Единовременное включение этих элементов в соединении с культурной дифференциацией позволяет говорить о складывании националистической ситуации. Согласно модели национализма, вероятность социального или этнического конфликта снижается по мере развития индустриализма. Модель национализма предполагает наличие поляризации, отсутствие социальной целостности и предусматривает преодоление этих проблем посредством сглаживания поляризации за счет социальной мобильности, уменьшения социальной дистанции, смешения стилей жизни. Модель национализма не включает в себя факторы капитала, собственности и богатства. Существенное значение приобретает образование. У человека появляется возможность развивать умения и навыки, позволяющие ему успешно существовать в обществе индустриального типа.

Практическое применение принципа национализма предполагает существование специальных критериев, по которым можно характеризовать то или иное государство как националистическое. Одним из таких критериев выступает статистический показатель степени расслоения общества, называемый коэффициентом Джинни, который характеризует характер распределения нормы прибыли. Для реализации принципа национализма такой уровень развития государства, при котором у государства появляется возможность содержать национальную образовательную систему и проводить политику экономической независимости без явного ущерба для текущих социальных потребностей населения и сложившихся внешних экономических связей.

Развитие принципа национализма обуславливает увеличение масштабов совпадения культурно-образовательной системы и политической власти в отдельных государствах. Вместе с тем, сегодня на этнографической карте мира мы наблюдаем

националистический плюрализм. Причина этого в том, что индустриализм пришел в разные части мира общества в разное время. Неоднородность индустриализации поделила человечество на соперничающие группировки. И это объясняет, почему за наступлением индустриализма последовала эпоха национализма, а не интернационализма. Национализм стал результатом распространения индустриализма. Националистическое государство защищает не только культуру, но и новую, подверженную рискам экономику.

Национализм в ближайшем будущем будет видоизменяться. По мере экономического развития поляризация в обществе будет сокращаться. И это крайне важный момент, поскольку национализм достигает уровня наиболее острых противоречий, когда пропасть между населением, объединившимся на индустриальной основе и остальными становится наибольшей. Современный национализм – не идеологическая случайность, а закономерный процесс развития, при котором мировое сообщество направлено на слияние нескольких наиболее развитых высоких культур, пересекающихся на периферии. Таким образом, возможно достижение интернационализма. Для индустриального мира характерна нравственная нейтральность и целостность.

Литература

1. Геллнер Э. Нации и национализм. Москва, «Прогресс». 1991 – 321 с.;
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: «Канон-пресс-Ц». 2011;
3. Миллер А. О дискурсивной природе национализма. – М.: «Pro et Contra», 1997. – Т. 2 – № 4.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Герман Д.В., Паршина С.В.

Проведен анализ отдельных отраслей экономики КНР. Особое внимание уделено вопросам китайских фондовых бирж и системе образования в Китае. Выявлены особенности стратегии сфокусированного развития, при которой первоначально обогащаются отдельные регионы, а затем происходит распространение развития на другие регионы.

Ключевые слова: стратегия сфокусированного развития, экспортная модель экономики, региональное сотрудничество, внешняя экономическая политика, финансовый кризис, образовательная система.

The analysis of individual sectors of the economy of the PRC. Special attention is paid to the issues of the Chinese stock exchanges and the education system in China. The peculiarities of the strategy of focused development, which originally enriched the individual regions, and then spread development to other regions.

Keywords: the strategy of focused development, the export model of the economy, regional cooperation, external economic policy, financial crisis, educational system.

Китайская экономика последовательно идет вперед. Сначала произошло расширение сельскохозяйственного производства, продукция которого стала активно экспортироваться. Следующим шагом было освоение рынков трудоемкого ширпотреба – изделий из кожи, производства одежды и обуви. В городах и сельской местности появились несложные трудоемкие производства. Дальнейшее развитие производства вылилось в настоящую промышленную революцию. Китай последовательно перешел к электронике, мебели, к изготовлению автомобильных комплектующих, а затем к развитию автомобильной промышленности.

Мы можем наблюдать развитие высоких технологий: производство ноутбуков, сотовых телефонов, сетевого оборудования. Китайская продукция за счет демпинга вытесняет аналогичную продукцию не только национальных производителей, но и развивающихся третьих стран. Например, экспорт Мексики в США падает, заводы переносятся в Китай. На очереди автомобильная экспансия, уже в ближайшее время автопром Китая может выйти на третье место в мире – здесь собираются значительная часть мировых брендов от «Фольксвагена» до «Лексуса». Так с 2006 года автопром Китая выпустил около 117 новых моделей легковых автомобилей.

Немалую роль в росте китайской экономики сыграли бурно развивающиеся до этого «капиталистические» части так называемого «большого» Китая – Тайвань и Гонконг, которые фактически явились капиталистическими анклавами, а также многочисленная китайская диаспора, разбросанная по всему миру. После того, как

материковый Китай «проснулся», они стали активно инвестировать в него финансы, технологии и опыт уже передовой экономики, играя большое значение в развитии и международной торговле Китая.

Значительную роль в успехе реформ играет грамотная региональная политика. Ее отличительная черта – самостоятельность регионов. Как гласит древняя китайская поговорка – «горы высоки, а до императора далеко». Большое значение имеет создание особых экономических зон, созданных после 1984 года в ряде городов – Шэньчжэнь, Чжухай, Сямынь, Шаньютоу. Затем этот статус получили еще 14 приморских городов. Эти зоны получили значительные инвестиционные и налоговые льготы, способствующие привлечению иностранных инвестиций и технологий. Как говорят сами китайцы – открытость есть развитие.

В Китае успешно используется стратегия сфокусированного развития, когда первыми обогащаются отдельные регионы. С 2000 года проводится курс на выравнивание уровня развития регионов. Местные власти создают для инвестирования самые тепличные условия, предоставляя инвестиционные и налоговые льготы. Власти порой закрывают глаза на условия труда на иностранных и местных заводах, становясь на сторону предпринимателей. Предприниматели США и Европы, уставшие от профсоюзов и дорогой рабочей силы, успешно организуют свои производства в Китае. Политика разделения налоговых поступлений между регионами и центром способствует активной позиции региона в максимизации поступлений по своим местным бюджетам.

С конца 1970-ых Китай переориентировался к экономической системе ориентированной на рынок, которая является одной из крупнейших в мире. В 2010 году Китай стал самым большим в мире экспортером. Реструктуризация экономики в Китае способствовала более чем десятикратному увеличению ВВП за период с 1978 по 2010 год. К 2020 году Китай должен по планам КПК догнать США по совокупному доходу ВВП. Китай является вторым после США по совокупной стоимости сектора услуг, которые он производит.

Чтобы способствовать структурным изменениям, Китай развивает собственную систему образования, проводит обучение студентов за рубежом (особенно в США и Японии), поощряет импорт технологий, позволяющих развивать такие прогрессивные сектора экономики как производство программного обеспечения, новых материалов, телекоммуникационную индустрию, биотехнологии, здравоохранение. Система образования в КНР включает начальную и среднюю школу, а также среднее специальное и высшее образование. Срок обучения в начальной школе шесть лет и три года в средней. В начальную школу в Китае поступают около 99% детей шестилетнего возраста. Приблизительно 73% подростков поступают в среднюю школу первой ступени, а 44% ее выпускников продолжают свое дальнейшее образование.

Принципиальное отличие китайского школьного образования – его платный характер. Только в 2007 году сельские дети были освобождены от платы за обучение. Такие меры были приняты по причине бедности сельского населения. Цена такого решения для государства составила 10 млрд. юаней. В вузах КНР обучается около 12 млн. студентов. Срок обучения от трех до шести лет. Число вузов и университетов немногим более 1000. С 1981 года введена система степеней – бака-

лавр, магистр и доктор наук. Срок обучения в вузе на первой ступени составляет три года. В магистратуре обучается около 300 тысяч человек. В Китае превалирует техническое образование.

Превосходя большинство азиатских стран по широте охвата населения базовым образованием, Китай заметно уступает им по относительному числу студентов. Наблюдается сравнительно невысокая доля расходов на образование в общем объеме ВВП страны (2,6%). Необходимо отметить еще два обстоятельства. Во-первых, в Китае существует сеть профессионально-технических, педагогических и медицинских учреждений. Во-вторых, широко распространены разнообразные формы продолжения общего образования и повышения профессиональной квалификации взрослых. Но лишь 10% китайцев соответствующего возраста имеют возможность пройти систематическое профессионально-техническое обучение. Существует система профессиональной переподготовки для людей, которые потеряли работу на государственных предприятиях.

Систему образования в Китае часто квалифицируют как прагматическую и селективную. Вероятность добраться до более высоких ступеней образования для среднего китайца невелика. Поступление в вуз – настоящий праздник для выпускника средней школы высшей ступени: конкурсы в отдельные университеты достигают до 200-300 человек на место. Одаренные молодые люди в Китае, как правило, пользуются различными льготами при продвижении по образовательной лестнице. К их услугам государственные стипендии, субсидии предприятий. Селективность системы высшего образования проявляется в том, что вузы страны делятся на несколько категорий в зависимости от числа баллов, полученных абитуриентом на выпускном школьном экзамене и необходимом для поступления в вуз.

В КНР свыше 384 млн. пользователей интернета. Страна также лидирует в мире по числу пользователей мобильной телефонной связи (487,3 млн. пользователей на апрель 2007). В районе Хайдянь севернее Пекина создана китайская «Силиконовая долина». Интенсификация производства приносит и побочные результаты: уровень скрытой безработицы в сельской местности примерно вдвое превышает официальные показатели. Китай негласно поощряет эмиграцию.

В 2010 году Китай стал вторым по объему товарооборота государством мира после США, обогнав по этому показателю, традиционно занимавшую это положение, Германию. При этом Китай активно наращивает свое торговое присутствие в мире по сравнению с другими ведущими странами, имеет наиболее крупное положительное сальдо во внешней торговле. Спад в объемах внешнеторгового оборота в условиях глобального финансового кризиса в Китае оказался наименьшим.

Экстенсивный экономический рост Китая требует все больше ресурсов и все более широкого рынка для сбыта продукции. В свою очередь развивающимся странам нужны капиталы, дешевые технологии, инфраструктура, оборудование и кадры. Это создает почву для успешного экономического сотрудничества и коммерции. Китай уже является одним из крупнейших партнеров для стран Юго-восточной Азии, Африки, Ближнего востока, Латинской Америки. Так Китай активно наращивает свое присутствие в Африке. Оборот внешней торговли Китая с этим регионом растет опережающими темпами. Китайские инвестиции вкладываются в разработку недр и обрабатывающую промышленность, в торговлю, транс-

порт, сельское хозяйство 49 африканских стран, умножая их бюджетные доходы и создавая новые рабочие места для местного населения.

Одним из важнейших направлений внешнеэкономической деятельности Китая является сотрудничество с Российской Федерацией в сфере торгово-экономического, топливно-энергетического и инвестиционного сотрудничества. Развитие российско-китайских торгово-экономических отношений, их диверсификация в полной мере соответствует как экономическим интересам российской Федерации, так и положительное влияние оказывает на экономику Китая.

Помимо этого, Китай – один из наиболее прибыльных регионов вложений американских банков и корпораций. В мире нет другого рынка, подобного американскому, который смог бы так масштабно привлекать продукцию китайских производственных мощностей. Однако, как только экономика США стала испытывать кризисные явления, противоречия в экономических интересах Китая и США значительно обострились. Это привело к масштабному спаду экспорта КНР в США, а в обозримой перспективе это сможет привести также и к тому, что экономическое развитие КНР столкнется со значительными трудностями.

Важное место в экономике Китая занимают две главные фондовые биржи: Гонконгская фондовая биржа и Шанхайская фондовая биржа. Гонконгская фондовая биржа (SEHK) расположена в Гонконге и является одной из крупнейших фондовых бирж мира. Это второй по величине фондовый рынок Азии по объему операций и капитализации. Первое место занимает Токийская фондовая биржа.

Шанхайская фондовая биржа (SSE) является фондовой биржей, которая расположена в городе Шанхай, Китай. Это одна из двух фондовых бирж, действующих независимо в КНР. Шанхайская фондовая биржа является шестой крупнейшей фондовой биржей в мире по рыночной капитализации. В отличие от Гонконгской фондовой биржи, Шанхайская фондовая биржа до сих пор не полностью открыта для иностранных инвесторов, в связи с жесткими мерами контроля со стороны властей КНР операций с капиталом из-за границы. Биржа входит в Федерацию фондовых бирж Азии и Океании.

Анализ состояния экономики невозможен без привлечения фондовых индексов, которые отражают фундаментальный характер финансово-экономических операций и показывают направление дальнейшего развития. Так одним из важных биржевых индексов китайской экономики выступает индекс SSE Composite, который рассчитывается с момента открытия Шанхайской фондовой биржи в декабре 1990 года. В расчет принимаются ежедневные значения цен всех акций, торгующихся на бирже. SSE Composite Index наряду с корейским KOSPI – Korea Composite Stock Price Index и японскими – Nikkei 225, Stock Average, Tokyo Stock Price Index – относится.

К четырем наиболее значимым биржевым индексам азиатского региона, отражающим текущее состояние фондового рынка Азии.

Hang Seng так же является самым важным биржевым индексом Гонконгской фондовой биржи. Автором индекса считают гонконгского банкира Стенли Свана. Расчет индекса начат с 24 ноября 1969 года компанией HIS – Services Limited. На закрытии рынка 31 июля 1964 года базовое значение индекса в 100 пунктов было эквивалентно стоимости акций. Исторический максимум фондовый индекс

установил 24 января 2007 года, тогда индикатор составил 20971,46 пункта, минимальное значение было зафиксировано 31 августа 1967 года – 58,61 пункта. За отметку 10,000 индекс перешел 6-го декабря 1993 года, 13 лет спустя индекс взял отметку в 20,000 пунктов. Hang Seng индекс формируется в зависимости от стоимости 12 крупнейших банков и страховых компаний и рассчитывается под влиянием четырех крупных топливно-энергетических компаний.

Современный Китай – страна с экспортной моделью экономики. Поэтому очень сильно зависит от экономической ситуации в странах, которые покупают производимые в КНР товары, материалы и оборудование. Так как рынком для китайской продукции является весь мир, в котором экономика большинства стран до сих пор переживает последствия финансового кризиса, эта ситуация отражается на росте китайской экономики. Наблюдается снижение темпов роста объема промышленного производства Китая. Так по сравнению с 2006 годом темпы снизились с 22,9% до 7,3% в 2014 году. Но несмотря на глобальный экономический кризис, условия для развития экономики в Китае сохраняются. Сочетание плановости и преимуществ свободного рынка, модернизация производства, широкое привлечение иностранного капитала, надежные государственные гарантии, высокая трудовая дисциплина – эти и другие условия служат залогом развивающейся экономики.

Литература

1. Михеев В. Китай: опыт стратегии «сфокусированного развития». Институт Дальнего Востока РАН. <http://derzava.com/statji/smironov-kitaj.html> (дата обращения 26.06.2015);
2. Анисимов А.Н. Финансовая стратегия Китая. Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. Сборник работ. – М.: Издатель Н.Е.Чернышова, 2001. – 368 с.;
3. Бергер Я.М. Умножение ВВП – китайский урок/ Время новостей 24 августа 2005;
4. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. – М.: ИД «Форум», 2009;
5. Шенкар О. Китай: век XXI. Развитие Китая, его влияние на мировую экономику и геополитическое равновесие. <http://lib.meta.ua/book/25713/> (дата обращения 26.06.2015).

ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ГЛАВЫ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА)

Корецкий А.А., Паршина С.В.

Рассматривается метод контент-анализа, этапы и инструменты его применения. Представлена информация о различных типах текстов. Обоснована возможность применения контент-анализа к текстам политико-экономической направленности. Выполнен контент-анализа «Главы 8: рабочий день» первого тома труда «Капитал» К.Г. Маркса, использована компьютерная программа. По результатам работы программы сделан статистический анализ, полученных данных.

Ключевые слова: *контент-анализ в политологии, материальный носитель информации, измерения, теория прибавочной стоимости, ненормированный рабочий день.*

Discusses a method of content analysis, stages and tools for its application. Presents information about different types of texts. The possibility of applying content analysis to the texts of the political-economic orientation. Performed the content analysis «Chapter 8: working day» of the first volume of «Capital» by K. G. Marx, used the computer program. Obtained data is a result of the statistical analysis.

Keywords: *content analysis in political science, material storage, measurement, theory of surplus value, irregular working hours.*

Контент-анализ – это количественный метод сбора данных, применяемый в политологии, социологии, психологии и других науках. Суть метода заключается в переводе текстовой или графической информации в количественные показатели, качественно-количественном анализе содержания этой информации с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах.

В зависимости от вида носителя информации выделяют контент-анализ печатных СМИ, контент-анализ документов, контент-анализ радио и телеканала, контент-анализ сайта, контент-анализ рекламы и т.д. Тексты, подвергающиеся контент-анализу должны обладать следующими характеристиками: единая форма текстов, заданный тип источника, сопоставимый размер текстов. Массив информации должен быть однородным по характеристикам, авторству и социальному контексту. Необходимо, чтобы исследуемое содержание позволило задать однозначное правило для надежного фиксирования нужных характеристик (принцип формализации), а также, чтобы интересующие исследователя элементы содержания встречались с достаточной частотой (принцип статистической значимости).

К категориям контент-анализа обычно относят информационные единицы, среди которых выделяют знаки, цели, ценности, темы, авторы, жанры и др. Контент-анализ сообщений средств массовой информации довольно часто

осуществляется на основе парадигматического подхода, в соответствии с которым изучаемые признаки текстов рассматриваются как определенным образом организованная структура. При выборе категорий для контент-анализа следует избегать крайностей: выбора слишком многочисленных и дробных категорий, почти повторяющих текст, и выбора слишком крупных категорий, т.к. это может привести к упрощенному, поверхностному анализу. Иногда необходимо принимать во внимание и отсутствующие элементы текста.

Основные направления применения контент-анализа: выявление того, что существовало до текста и что тем или иным образом получило в нем отражение (текст как индикатор определенных сторон изучаемого объекта – окружающей действительности, автора или адресата); определение того, что существует только в тексте как таковом (различные характеристики формы – язык, структура, жанр сообщения, ритм и тон речи); выявление того, что будет существовать после текста, то есть после его восприятия адресатом (оценка различных эффектов воздействия).

В практике отечественных контент-аналитических исследований наиболее употребительными единицами анализа являются слово, простое предложение, суждение, тема, автор, герой, социальная ситуация, сообщение в целом и др. Сложные виды контент-анализа обычно оперируют не одной, а несколькими единицами анализа. Единицы анализа, взятые изолированно, могут быть не всегда правильно истолкованы, поэтому они рассматриваются на фоне более широких лингвистических или содержательных структур, указывающих на характер членения текста, в пределах которого идентифицируется присутствие или отсутствие единиц анализа – контекстуальных единиц. Например, для единицы анализа «слово» контекстуальная единица – «предложение». Наконец, необходимо установить единицу счета – количественную меру взаимосвязи текстовых и вне текстовых явлений. Наиболее употребительны такие единицы счета, как время-пространство (число строк, площадь, минуты, время вещания и т.п.), появление признаков в тексте, частота их появления.

Использование контент-анализа в политологии направлено на изучение информации об индивидах, социальных группах, учреждениях, о странах. Важна информация о политических предпочтениях и способностях кандидатов. Эта информация обычно представлена в предвыборных плакатах и сводках новостей. Изучение внутреннего циркуляра крупной корпорации, определение точности информации, публикуемой в каком-либо источнике, определение степени соответствия того или иного документа целям, для которых этот документ разработан. Эти и другие вопросы могут быть изучены политологами посредством контент-анализа.

Контент-анализ может быть использован для ответа на исследовательские вопросы всегда, если имеется какой-то материальный носитель информации, так или иначе относящийся к интересующим нас политическим субъектам, и когда у исследователя есть доступ к этому информационному источнику. Примеры таких носителей – книги, памфлеты, дипломатические коммюнике и инструкции, политические плакаты, карикатуры и лозунги, тексты речей и даже письма и дневники. Некоторые из этих носителей могут быть предельно подробными и точными (например, стенографический отчет о заседании конгресса) в отличие от других

(например, от повестки дня того же самого конгресса). Многие из них никак не зависят от исследовательского процесса, а есть и такие, которые исследователь должен воспроизвести сам. Однако все источники данных для контент-анализа имеют одну существенную черту: наличие материального носителя информации. Во всех случаях, когда он существует или может быть воссоздан, допустимо использование контент-анализа.

Первый шаг в подготовке к контент-анализу состоит в определении той совокупности сообщений, которую мы будем изучать. Здесь перед нами открывается ряд возможностей. То, какая из них оптимальна будет зависеть от конкретного исследовательского вопроса. Совокупность сообщений, подлежащих изучению, определяется с помощью набора заданных критериев, которым должно отвечать каждое сообщение. К этим критериям относятся: тип сообщений (романы, газетные публикации, дипломатические ноты), стороны, участвующие в процессе коммуникации (отправитель, или получатель, или они оба), а также место распространения, частота появления, минимальный объем или длина, способ распространения и время появления сообщений. При необходимости могут быть использованы и другие критерии, однако те, которые перечислены нами выше встречаются в большинстве исследований, где применяется контент-анализ. Первоочередная задача при подготовке к контент-анализу состоит в том, чтобы выбрать среди этих критериев те, которые имеют наиболее непосредственное отношение к конкретному исследовательскому вопросу.

После того как мы определили совокупность сообщений, перед нами встает задача решить какие из сообщений мы будем изучать наиболее детально. Поскольку подлежащие анализу случаи (сообщения) зачастую ограничены и относительно хорошо доступны и поскольку контент-анализ в целом менее дорогостоящ (в расчете на каждое сообщение), чем другие методы (в особенности опрос), иногда удается подробно исследовать каждый случай из данной совокупности, то есть по сути произвести опись всех случаев. Именно возможность изучения большого количества случаев является одной из главных привлекательных черт контент-анализа как исследовательского метода. Чаше, однако, случается, что даже контент-анализ вынужден опираться на ограниченную выборку, взятую из более крупной совокупности.

Ввиду того, что для документов, газетных статей и пр. обыкновенно существуют указатели или перечни, публикуемые в центральных изданиях и потому доступные для исследования, в контент-анализе из выборочных методов чаще всего применяется простой случайный отбор и систематический случайный отбор. Но даже тогда, когда необходимо выборочное исследование, размеры выборок для контент-анализа – благодаря доступности и относительной дешевизне исходных данных обычно значительно превосходят те, которые вынуждены довольствоваться другие виды исследования. Результатом этого, конечно же, является уменьшение ошибки выборки и повышение уровня надежности исследований.

В данном исследовании мы представляем контент-анализ «Главы 8: рабочий день» из первого тома труда «Капитал» К.Г. Маркса. Интерес к изучению произведений эпохи марксизма-ленинизма обусловлен финансово-экономической и политической ситуацией в России и мировом сообществе в целом на современном этапе

развития. Мировой финансово-экономический кризис, политическая нестабильность, военные действия на Украине и в странах Дальнего востока, делают актуальным поиск возможностей мирного урегулирования конфликтных ситуаций и достижения согласованного взаимодействия между государствами и внутри государств. Изучение произведения «Капитал» К.Г. Маркса может помочь в поиске способов и путей оптимального взаимодействия между людьми и государствами.

Контент-анализ «Главы 8: рабочий день» из первого тома труда «Капитал» К.Г. Маркса проведен нами с помощью популярного онлайн инструмента «WICKA» и программы ВААЛ-мини. Ниже приведены полученные статистики.

Статистика текста: количество символов – 98667; количество символов без пробелов – 84382; количество предложений – 989; средняя длина предложения – 17,5; количество слов – 13648; количество уникальных слов – 3033; количество значимых слов – 4025; количество стоп-слов – 5232. Слова, имеющие отношение к теме рабочего дня выделены в отдельный класс, определено их количество и вычислена частота встречаемости их в тексте: рабочий – 239 (2,15%); труд – 149 (1,34%); час – 129 (1,16%); оно – 58 (0,52%); один – 54 (0,49%); сила – 54 (0,49%); производство – 52 (0,47%); работать – 51 (0,46%); деть – 49 (0,44%); много – 40 (0,36%); прибавочный – 39 (0,35%); работа – 39 (0,35%); закон – 33 (0,30%); капитал – 33 (0,30%); стоимость – 32 (0,29%); лишь – 30 (0,27%); ночь – 29 (0,26%); часть – 29 (0,26%); неделя – 27 (0,24%); утро – 27 (0,24%); вечер – 26 (0,23%); необходимый – 26 (0,23%); капиталист – 25 (0,22%); образ – 25 (0,22%); все – 24 (0,22%); продолжение – 24 (0,22%); подросток – 23 (0,21%); случай – 22 (0,20%); ребенок – 21 (0,19%).

Количество уникальных слов (3033) указывает на то, что текст главы 8 из труда К.Г. Маркса «Капитал» в русском переводе написан средне сложным языком. То, что значащих слов из числа уникальных 75%, указывает на то, что текст насыщен смыслами. Средняя длина предложения 17,5 несколько превосходит длину предложений в современных русскоязычных текстах (в среднем она составляет 14 слов). Важным показателем статистического анализа выступает частотность слов. На первом месте стоит слово «рабочий». Всего оно употреблено в тексте 239 раз и имеет частотность 2,15, что говорит нам о том, что данному социальному классу посвящена вся глава. На втором месте находится слово «труд», что не удивительно, поскольку труд по Марксу – одно из ключевых средств производства. Оно было употреблено в тексте 149 раз и имеет частотность 3,34%.

Закономерно, что на одном из первых мест оказывается слово «производство», поскольку именно производство товаров является важным аспектом финансово-экономической теории. Но так как данная глава по большей мере посвящена длительности рабочего дня, то термин производство естественно занимает 8 место с 52 упоминаниями. Слово «час» упоминается в тексте 129 раз и имеет частотность 1,16%. Час является ключевой единицей измерения рабочего времени, в часах измеряется рабочий день, который, по словам К.Г. Маркса, делится на две части. Часть рабочего времени рабочий затрачивает на удовлетворение своих потребности и оставшаяся часть рабочего времени идет на производство прибыли. Довольно часто упоминаются слова «день», «ночь», «вечер». С помощью этих слов

представлено время суток. Ясно видно, что автор поднимает проблемы ненормированного и неудобного рабочего дня.

Закономерно и то, что высокую частотность имеют слова «работа» и «работать», поскольку речь в тексте идет как раз о количестве рабочего времени. «Капитал» создавался во времена, когда широкое распространение имел детский труд. Эта проблема не могла быть не отражена в тексте. В связи с этим, мы видим в тексте частое упоминание таких слов как «ребенок», «подросток», «мальчик». Главный угнетатель рабочего класса по К.М. Марксу – капиталист. Это слово употребляется в тексте 27 раз и имеет частотность 0,20 %.

В результате проведенного контент-анализа главы, на основании статистических данных о количестве упоминаний и частотности характерных слов, мы получили представления о темах и проблемах, которые затрагиваются и раскрываются в главе. Структура, жанр и характер текста, позволяют использовать данный труд для разрешения противоречий в политической и финансово-экономической сферах жизни современного мирового сообщества.

Литература

1. Социологическая энциклопедия. / Под общ. Ред. А.Н. Данилова. – Минск, 2003;
2. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М., 1984;
3. Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1–2. – М., 1973;
4. Методы анализа документов в социологических исследованиях. – М., 1985;
5. Эффективность средств массовой информации. – М., 1986;
6. Фолиева Т.Д. Метод качественно-количественного анализа содержания текста в религиозных исследованиях. <http://religious-life.ru/2012/03/folieva-metod-kachestvenno-kolichestvennogo-analiza-soderzhaniya-teksta-v-religiovedcheskih-issledovaniyah/>;
7. Мангейм Дж. Б., Рич Р.К. политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисл. А.К. Соколова. – М.: Весь Мир, 1997.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Гонцов К.В.

В статье рассматривается феномен государственной политики с позиции её роли в социально-политической стабилизации общества. Автор анализирует классические и современные подходы к определению государственной политики, её функций, типов и акторов. Совмещая современные подходы к определению стабильности и государственной политики, автор выводит определение государственной политики стабилизации, которая осуществляется в первую очередь в кризисный для системы период.

Ключевые слова: государственная политика стабилизации, социально-политическая стабильность, акторы, кризис, дестабилизация.

The article discusses the phenomenon of public policy from the viewpoint of its role in the socio-political stabilization of society. The author analyzes the classical and modern approaches to the definition of public policy, its functions, types and actors. Combining modern approaches to the definition of stability and State policy, the author displays the definition of the state policy of stabilization, which takes place primarily during the crisis period.

Keywords: state policy of stabilization, socio-political stability, actors, crisis, destabilization.

Как многоуровневая и многообразная категория, политика может быть классифицирована на различные подвиды. В зависимости от субъектов, осуществляющих данный вид деятельности, она классифицируется на государственную политику, партийную, политику социальной группы, политику организации, политику лидера [14, с. 66]. Особую роль выполняет государственная политика. С появлением теории элит появляются представления о формировании государственной политики как процесса регулирования интересов социальных отношений, которого выполняют особые слои населения – элиты. Государство, как политический центр принятия решений обладает значительными ресурсами управления обществом. Политические институты государства формируют «управленческий курс» развития. Как отмечает А.И. Соловьев, основной задачей государства является сохранение политического режима, целостности территории и стабильности. При этом, пытаясь сохранить власть определенной группы лиц (элиты), государственные политические институты зачастую пренебрегают многими критериями рационального управления (экономической эффективностью, справедливого распределения и т.д.) Нерациональный характер принятия решений может усиливаться в периоды, предшествующие избирательным кампаниям, поскольку проводимая политика начинает ориентироваться на предвыборные обещания [15, с. 440 – 441].

Таким образом, можно даже говорить о цикличности в формировании государственной политики.

В данном случае, на наш взгляд, особый интерес представляет анализ государственной политики в периоды дестабилизации общественно-политической ситуации, экономических кризисов и т.д. Какие механизмы используют политические институты для стабилизации общественных отношений? Насколько эффективно используются существующие у государственной власти ресурсы? Прежде чем перейти к рассмотрению данных вопросов необходимо проанализировать само понятие государственной политики, его структуру, сущность и отличительные особенности.

На протяжении развития общественно-политической мысли сложились различные подходы к определению сущности государственной политики. Проанализировав зарубежную социологическую и политологическую литературу, Е.А. Глотова выделяет несколько подходов. Так институционализм рассматривает государственную политику как результата деятельности государственных институтов (правительство, парламент, судебные органы и т.д.), использующих определенные административные процедуры. К представителям данного подхода можно отнести Р. Арона, П. Бурдьё, М. Дюверже, Т. Парсонса. С точки зрения концепции политического процесса государственная политика рассматривается как результат политической деятельности, имеющей фиксированные ступени и этапы (определение проблем, целей, формирование политики, выполнение, оценка, мониторинг) в процессе решения общественных проблем (П. Блау, С. Бармс, Е.Г. Морозова). «Теория групп» видит государственную политику как результат групповой борьбы, конфликт между различными группами в обществе и правительстве и поиск консенсуса по конкретным вопросам (А. Бентли, Г. Трумэн). Согласно теории элит государственная политика – это результат предпочтения и выбора политической и административной элит (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс). С точки зрения теории рационализма государственная политика представляет результат деятельности по достижению оптимальных общественных целей на основе разработанных технологий управления выбора (А.А. Дегтярев, В.П. Култыгин). Как особое ответвление теории рационального выбора, теория игр представляет государственную политику как рациональный выбор в конкурентной борьбе двух наиболее влиятельных сторон в обществе или правительстве (Р. Ауман, В. Бусыгин, Л. Гурвич). Сторонники теории «общественного выбора» – М. Дэнис, Дж. Бьюкенен, Г. Талок – представляли государственную политику как результат деятельности индивидов на основе осознания собственных интересов и принятия соответствующих решений, которые должны им принести определенную выгоду. Наконец, теория открытых систем, получившая наибольшее признание после 50-х гг. XX века, видит государственную политику как результат ответа политической системы на запросы и нужды соответствующих структур и факторов внешней среды (Д. Истон, В.А. Лекторский, Р. Майер) [5, с. 31].

Вместе с тем, современные подходы к анализу государственной политики не исчерпываются вышеперечисленными. Современные исследователи используют как узкие, так и широкие интерпретации данной категории.

Так, например, с точки зрения теории административного процесса государственная политика представляет собой институционально-управленческую практику государственной бюрократии, чувствительную к потребностям общества и направленную на эффективное и производительное удовлетворение общественных потребностей [14, с. 67]. Таким образом, в данной интерпретации понятия основным субъектом государственной политики выступает управленческий аппарат.

Существуют и более ограниченные трактовки государственной политики. Например, отождествление данного феномена с политическим руководством – «консолидированной кооперацией государственных и неправительственных институтов и структур по обеспечению удовлетворения общественно значимых потребностей» [14, с. 20]. Ограниченность данного определения, на наш взгляд, очевидна. С данной точки зрения государственная политика сводится только к распределению имеющихся благ между различными социальными группами. В то же время не учитываются управленческие, прогностические функции государственной политики, осуществление антикризисных мер.

Л.В. Сморгун под государственной политикой понимает «политический процесс управленческого влияния главным образом институтов исполнительной власти государства на основные сферы общества, опирающийся на непосредственное применение государственных властных полномочий как при разработке, так и при осуществлении стратегии и тактики регулирующего и организующего воздействия на все компоненты и аспекты функционирования и развития экономики, социальной сферы и других подсистем общества посредством размещения ресурсов, распределения, перераспределения общественных благ и других мер» [14, с. 67]. Данное определение, на наш взгляд, является более полным и включает в процесс осуществления государственной политики таких политических субъектов как президент, правительство, законодательные органы.

По мнению А.И. Соловьева, государственная политика представляет собой «целенаправленное решение задач в социальной, экономической, оборонной и других сферах общественной жизни, выражающее доминирующие приоритеты и ценности применения власти» [15, с. 489].

Е.А. Глотова, основываясь на теоретических наработках Л.В. Сморгунова, дает следующее определение государственной политики: «взаимосвязь субстанциональных (государственная власть), личностных (политические субъекты), институциональных (правительство) и процессуальных компонентов системы управленческого влияния государственных органов на реализацию основных задач и функций государства в обеспечении безопасности жизнедеятельности его граждан» [5, с. 28].

Исходя из выше предложенных определений, мы можем сделать вывод, что большинство исследователей рассматривает государственную политику с точки зрения структурно-функционального подхода. Вместе с тем, отмечается и процессуальный характер данного вида деятельности. Это помогает нам выделить две основные составляющие государственной политики: структура и процесс управления. Соответственно, мы делаем вывод, что феномен государственной политики

связан с процессом реализации политическими субъектами функций государственного управления, направленных на решение общественно значимых задач.

Итак, обратимся к теоретическим подходам к рассмотрению структуры государственной политики. Так, Л.В. Сморгунов, анализируя государственную политику в рамках системного подхода, выделяет следующие ее составляющие: субстанциональные, человеческие, институциональные, процессуальные и духовные. В качестве первого компонента выступает «властная подструктура» [14, с. 68]. Ее особенность, по мнению исследователя, заключается в императивном характере власти, который предполагает возможность использования легального принуждения. Институционально данная составляющая помимо традиционных органов государственной власти включает и органы принуждения: МВД, прокуратуру и другие. Социальные субъекты государственной власти, выделенные Л.В. Сморгуновым, – это население. При этом следует отметить, что все население выступает социальным субъектом в период выборов и референдумов. В остальные периоды в качестве социальных субъектов выступают руководители государства и его различных институтов, а также государственные служащие. В качестве социальных субъектов государственной политики могут выступать различные виды элит. Институциональный компонент государственной власти выражается в функционировании определенных государственных институтов. Особый статус имеет институт главы государства. Именно одной из основных функций является выработка общенациональной стратегии социально-экономического и политического развития государства. Среди институтов можно отметить правительство, министерства, администрации и т.д. Политические партии, как отмечает Л.В. Сморгунов, в систему государственной политики не входят, при этом влияют на нее. К институциональным компонентам относятся также конституция и различные нормативно-правовые акты. Процессуальный компонент системы государственной политики включает в себя структурные связи первой и второй оставляющей в связи с осуществлением управленческого цикла. Управленческий цикл состоит из следующих стадий: выработка и принятие политического решения с главной особенностью целеполагания, организация; регулирование и координирование исполнения политического решения и обобщение итогов реализации [14, с. 68 – 71].

Российский исследователь А. Ю. Мельвиль, анализируя понятие «государственная политика», выделил четыре крупных «блока» его структуры. Первый предполагает установление порядка формирования субъектов государственной политики. Здесь можно выделить четыре «вариации» данного процесса: элитарный, корпоратистский, плюралистический и патриципаторный подходы. Основным принцип выделения данных подходов – характер субъекта государственной политики. В связи с этим, с точки зрения элитарного подхода государством управляют хорошо подготовленные профессиональные «менеджеры», главный показатель работы которых – эффективность. Чрезмерное представительство же ведет к снижению качества управления и, соответственно, его результатов. Таким образом, основной субъект государственной политики – элита, которой население передает функции управления. Корпоратистский подход предполагает согласование интересов различных социальных групп посредством существующих парламентских ме-

ханизмов, а также организаций гражданского общества. В рамках плюралистического подхода государственную политику реализуют органы государственной власти, сформированные на основе демократического пропорционального представительства. Государственные органы формируют стратегию развития, исходя из многообразных интересов населения. Последний подход к анализу государственной политики предполагает влияние на выработку стратегии различных общественных групп, а также децентрализацию принятия государственных решений. Таким образом, основными субъектами осуществления государственной политики является власть «на местах».

Вместе с тем, как отмечает Ю.А. Мельвиль, существует еще один – коллективный субъект осуществления государственной политики, которым становятся избиратели во время референдумов [12, с. 306 – 307].

Второй «блок» государственной политики включает разработку стратегического курса и принятие государственных решений. Данный блок включает в себя деятельность законодательных и исполнительных органов. В зависимости от распределения полномочий между парламентом и правительством А.Ю. Мельвиль выделяет активный и представительский подход при разработке курса и принятии решений.

Третий «блок» включает методы государственного управления. По мнению А.Ю. Мельвиля, методы государственного управления напрямую зависят от характера установленного политического режима, заключающегося в особенностях взаимодействия государственных органов и граждан, а также частотой использования убеждения, принуждения, насилия и т.д.

Четвертый «блок» включает контроль над управленческим процессом и «самокоррекцию его режима» [12, с. 307]. Данные функции в государственном управлении выполняют судебные и надзорные органы.

На наш взгляд, подход к определению структуры государственной политики, предложенный А.Ю. Мельвилем, в большей степени акцентирует внимание не на самой структуре, а на процессе осуществления, реализации управления. Что само по себе не является ошибочным, а отчасти дополняет и раскрывает сущность процессуального компонента, выделенного Л.В. Сморгунковым. Вместе с тем, одной из отправных точек (с чем согласно большинство современных исследователей) при анализе государственной политики является выделение ее основных акторов (субъектов).

Рассмотренные подходы помогают нам сформировать «систему» государственной политики. В нее мы будем включать основных акторов, осуществляющих или влияющих на государственное управление; объект реализации государственной политики; институты (в том числе и нормы) и учреждения, реализующие государственную политику; основные задачи (функции), стоящие перед акторами; а также процесс государственного управления, который, по сути, объединяет в единое целое все остальные компоненты. Отдельно мы не стали выделять «духовный» или идеологический компонент, поскольку на наш взгляд, представляя общую цель развития общества и государства, он должен быть неотъемлемой частью стратегий государственного управления.

При анализе акторов государственной политики необходимо учитывать специфику управленческого процесса. В современных государствах властные полномочия могут быть разделены как горизонтально (выделение законодательной, исполнительной и судебной власти), так и вертикально (федеральный, региональный и местные уровни управления). В связи с этим расширяется и «набор» субъектов государственной политики.

Вместе с тем, анализируя исследуемый нами феномен как «процесс», мы должны определить на кого он направлен (объекты регулирования), а также какие задачи стоят перед политическими акторами при осуществлении данного процесса (функциональная составляющая государственной политики).

При определении объектов государственной политики можно выделить два основных подхода. Первый в качестве объектов рассматривает сферы общественной жизни, а также отдельные ресурсы. В соответствие с этим выделяется экономическая, социальная, экологическая, культурная политика и др. Второй подход предполагает выделение объектов государственной политики в соответствие с существующими в обществе группами: социально-демографическими, этническими и т.д. В соответствии с данным разделением общества осуществляется гендерная, молодежная политика, этнонациональная и т.д.

Всех субъектов осуществления государственной политики мы будем подразделять на акторов нескольких порядков, в соответствие с этим акторами первого порядка выступают президент и правительство.

Большинство исследователей выделяют «стандартный» набор основных функций, которые выполняет государственная политика. Так, Сморгунов Л.В., Атаманчук Г.В., Анохин М.Г. выделяют следующие функции:

- управленческая (заключается в политическом руководстве обществом);
- интегративная (представляет собой обеспечение консолидации общества, достижение стабильности общества в целом и составляющих его частей, систем);
- регулятивная (связана с упорядочением, регламентацией политического поведения и политических отношений);
- теоретико-прогностическая (предполагает выработку концепции курса развития общества);
- артикуляционная (включает выявление и выражение интересов различных групп общества);
- нормативная (предполагает выработку и утверждение системы норм и ценностей в обществе);
- социализации (включение, приобщение индивида в общественную жизнь, политическую среду) [5, с. 22].

По мнению исследователя Е.А. Глотовой, именно интегративная функция отличает государственную политику от других видов деятельности. Как отмечает исследователь, «специфика государственной политики состоит в том, что она, выражая и защищая интересы определенной социальной группы, должна учитывать интересы всех других сосуществующих в обществе социальных слоев и групп, как бы интегрируя их» [5, с. 21]. Таким образом, исследователь подтверждает мнение

А.И. Соловьева о том, что задачей государственной политики является поддержание целостности и стабильности общества, гражданского согласия.

Основную значимость представляет интегративная функция. Раскрывая ее суть, мы будем предполагать, что акторы государственной политики в управленческом процессе должны опираться на общенациональную идею, цель, которая консолидирует все общество. Данная «идея» должна быть стержнем, на котором основываются все управленческие действия. Особо данная идея должна актуализироваться в период кризисов.

В целом, сам феномен государственной политики среди исследователей подвергается различным классификациям. Используя различные критерии, современные политологи и социологи лишь подтверждают многосторонность данного феномена. Наиболее типичным является разделение государственной политики по сферам общества, на которые она направлена. В связи с этим выделяют экономическую, социальную политику и т.д.

Интересную «функциональную» классификацию предлагают А.Н. Маркова, а также ряд других исследователей [7, с. 219]. Анализируя концепт государственной политики, она выделила:

- распределительную, связанную с действиями органов государственной власти по распределению материальных благ и выгод среди групп населения (социальные программы, образование, наука);
- перераспределительную, которая предполагает передачу ресурсов от одной группы населения к другой (налоги, тарифы);
- регулируемую, которая предполагает регулирование различных видов деятельности (экономическое, защита потребительского рынка и т.д.);
- административно-правовую, которая предполагает осуществление нормотворческой деятельности государства;
- стратегическую, в основе которой лежат взаимоотношения с зарубежными государствами и осуществление оборонной политики;
- антикризисную, предполагающую проведение политики при возникновении чрезвычайных обстоятельств [11, с. 564].

На наш взгляд, данная классификация лишь дублирует функции государственной политики. Вместе с тем, следует отметить, что так «жестко» разделять изучаемый феномен не представляется нам верным, поскольку государственная политика в «идеале» должна выполнять все вышеперечисленные функции одновременно.

Другой популярной является классификация в соответствие с характером акторов государственной политики. Так, например, В.В. Лобанов, в зависимости от субъекта инициирования целей и задач, разработки мероприятий и программ государственной политики, выделяет следующие модели:

- «сверху - вниз». Данная модель предполагает принятие решений на высших уровнях управления, которые в последующем доводятся до нижних уровней и конкретных исполнителей, которые по сути своей пассивны и являются исполнителями данных решений

– «снизу - вверх». Формирование государственной политики при такой модели происходит с нижних структур государственного управления, привлекаются общественные группы и организации, участвующие в разработке и осуществлении различных программ и проектов.

– «смешанная модель». Данная модель объединяет элементы первой и второй и предполагает наличие механизмов привлечения к разработке государственной политики граждан и государственных служащих при сильном централизованном управлении [10, с. 327].

В соответствие с уровнем осуществления государственной политики Е.А. Глотова отмечает, что можно выделить общенациональную (государственную), региональную и местную политику [5, с. 30]. Общегосударственная политика предполагает осуществление данной деятельности в масштабе всего государства. Глотова отмечает, что данный вид государственной политики представляет собой стратегический курс развития страны в целом. Региональная политика представляет собой «комплекс законодательных, административных и экономических мероприятий, способствующих наиболее рациональному размещению производительных сил и выравниванию уровня жизни населения» [5, с. 30].

Муниципальная политика включает в себя три основных блока: равновесие интересов всех жителей местности, эффективное управление экономической и инвестиционной сферой муниципального образования, структурообразующая деятельность муниципалитета [5, с. 30 – 31].

По мнению Е.А. Глотовой, для Российской Федерации региональная политика – приоритетное направление, поскольку «от ее эффективности зависит единство, целостность, политическая стабильность государства, использование потенциала межрегионального обмена, социальное благополучие населения» [5, с. 31]. Регулирование развития субъектов РФ осуществляется через федеральные региональные программы, инвестиционные проекты, федеральные заказы местным предприятиям и т.д.

Итак, наиболее полезным для нас выводом является отнесение государственной политики России к модели «сверху – вниз», предложенной В.В. Лобановым. Данная классификация подтверждает правильность выделения нами акторов первого, второго и третьего порядка.

Реализация государственной политики осуществляется через государственное управление. А.Ю. Мельвиль рассматривает государственное управление как одну из составляющих политического процесса. Государственное управление, по мнению исследователя, включает в себя два основных взаимонаправленных (в идеале) процесса: регулирование коллективных ресурсов и руководство людьми, поддержание порядка в обществе [12, с. 304]. А.Ю. Мельвиль выделил следующие черты, которые отличают государственное управление от других видов управления. Среди них он отметил:

- универсальность, которая обусловлена широкими властными полномочиями;
- регламентированность деятельности конституционным правом;

– наличие у государственной организации широкого комплекса публично-властных полномочий, «используемых от имени и в интересах всего общества»;

– использование административных методов руководства и принуждения [12, с. 304 – 305].

В.Г. Атаманчук под государственным управлением понимает практическое, организующие и регулирующие воздействие государства (через систему своих структур) на общественную и частную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на властную силу [2, с. 21].

Глазунова Н.И. приводит аналогичное определение. По ее мнению, государственное управление представляет целенаправленное организующее-регулирующее воздействие государства (через систему органов и должностных лиц) на общественные процессы, отношения и деятельность людей [3, с. 56].

Несколько иное представление о государственном управлении мы можем найти в работах современных социологов. Так, Г.Е. Зборовский и Н.Б. Костина рассматривают государственное управление наряду с муниципальным управлением и менеджментом на уровне фирмы как один из видов социального управления. Основанием выделения государственного управления в отдельную категорию, по мнению исследователей, является специфика объекта управления. Он представляет собой «разнообразную деятельность множества разнородных социальных групп, объединенных на территории одного государственного образования» [6, с. 97]. Основным средством управления становится нормотворческая база, а реализация государственного управления возлагается на государственные органы. Анализируя социальное управление с точки зрения системного подхода, исследователи выделяют такие составляющие как субъекты управления (органы государственной власти и местного самоуправления, отдельные индивиды), проект управленческой деятельности (идеальный образ разрешения управленческой задачи), объект управления, а также цели социального управления [6, с. 104 – 105].

Относя государственное управление к одному из видов социального управления, В.Е. Чиркин понимает под ним, прежде всего упорядочивающую деятельность государства, направленную на урегулирование жизнедеятельности общества, «отношений личности, различных коллективов, государства и общества, установление их рациональных взаимосвязей путем применения государственной ... власти» [16, с. 15].

Изучение государственного управления в рамках интегративного системного подхода мы можем проследить в работах Н.И. Глазуновой. По мнению исследователя, государственное управление представляет собой функционирование ряда сложноорганизованных социальных систем. Первая – «система управляющая» – представляет собой рассмотрение государства как главенствующего субъекта управления. «Система управляемая» включает компоненты общества, на которые непосредственно оказывает влияние государство. «Система взаимодействия» представляет собой институты государства и общества, с существующими между ними связями и разного рода отношениями [4, с. 17].

Основным выводом в настоящее время должно стать понимание того, что в раскрытии феномена государственного управления наиболее важным является определение основной цели: на что направлен данный вид деятельности? Как правильно подчеркнули исследователи, государственное управление должно быть направлено на регулирование жизнедеятельности общества, то есть фактически поддержание равновесия во всех его сферах: между интересами различных групп, объективное распределение ресурсов и т.д. Исходя из современного понимания о стабильности общества, мы делаем вывод, что государственное управление в настоящее время сводится к поддержанию стабильного развития общества.

В процессе государственного управления в распоряжении политических акторов есть различные технологии формирования и реализации государственной политики. Универсальными, по мнению А.И. Соловьева, являются прогнозирование, планирование и программирование [15, с. 445]. Политическое прогнозирование «является гипотетическим отражением политики будущего». Оно определяет определенный набор факторов, влияющих в настоящее время на объект государственной политики и, таким образом, предполагает дальнейший ход развития общества.

Планирование предполагает создание определенных «рамочек действия». Как отмечает А.И. Соловьев, планирование отражает «конкретные параметры активности и обязательства субъектов, действующих в определенных условиях и временных рамках» [15, с. 446].

Отличительной особенностью программирования является определение совокупности мер, которые будут решать конкретную задачу. С точки зрения масштаба программирование значительно меньше планирования, вместе с тем оно направлено на определение и измерение конкретно достигнутых результатов [15, с. 445 – 447].

Особым видом технологий государственной политики и управления, как отмечает А.И. Соловьев, являются технологии управления рисками. Риск представляет собой «либо отклонение действий субъектов (или развитие ситуации) от поставленных целей, либо увеличение возможности неблагоприятных последствий для управляющей системы» [15, с. 448]. Существует множество причин появления политических рисков. Во многом это обусловлено самой спецификой социальных систем, развитие которых не может быть точно спрогнозировано.

Формирование технологий, защиты от рисков предполагает применение различных аналитических методов, которые помогают определить факторы и симптомы рисков. Такие технологии позволяют значительно увеличить количество рассматриваемых альтернатив развития, и в случае проявления «форс-мажорных» ситуаций запустить процессы саморегуляции. Среди основных методов построения вероятностных моделей можно отметить сценарные методы, экспертные оценки, математические методы (построение различных рейтингов и индексов), социальные технологии (публичное рассмотрение появившейся проблемы, формирование адекватного отношения общественности к кризисным ситуациям и т.д.) [15, с. 448 – 450].

Еще одним видом технологий государственного управления являются кризисные. Как отмечает А.Ю. Соловьев, в периоды кризисов основные задачи государ-

ственного управления сужаются, вместе с тем приоритет управленческой функции сохраняется.

Органы государственной власти должны отвечать на ситуации дестабилизации с помощью мер упреждающего характера (адекватная реакция, подготовка к таким периодам). Среди упреждающих методов государственного управления в период кризиса А.И. Соловьев выделяет следующие:

- создание резервной системы государственного управления (кадровая, техническая, информационная и др.);
- осуществление превентивных мер в политико-правовой сфере (принятия законов, постановлений правительства о деятельности в период кризисных и чрезвычайных ситуаций);
- перераспределения материальных ресурсов, создание запасов, способных гарантировать жизнеспособность граждан и деятельность необходимых структур управления в Центре и регионах.

Оперативные методы государственного управления в период кризисов направлены на изучение самой нестабильной ситуации, классификации протекающих кризисов, оценку динамики их развития.

Деятельность государства в период кризиса ограничивается рамками коррекции взаимодействия с политическими партиями, другими государствами, что в конечном итоге может значительно ограничить набор применяемых технологий. Оперативные методы государственного управления в кризис предполагают определение типа кризиса, степени его интенсивности, особенностей влияния внешних угроз управляющей системы, определение факторов, оказывающих неблагоприятное воздействие на ситуацию.

Вместе с тем, определяющее значение для использования тех или иных технологий имеет ориентация деятельности государственной власти. Таким образом, в принятии управленческих решений органами государственной власти ключевую роль будет играть цели государства: сохранение стабильности в обществе, сокращение издержек, формирование положительного имиджа государственной власти и т.д [15, с. 450 – 452].

Реализация государственной политики предполагает наличие определенного процесса, в котором можно выделить ряд этапов. Так, А.И. Соловьев выделяет подготовительный, этап постановки целей и этап реализации целей. Первый этап предполагает определение проблем, которые формируют так называемую «повестку дня». Признав, что проблема существует, государство имеет возможность дальнейшего выбора одного из трех альтернативных вариантов действий. Оно может обозначить свою нейтральную позицию и не предпринимать никаких действий в решении данной проблемы. Другим вариантом является затягивание действий по решению проблемы. Наконец, органы государственной власти могут активно включиться в работу по устранению обозначенной проблемы.

При этом, как отмечает исследователь, управленческий процесс носит циклический характер и постоянно применяет методы прогнозирования и планирования, тем самым одновременно уточняет и корректирует «повестку дня». В качестве итогов данного этапа А.И. Соловьев выделяет:

- осознание проблемной ситуации, определение иерархии составляющих ее вопросов (т.е. понимание их важности и первоочередности с точки зрения общественного интереса);
- четкая формулировка данных проблем;
- формирование представлений о путях и средствах решения выявленных проблем.

На втором этапе вырабатывается конкретное решение проблемы, исходя из вырабатываемых целей и подцелей деятельности. Выбор цели предполагает, что деятельность государственных институтов будет сведена к определенным имеющим количественное выражение параметрам. Формулировка цели предшествует также анализ возможного спектра решений существующей проблемы. Все проблемы, решения которых требуются от государственных органов, А.И. Соловьев разделяет на три основных вида: хорошо структурируемые, слабо структурируемые и неструктурируемые. Если для первых характерно наличие у государственных органов хорошо отработанных алгоритмов решения, то у последних полностью отсутствуют критерии их оценки и решения, а также их количественное измерение. Таким образом, для задач, относящихся к третьей категории, необходима выработка новых методов и подходов их решения.

Для обоснованного выбора цели акторы государственной политики сопоставляют все возможные варианты действий, а также оценивают эффективность и последствий. Определив цель, управленческие субъекты выбирают и методы ее достижения, от характера которых может зависеть и получаемый результат.

А.И. Соловьев определил шесть основных классов методов, которые используются в процессе государственного управления:

- интуитивные (чувственные, гипотетические предположения субъекта управления);
- методы прецедента (воспроизведение приемов уже ранее используемых приемов в подобной ситуации);
- рациональные (математические методы);
- инкрементальные методы (незначительное изменение ситуации без глубокой трансформации системных особенностей);
- смешанные (использование для эмпирических исследований общетеоретических подходов социального (политического) анализа);
- экспериментальные методы (моделирование проблемной ситуации).

Третий этап заключается в реализации поставленных государством целей. Спецификой данного этапа является включение в него объектов управления. При этом реализуемый государством «план действий» предполагает набор определенных принципов: директивность, законность, наличие резервной системы реализации решений, институционализация контроля за процессом реализации принятых решений, непротиворечивость требований, бесперебойная информация о следствиях и характере реализации целей и т.д.

Государство оперативно производит оценку сведений на основе выработанных критериев ожидаемого успеха, сопоставляет цели и результаты своей деятельности, корректирует при необходимости свои действия.

В рамках данного этапа можно выделить два внутренних подэтапа. Первый включает подготовку к реализации поставленной цели, анализ выработанного плана действие, поиск ресурсов и т.д. Второй подэтап предполагает оперативное управление действиями, направленными на реализацию поставленной цели, их корректировку, принятие вторичных решений, контроль за использованием ресурсов [15, с. 557 – 558].

А.И. Алтухов и Г.И. Макин несколько расширили количество этапов, предложенных А.И. Соловьевым, разделив последний на два самостоятельных. В итоге их концепции не противоречат предыдущей, при этом, на наш взгляд, логичнее теоретизируют процесс осуществления государственной политики:

- инициирование государственной политики (определение проблем и целей политики);
- формирование государственной политики (разработка и легитимация государственной политики);
- осуществление государственной политики (осуществление и мониторинг государственной политики);
- оценка государственной политики (оценка и регулирование государственной политики) [1, с. 44].

Раскрытые выше этапы помогут смоделировать процесс осуществления государственной политики стабилизации на федеральном и региональном уровне. Особый интерес представляют рассуждения ученых о государственной политике в кризисный период. Современные ученые признают кризисы как естественное постоянно возникающее явление. А.И. Соловьев констатирует использование оперативных методов для решения возникших проблем. Однако, на наш взгляд, наибольшую значимость для государственной власти должно иметь стратегическое управление, как мера предупреждающего характера. Оно позволит не только выявить кризисные явления на стадии их зарождения, но и дать «рекомендации» по их нивелированию.

Таким образом, все вышеперечисленные этапы и методы государственного управления могут осуществляться на двух основных уровнях: стратегическом и тактическом. Стратегическое управление, как отмечают социологи В.А. Костин и Н.Б. Костина, представляет собой «управление на основе предвидения изменений» [8]. Иначе говоря, целью данного вида управления является предупреждение и снятие возможных проблем. В другой работе исследователи расширяют и конкретизируют процесс данного управления. Он включает в себя три «последовательных» подпроцесса, а также «сопровождающий» подпроцесс. В первый исследователи включают «формирование стратегического плана, включающего в себя создание стратегического проекта и программы его осуществления» [9, с. 61]. Второй подпроцесс представляет собой реализацию стратегических планов, и, наконец, третий – контроль реализации. Сопровождающий подпроцесс представляет собой анализ, который применяется на каждом из этапов [9, с. 61 – 62].

В качестве объектов государственного управления могут рассматриваться как гражданское общество (со всеми его структурами и видами деятельности), так и международное сообщество. В первом случае, как отмечает В.А. Костин, исполь-

зую различные основания классификации, можно выделить следующие виды общегосударственных стратегий. В зависимости от «вида ориентации на социальные отношения» исследователи выделили уравнивательные и дифференцированные стратегии, в зависимости от роли государства в социально-экономическом развитии – содействующие и препятствующие. Внешние государственные стратегии могут быть ориентированы либо на партнерские отношения, либо на неравные. Для реализации стратегии необходимо определить совокупность субъектов ее осуществления, а также разработать стратегический проект, включающий стратегические задачи, технические проекты и стратегические ситуации [9, с. 191 – 198]. Таким образом, стратегии управления могут закладываться в нормативно-правовых актах государства и представлять собой регламентацию или регулирование.

Роль государственного стратегического управления актуализируется, если рассматривать его как процесс предвидения и устранения дестабилизирующих факторов. Таким образом, современная государственная политика должна быть направлена на поддержание состояния равновесия общества, предотвращение возможных кризисов.

Анализируя антикризисное финансовое управление, О.А. Мишанина рассматривает стратегию и тактику управления. Стратегия, как отмечает исследователь, «направлена на исключение источников кризиса на длительную перспективу» [13]. Тактика включает стабилизационный менеджмент и оперативное управление. Вместе тем отмечается и необходимость согласованности тактических мероприятий и целей со стратегией: они должны быть подчинены ее реализации.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать ряд важных выводов.

Во-первых, государственная политика является особой категорией гуманитарных наук. История социально-политической мысли предлагает различные подходы к определению данного понятия. С развитием социологической и политологической мысли представление о сущности государственной политики постепенно изменялось в соответствие с новыми парадигмами и теориями. Современные исследователи рассматривают государственную политику с точки зрения структурно-функционального подхода как сложный многоуровневый процесс. Кроме того, отмечается процессуальный характер данного явления. В итоге, мы можем констатировать, что государственная политика – это целенаправленный управленческий процесс, инициируемый государственными политическими акторами с целью решения общественно значимых задач.

Во-вторых, государственную политику мы будем рассматривать как систему, включающую: акторов, осуществляющих или влияющих на государственное управление; объект управления; институты (в том числе и нормы) и учреждения, реализующие государственную политику; основные задачи (функции), стоящие перед акторами; а также процесс государственного управления, который, по сути, объединяет в единое целое все остальные компоненты. Консолидирующая идея должна стать объединяющей целью, целью развития общества и государства, он должен быть неотъемлемой частью стратегий государственного управления.

Одной из отправных точек при анализе государственной политики является выделение ее основных акторов (субъектов). Стоит отметить, что согласия в данном вопросе среди исследователей нет. Часть из них в качестве акторов видит

только исполнительные органы – президента и правительство, другие – отмечают в этом ряду и законодательные институты. На наш взгляд, целесообразно разделить всех акторов государственной политики по степени их влияния. Таким образом, к акторам первого порядка, обладающих максимальными ресурсами при формировании государственной политики, мы будем относить президента и правительство. При этом нельзя не учитывать влияние других федеральных и региональных институтов, таких как законодательные органы, институты полномочного представителя президента, губернатора, региональные правительства. Данных субъектов мы будем относить к акторам второго порядка. Вместе с тем современные политические реалии показывают, что на решения высших органов государственной власти значительное влияние могут иметь и различные элитарные группы, бизнес-структуры, лоббистские организации. И мы будем относить к акторам третьего порядка.

В качестве объекта государственной политики стабилизации выступит социально-политическая сфера.

В соответствии с предложенными исследователями моделями государственной политики мы будем рассматривать государственную политику РФ можно рассматривать типичный случай модели «сверху-вниз». Данный тип лишь подтверждает правильность выделения нами акторов первого, второго и третьего порядка.

В-третьих, среди осуществляемых государственной политикой функций особое значение исследователи придают интегративной, поскольку цель данного вида политики – учитывать и интегрировать интересы всех социальных групп, консолидировать общества вокруг общезначимой цели. Мы предполагаем, что акторы государственной политики в управленческом процессе должны опираться на общенациональную идею, цель, которая консолидирует все общество. Данная «идея» должна быть стержнем, на котором основываются все управленческие действия. Особо данная идея должна актуализироваться в период кризисов.

В-четвертых, большой вес имеет процессуальный компонент государственной политики. Большинство современных исследователей представляют государственное управление как «практическое, организующие и регулиующее» воздействие государства (через систему своих структур) на общественную и частную жизнедеятельность людей. В числе основных целей обозначается упорядочение, сохранение или преобразование жизнедеятельности людей. Таким образом, можно констатировать, что основная цель государственного управления – это поддержание равновесия во всех его сферах общества. Исходя из современного понимания стабильности, мы делаем вывод, что государственное управление в настоящее время сводится к поддержанию стабильного развития общества.

В-пятых, особый интерес представляет анализ государственной политики в периоды дестабилизации общественно-политической ситуации, экономических кризисов и т.д. Именно в данные периоды стандартные наборы методов и задач, стоящих перед государственными институтами, меняется, как и ограничиваются временные рамки для принятия решений. Политику, проводимую в данный период федеральными и региональными властями, можно охарактеризовать как «государственную политику стабилизации». Реализация данной политики осуществляется через стратегическое управление.

Современные ученые признают кризисы как естественные постоянно возникающие явления. Во время кризисных ситуаций используются оперативные методы для решения возникших проблем. Наибольшую значимость для государственной власти должны иметь меры предупреждающего характера, а соответственно и стратегическое управление. Оно позволит не только выявить кризисные явления на стадии их зарождения, но и дать «рекомендации» по их нивелированию.

Государственное стратегическое управление в «идеале» должно предупреждать возможные угрозы. Соответственно стратегия управления процессом стабилизации должна выявлять актуальные в данный момент и на данной территории дестабилизирующие факторы, которые могут с разной степенью вероятности повлиять на равновесие в обществе.

Поэтому **государственная политика стабилизации** – разработанный основными политическими акторами на основе стратегии стабилизации комплекс мер по предотвращению и предвидению негативных факторов и кризисных явлений в обществе (или отдельной его сфере), реализуемый органами государственной власти (и специально создаваемыми учреждениями) в определенный промежуток времени.

Реализация антикризисных стратегий предполагает научно обоснованный прогноз кризисных ситуаций, включающий оценку причин, характер кризиса, существующие ресурсы, а также методы осуществления государственной политики. Таким образом, задачей государства становится изменение курса в соответствии с разработанной стратегией. Реализации стратегических целей должны быть подчинены оперативное управление и тактика. Субъектами реализации государственной стратегии становятся существующие органы власти, а также специально создаваемые институты. Один из ключевых методов реализации стратегического государственного управления выступает прогнозирование.

Литература

1. Алтухов, А.И. Региональный продовольственный рынок: проблемы формирования и развития / А.И. Алтухов, Г.И. Макин. – М.: СПбГУ – 1997.
2. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления / Г.В. Атаманчук. – М.: Омега-Л, 2004. — 301 с.
3. Глазунова, И.И. Система государственного управления / И.И. Глазунова // М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 132 с.
4. Глазунова, Н.И. Государственное управление: учеб. Для вузов / Н.И. Глазунова. – М. Муниципальный мир, 2004. – 456 с.
5. Глотова, Е.А. Государственная политика обеспечения продовольственной безопасности современной России: дис. кан. полит. наук / Е.А. Глотова. – Чита, 2011. – 188 с.
6. Зборовский, Г.Е. Социология управления: учебное пособие / Г.Е. Зборовский, Н.Б. Костина. – М.: Гардарики, 2008. – 272 с.
7. Государственное управление: основы теории и организации. Учебник. В 2 т. Т. 1 / Под ред. В.А. Козбаненко. Изд. 2-е, с изм. И доп. – М.: «Статус», 2002. – 366 с.

8. Костин, В.А. Реформаторское и стратегическое планирование в государственном управлении: сравнительный анализ / В.А. Костин, Н.Б. Костина // Вопросы управления. – № 2 (19). – 2012. – <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2012/02/05/>.

9. Костин, В.А. Стратегический менеджмент: учебное пособие / В.А. Костин, Н.Б. Котина.- Екатеринбург, 2007. – 190 с.

10. Лобанов В.В. Государственное управление и общественная политика. СПб.: Питер. - 2004 - 327 с.

11. Маркова, А.Н. История государственного управления России / А.Н. Маркова. – М.: КНОРУС. – 1997. – 564 с.

12. Мельвиль, А.Ю. Политология / А.Ю. Мельвиль. – М.: МГИМО (Университет) МИД России, Изд-во Проспект, 2004. – 624 с.

13. Мишанина, О.А. Оценка тактического антикризисного управления в условиях нестабильности / О.А. Мишанина // Вопросы управления. – № 4 (9). – 2009. – <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2009/04/11/>.

14. Сморгунов, Л.В. Государственная политика и управление. В 2 ч. Часть I Концепции и проблемы государственной политики и управления. М: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 384 с.

15. Соловьев, А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов/ А. И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 559 с.

16. Чиркин, В.Е. Государственное и муниципальное управление: Учебник. – М.: Юристъ, 2004. – 320 с.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ПЕРИОДА 1990–1991 ГОДОВ (ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Артемов А.В.

Третий этап «перестройки» (1990-1991 годы) как политического процесса стал заключительным не только для всего проекта М.С.Горбачёва и его команды, но и для всей советской политической системы, для СССР, как государства. Это стало возможным благодаря тому, что в политике, в экономике, в социальной сфере, во внешнеполитических сношениях СССР с предыдущих этапов закрепились тенденции, которые уже было невозможно изменить никакими управленческими приёмами.

***Ключевые слова:** символическая политика, перестройка, М.С. Горбачев, образ перестройки, исторический обзор, 1990–1991 годы.*

The third stage of «perestroika» (1990-1991 years), as the political process was the final, not only for the project Mikhail Gorbachev and his team, but also for the whole of the Soviet political system, for the Soviet Union as a state. This was made possible thanks to the fact that in politics, the economy, the social sphere, in the foreign relations of the USSR with the previous stages entrenched tendencies that it was impossible to change any management techniques.

***Keywords:** symbolic policy, perestroika, Gorbachev, image of perestroika, historical review, 1990-199 years.*

Третий этап «перестройки» (1990-1991 годы) как политического процесса стал заключительным не только для всего проекта М.С.Горбачёва и его команды, но и для всей советской политической системы, для СССР, как государства. Это стало возможным благодаря тому, что в политике, в экономике, в социальной сфере, во внешнеполитических сношениях СССР с предыдущих этапов закрепились тенденции, которые уже было невозможно изменить никакими управленческими приёмами. Как пишет Д.В. Ефременко, «1987–1988 годы можно считать решающими для судьбы СССР в том смысле, что в этот период были одновременно активированы несколько мощных механизмов ее разрушения – ликвидация идеологической монополии и цензуры, ослабление внутреннего единства КПСС и появление возможностей прихода в структуры власти людей, позиционирующих себя в качестве оппонентов режима, эрозия плановой экономики, подъем сепаратизма в ряде союзных республик и использование его активистами легальных способов борьбы за национальное самоопределение и независимость» [5, с. 70].

Изменение роли партии и союзного правительства в условиях экономического и политического кризиса, начало суверенной политики союзных республик

Итак, названные «механизмы» и стали теми отличительными особенностями третьего этапа масштабного реформирования государства, о них и идёт речь, когда мы характеризуем период «перестройки» 1990-1991 годы, следует также добавить к этому списку реакции правительства на происходящие процессы. Эти реакции принимали форму учреждения очередного института, концентрирующего управленческие и властные ресурсы, например, введение института президента СССР, или принятия законодательного акта, которым стремились установить «статус-кво» и не давать, например, дезинтеграционным процессам в Прибалтике развиваться далее. Далее мы более подробно рассмотрим все эти акции в ходе хронологического обзора ключевых событий третьего этапа «перестройки».

Исследователи, оценивая данный период в истории и политике СССР, называют его «политической агонией», в то же время, политике М.С. Горбачёва отдаётся должное, как «виртуозному политическому маневрированию в условиях катастрофического падения личной популярности и превращения недавней опоры его власти в основную угрозу его политическому будущему» [5, с. 75]. Проблемы властных отношений на государственном уровне стали наиболее острыми в тот момент, когда Б.Н. Ельцина избирают председателем Верховного Совета РСФСР, а в самой РСФСР 12 июня 1990 года провозглашается Декларация о государственном суверенитете республики. М.С. Горбачёв оказывается в ситуации, когда, с одной стороны, он вынужден реагировать на дезинтеграционный процесс в государстве, стремительно набирающий обороты, когда республики всё чаще и всё решительнее настаивали на перераспределении властных полномочий, с другой же стороны на генерального секретаря оказывали давление в КПСС, партийные лидеры и консервативные круги политической элиты стремились предотвратить распад СССР и сохранить монопольное положение партии в политической системе.

Однако ни один из управленческих подходов «центристов» не срабатывал, во всяком случае, так как следовало. 1990-1991 годы отмечены углублением экономического кризиса, отрицательной динамикой большей части параметров хозяйственного развития, ростом инфляции. Об экономическом положении и его тесной связи с государственной властью красноречиво говорит высказывание М.С. Горбачёва на заседании Политбюро в январе 1990 года: «1990 год – решающий. Если не изменим положение со снабжением, нам надо уходить!» [9, с. 323]. С этого момента мы можем наблюдать стремительно прогрессирующее снижение роли партии и правительства в политическом пространстве СССР, на фоне усиливающихся в кризисных условиях позиций союзных республик с их инициативными лидерами. Роль КПСС, а вернее, реформаторского крыла партии, представленного Горбачёвым и его командой, сводилась на третьем этапе «перестройки» к тому, чтобы сохранить СССР как государство.

В отношении роли и активности КПСС А. Барсенков наблюдает два подхода: ликвидаторский и прагматический. Ликвидаторский подход по отношению к КПСС подразумевает передачу власти Советам – как воплощению демократического института. Партия же выступает опорой тоталитарной системы, поддержи-

вающейся партийно-номенклатурным строем. Впрочем, стоит отметить, что исторически сложилась такая система управления страной, эффективность которой может быть обеспечена лишь через единство, которое, в свою очередь, обеспечено бюрократической системой [1, с. 163–164]. «Перестройка» явно не подразумевала такой степени сплочённости элементов системы с целью концентрации власти, поэтому реформаторами и было допущено ослабление режима, приведшее, в том числе к снижению роли партии в публичной политике. Сами же реформаторы во главе с М.С. Горбачёвым в репутационном отношении в публичном восприятии отмежёвывались от партии, получая (на определённый срок) «кредит доверия» в обществе.

Однако, как пишет В. Согрин, «стремительный подъём радикального движения явно застал М.С. Горбачёва врасплох и при всем его искусстве политического маневра, генеральному секретарю не удавалось справиться с радикализмом с помощью столь дорогих ему методов увещаний и компромиссов» [9, с. 61]. Риторика радикалов обострила противоречия между реформаторами и консерваторами в партии, последние обвинили правительство Горбачёва в создании условий для деятельности разного рода экстремистских объединений, в том, что успехами внешней политики он компенсирует провальный внутривнутриполитический курс и более ориентирован на западную публику, чем на собственных соотечественников, наконец, в вину реформаторам записали также провал всех экономических реформ, развал ОВД и уход от коммунистической линии в политике в целом, отход от принятой идеологии.

М.С. Горбачёв, с целью сохранения единства политической системы, её устойчивости, впервые вынужден был сделать выбор в пользу одной из сторон, центристская позиция была в данной ситуации проигрышной. Выбор лидер сделал в пользу консерваторов, поэтому предстояло также предпринять ряд шагов для того, чтобы определить положение радикально настроенных политических сил, большинство из них, к тому же, состояли в КПСС. Борьба с радикалами велась публично, значительную роль в ней играл выпуск комплекса статей, направленный против «Демократической платформы», весной 1990 года порядка 30 её сторонников были исключены из КПСС. Однако на радикально настроенных лидеров движения требовалось искать другие механизмы воздействия.

На Третьем Съезде народных депутатов, состоявшемся в середине марта, сторонам пришлось идти на взаимные уступки и искать компромисс. Были отменены «партийные статьи» Конституции, прежде всего шестая, что было основным требованием радикалов. Стремясь не допустить распада СССР, стороны определили порядок избрания президента СССР, предпочтение было отдано избранию съездом, а не всенародным голосованием, в условиях активной этнополитической мобилизации вариант избрания всенародным голосованием представлялся опасным для устойчивости государственной системы. Впрочем, даже при избрании съездом не обошлось без упреков в узурпации власти и политических амбициях по отношению к Горбачёву. Против кандидатуры Горбачёва выступала, и часть консервативного крыла КПСС, выступавшая за сохранение СССР как централизованного государства. В конечном итоге можно констатировать снижение популярности архитектора «перестройки», за его кандидатуру проголосовало меньше, чем 60% де-

путатов. В случае избрания путём народного голосования этот процент был бы ещё меньше. При таком уровне лояльности сложно было проводить какой-либо успешный политический курс, отсутствовала политическая поддержка и необходимый уровень административной солидарности.

Провал же всех предшествующих экономических реформ явно не мог обеспечить эффективного президенства. Неспособность лидера к руководству страной, к тому, чтобы контролировать публичную политику и развитие дискурса, поражение за поражением со стороны как «правых», так и «левых», неисполнение принятых программ и указов, в частности, направленных на разрешение конфликтов в межнациональной сфере – всё это породило большой кризис доверия по отношению к М.С. Горбачёву и официальной части дискурса «перестройки». В конечном итоге это приводило к тому, что снижалась уже даже не роль партии, роль правительства самого М.С. Горбачёва, но, с учётом кризиса доверия и снижения уровня легитимности, власть «утекала» из самих центральных институтов – института генерального секретаря, президента, верховного главнокомандующего – в пользу более инициативных лидеров, способных идти на крайности в принятии решений.

Настоящей и первоочередной проблемой для правительства стали усиливающиеся и умножающиеся этнические конфликты, которые оказывались тесно связанными с сепаратистскими и националистическими движениями. Правительство же, передав в ходе политической реформы полномочия от партийных структур советам, лишь усилило дезинтеграционные тенденции и понизило уровень управляемости практически до минимума, поскольку советы явно не были в организационном отношении осуществлять переданные им функции [1, с. 157]. Политизация общественной жизни на тот момент достигла пика, многопартийность и плюрализм из концептуальных реформаторских лозунгов превратились в реальность. Такой реакции правительство явно не ожидало, если судить по официальному дискурсу и обратиться к оценкам происходящего самим М.С. Горбачёвым, например, на встрече в Вильнюсе в январе 1990 года, когда генеральный секретарь впервые завёл речь о том, чтобы оценивать весь проект в целом. «Перестройка» была оценена как проект, в осуществлении которого, безусловно, были промахи, а сам процесс реформирования «осуществлялся неравномерно», однако к отличительным и конструктивным чертам проекта было отнесено то, что «перестройка» позволила «выйти проблемам на поверхность» [6].

В феврале 1990 года в Москве состоялась крупнейшая в истории «перестройки» демонстрация (порядка 500 тыс. человек), выступающие высказывались в поддержку демократических реформ, многопартийности, прав и свобод. Митинги и демонстрации продолжались в течение всего февраля, причём они проводились как демократической оппозицией, в риторике которой возобладал тезис о «второй февральской революции», так и консерваторами, использующими новые демократические инструменты для консолидации оставшихся сторонников. С начала 1990 года и до конца марта в стране проходит более двух тысяч митингов, общее число участников достигало 7,5 млн. человек. Количество выступлений, очевидно, увеличилось и намного, поскольку если сравнить с 1989 годом, то за весь год прошло лишь около пяти тысяч митингов [6].

Следующий месяц отмечен заметным с точки зрения распределения властных ресурсов шагом руководства страны: 15 марта третий внеочередной Съезд народных депутатов СССР избирает М.С. Горбачёва Президентом СССР приблизительно тогда же создаётся специальный президентский совет. Решительность в распределении властно-управленческих полномочий продиктована началом активной фазы дезинтеграции Союза: 9 марта Верховный Совет Грузии принял декрет о гарантиях защиты суверенитета республики и денонсировал договор 1921 года и Союзный договор 1922 года, 11 марта, Верховный Совет Литвы провозгласил ее независимость. Реакция Верховного Совета СССР была достаточно непоследовательной, ибо, призвав литовское руководство сначала отменить принятые постановления, Совет некоторое время спустя утверждает Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

Тем самым создаётся прецедент, им впоследствии воспользуются и другие республики, тем более, что Верховный Совет ССР продолжает издавать документы, которые чётко определяют полномочия республик и наделяют их новыми компетенциями:

- Закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», который расширил в этих сферах права союзных и автономных республик;
- Закон «О языках народов СССР», определяющий гарантии «свободного развития и использования языков народов СССР, правовой режим языка официальных взаимоотношений в рамках советской федерации, права граждан в использовании языков народов СССР;
- Закон «О разграничении полномочий между Союзом СССР и субъектами федерации»;
- и Закон «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР».

На этом фоне в печати выходит письмо М.С. Горбачёва и Н.И. Рыжкова Верховному Совету и Совету Министров Литовской ССР, где власти Литвы предупреждаются о необходимости отмены принятых решений, как противоречащих Конституции Союза. В противном случае, будет отменена поставка продуктов, реализуемых за конвертируемую валюту. 17 апреля в Литву перестали подавать газ, затем нефть и уголь.

Однако эти меры, очевидно, не возымели результата, а Литва стала примером для других республик: 4 мая Верховный Совет Латвии принимает декларацию о независимости республики и начале переходного периода, на первомайской же демонстрации в Москве впервые звучит требование участников митинга о том, чтобы руководство страны и президент ушли в отставку. Линия суверенитета в публичной дискурсе развивается Б.Н. Ельциным: 22 мая в своём программном заявлении на Съезде народных депутатов РСФСР он критикует политику Центра, заявляя о том, что нормативно-правовые акты, издаваемые Союзом не должны вступать в противоречие с Конституцией России, кроме того, республика должна иметь право проводить собственную экономическую политику.

В июне последовала реакция на стремление республик к суверенитету: на заседании Совета Федерации, посвященном проблемам национально-государственного устройства и Союзному договору, было принято решение создать рабочую группу из представителей всех республик для обсуждения и реализации реформы Союза, создание Союза суверенных государств по принципу «изменяющейся геометрии» (возможность сочетания элементов федерации, конфедерации и сообщества) [6].

Политическое двоевластие: экономические реформы и борьба республик за суверенитет

Тогда же, в мае, на официальном уровне был поднят вопрос о реформе экономической системы, переходе к «многоукладной экономике», с государственным, кооперативным и индивидуальным сектором. «Концепция перехода к регулируемой рыночной экономике» была принята постановлением Верховного Совета СССР 13 июня 1990 года. За день до этого о своём суверенитете объявляет Россия, где Съезд народных депутатов принимает соответствующую декларацию. Позже, на Российской партийной конференции 19-20 июня М.С. Горбачёв высказывается против противопоставления Союза и России, которое, по его мнению, имеет место. Процесс «суверенизации» продолжается: 20 июня Декларацию о суверенитете принимает Узбекистан, 23 июня объявляет о независимости Молдова.

Однако и сотрудничество с российским правительством летом 1990 году обречено на провал: правительство и Верховный Совет отвергают разработанную в России экономическую программу «500 дней», принимая во внимание критику и со стороны политиков-консерваторов, и со стороны профессиональных экономистов. При этом данная программа, несмотря на её «шоковые» методы была поддержана населением России, которое устало от неспособности центрального правительства реализовать хотя бы какие-то действенные реформы. Разумеется, данный шаг правительства Горбачёва добавил легитимности российскому правительству, дискредитируя горбачёвскую команду и союзное руководство в целом. Российское правительство, в частности, Б.Н. Ельцин не упустило возможности воспользоваться моментом и обратить экономический контекст в ресурс политического влияния на центральную власть.

РСФСР и Центр заговорили с подачи российской стороны на языке ультиматумов. В октябре российская сторона в лице Ельцина представляет три возможных сценария развития ситуации:

– Россия заявляет о своём неучастии в экономических программах, подготовленных Президентом СССР и Верховным Советом. Бюджет, собственность, армия и вооружения делятся между СССР и Россией, вводится российская валюта, вводятся таможи на российских границах, организуется независимая банковская система, ведётся независимая внешнеэкономическая деятельность;

– радикальным образом реорганизуется союзное государство, создаётся коалиционное правительство на паритетных началах (сторонники Горбачёва и Ельцина), данный сценарий предусматривает проведение серьёзной экономической реформы в СССР;

– М.С. Горбачёв и его правительство проводят свою линию экономической политики, по её результатам прогнозируется полный провал, российская же программа, которой следовало бы быть принятой принимается после провала, но её успех снижается за счёт потери времени [8, с. 77].

Данное заявление является одним из самых главных шагов России на пути к независимой политике и суверенитету в своих делах.

В июле суверенными объявляют себя Беларусь и Украина, российское правительство делает попытку взять под контроль банковскую систему, принимая соответствующий закон, союзное правительство незамедлительно признаёт этот шаг незаконным. В августе союзное правительство встало на путь компромиссов, осознавая, что радикальную экономическую «перестройку» без деятельного участия республик осуществить не удастся, 29 августа состоялась встреча Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачёва, обсуждали экономическую ситуацию и переход к рыночной экономике, укрепление экономических связей республик и создание единого союзного рынка. Продолжается «парад суверенитетов»: о независимости объявляют Карелия, Туркмения, Армения, Таджикистан, Абхазия, Республика Коми, Татарстан.

Начало осени 1990 года было временем поиска компромисса между республиками и союзным правительством для принятия программы перехода к рынку:

– 10 сентября Верховный Совет СССР начинает обсуждение проектов и концепций перехода, к рынку;

– 11 сентября Верховный Совет РСФСР принял постановление «О программе стабилизации экономики и перехода к рыночным отношениям», основанное на документе «500 дней»;

– 24 сентября президенту СССР были предоставлены чрезвычайные полномочия для осуществления курса на переход к рыночной экономике;

– 9 октября де факто уже развивающаяся многопартийная система была легализована, Верховный Совет СССР принял «Закон об общественных объединениях»;

– 19 октября М.С. Горбачёв представил Верховному Совету СССР доработанные после консультаций с правительствами республик и общественностью «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике», позже, на пресс-конференции во Франции он заявляет о том, что экономическая модель, существовавшая в СССР была навязана обществу, была искусственной и сопровождалась тоталитарными методами управления [6].

В ноябре президент СССР констатирует «угрозу «перестройке», «тихую контрреволюцию» и «правовую анархию». 16 ноября Верховный Совет СССР впервые собрался для того, чтобы обсудить проблему борьбы за власть и распределения власти в стране. Правительство в лице М.С. Горбачёва на упрек в бессистемности политики заявляет оппонентам о наличии трёх направлений политического курса, которых союзное руководство будет придерживаться: 1) переход к рынку, 2) нормализация межэтнических и межреспубликанских отношений и 3) повышение уровня управляемости, авторитета союзного правительства.

Соответствующие предложения по укреплению позиций союзного правительства были представлены М.С. Горбачёвым на сессии Верховного Совета 17 ноября,

в частности, там шла речь о необходимости активизировать деятельность по подписанию Союзного договора. В течение декабря Верховный Совет СССР продолжает принимать законы, направленные на нормализацию профессиональных, финансовых и инвестиционных отношений («Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР», Закон «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности» законы «О Государственном банке СССР» и «О банках и банковской деятельности»).

Однако доверие к президенту и союзному правительству уменьшается с каждым днём: 2 декабря встречаются Полковник Петрушенко, Коган и другие члены группы «Союз» с одной стороны и М.С.Горбачёв, А.И.Лукьянов и Н.И.Рыжковым с другой. Лидеры «Союза» прямо заявляют президенту, что если не будут приняты меры по укреплению центральной власти, то они поставят вопрос о доверии президенту на повестку дня очередного Съезда. В связи с этим Горбачёв выдвигает один из последних проектов политической реформы – «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления». 19 декабря на Съезде были подведены итоги всего «перестроечного» курса, где правительство фактически «расписалось» в своей неспособности осуществить весь задуманный комплекс реформ: выступавший Н.И. Рыжков заявил о том, что «перестройку» не удалось осуществить в том виде, в котором она была задумана.

Как следствие, основной темой официального политического дискурса в 1991 году стали попытки власти обосновать собственную позицию: способность выйти из кризисной ситуации, осуществить преобразования, которые могли бы сохранить государство и экономику, а также собственно пребывание реформаторов у власти. Центральным пунктом в риторике союзного правительства стала необходимость подписания Союзного договора, который мог бы сохранить СССР: 1 января в новогоднем обращении к народу президент СССР называет основной задачей на грядущий год сохранение и обновление Союза.

На заседании комиссии по подготовке новой Программы КПСС М.С. Горбачёв определил основную задачу программы как ответ на ключевые вопросы развития общества и государства: что будет с СССР в ходе политики «перестройки» и в какой форме организации придёт нынешнее советское общество. Но в то время как союзное правительство пыталось дать ответы на более фундаментальные вопросы о существовании государства, по-сути мало, что предпринимая для его укрепления, политические процессы в республиках проходили более активно.

Риторика и действия республиканских лидеров, в частности, Б.Н. Ельцина, были более жёсткими и прагматичными. Так 5 января 1991 г. на пресс-конференции Б.Н. Ельцин заявляет о том, что РСФСР отныне будет сама формировать свой бюджет и выделит в союзный 80 млрд. рублей, а не 120, как в предыдущем году. 13 января в Таллинне он подписывает документ, согласно которому Россия признаёт суверенитет Латвии, Литвы и Эстонии. Далее он заявляет о возможности создания российской армии, что расценивается М.С. Горбачёвым как грубейшее нарушение Конституции СССР. И наконец, 19 февраля в интервью на телевидении Б.Н. Ельцин заявляет о том, что больше не имеет отношения к поли-

тике «перестройки» союзного правительства и требует отставки президента СССР. С 22 по 24 февраля в Москве в поддержку Б.Н. Ельцина состоялось три митинга.

М.С. Горбачёв же продолжает развивать идею политического центра, координации действий и создания коалиции политических сил, параллельно с этим предпринимая попытки прекратить антиправительственные выступления, так, 25 марта 1991 г. был издан Указ Президента СССР о запрещении манифестаций в Москве. Итоги мартовского референдума по вопросу о сохранении СССР, возможно, придали президенту уверенности в своей политике, в телевизионном интервью он заявляет о том, что страна может решить свои проблемы, а особенно важным итогом референдума стало то, что большая часть россиян высказалась за сохранение Союза. Однако развитие политического процесса далее вынуждает искать механизмы сохранения распадающегося государства. Особенно сильно дезинтеграция была заметна в экономической сфере, так, 4 апреля Верховный совет СССР обращается к верховным советам республик, настаивая на прекращении так называемой «бюджетной войны»: республики перестали выполнять обязательства по перечислению средств в государственный бюджет.

В связи с этим, на заседании Совета Федерации, говоря о «нависшей над советской федерацией» опасностью, М.С. Горбачёв призывает искать подход к разрешению уже неразрешимой проблемы дезинтеграции. К этому времени даже зарубежная пресса публикует материалы о прогрессирующем управленческом коллапсе в СССР: 19 апреля газета «Frankfurter Allgemeine Zeitung» сообщает о том, что Верховный Совет СССР может поставить вопрос об отстранении М.С. Горбачёва с поста Президента СССР, с опорой на военных и структуры государственной безопасности. На этом фоне М.С. Горбачёв продолжает говорить о том, что необходимы политические преобразования, необходимо поднимать авторитет КПСС, чтобы партия смогла вывести страну из кризиса, что в союзной политике наметились тенденции к консенсусу по поводу дальнейшего пути развития и реализации антикризисной программы. 1 августа ВС СССР принимает закон «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий».

Однако параллельно с этим действия республиканской власти в РСФСР обретают (согласно реакции Политбюро ЦК КПСС её республиканского отделения на происходящее) «антиконституционный», «нарушающий права человека» характер: в конце июля 1991 г. Б.Н. Ельцин издаёт Указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых движений в государственных органах, учреждениях и организациях» [6]. Республики, таким образом, теперь сами принимают решения о политических реформах. Курс на независимость проявил себя в полной мере в конце августа 1991 году, когда союзное руководство, без участия президента и в его отсутствие в столице, но с поддержкой правительств некоторых союзных республик, принимает последнюю решительную попытку (18-21 августа 1991 года) сохранить единство распадающегося СССР путём организации государственного переворота, в публичном дискурсе и в историографии события получили наименование «августовский путч».

Позднее прибывший М.С. Горбачёв расценивает ситуацию двояко. Попытка государственного переворота получает осуждение, однако фактически положительную оценку получают условия, которые к ней привели, а также то, что такого

рода предприятие потерпело неудачу, по той причине, что диктатуры не допустило общество, изменившееся в ходе реформ с 1985 года. События августа 1991 года привели к невозможности сохранения Союза в той форме, в которой он существовал прежде, однако сама идея Союза, по мнению республиканских лидеров, в частности, Б.Н. Ельцина, себя не исчерпала. В связи с этим дальнейший политический процесс развивается в направлении поиска компромисса по организации новой интеграционной формы.

В октябре 1991 году к этому делаются первые шаги, состоялось подписание Договора об экономическом сообществе президентом СССР и представителями восьми союзных республик (Украина, Молдавия, Грузия и Азербайджан не подписывают). Однако примечательно при этом, что Россия решительно проводит курс, направленный на то, чтобы ликвидировать старые союзные управленческие структуры и прекращает финансирование министерств Союза, исключение составляют кроме Министерства обороны, Министерство путей сообщения и Министерство атомной энергетики. Для М.С. Горбачёва же, как следует из интервью, которое он дал 19 ноября журналу «Stern», основной целью является недопущение развала общего государства, даже ценой собственного президентства, главным на тот момент, по его мнению, являлось подписание Союзного договора.

Новый союз в представлении президента был бы Союзом Суверенных Государств, конфедеративным демократическим государством. Однако Горбачёвский вариант Союза так и остался в проекте, инициатива же в управлении дальнейшими интеграционными процессами на пространстве СССР была взята руководителями России, Украины и Беларуси, которые подписали 8 декабря 1991 года Соглашение о создании Содружества независимых государств, объявив о прекращении существования СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности».

М.С. Горбачёв позитивно оценил стремление лидеров республик к созданию единого экономического пространства, единого пространства науки, образования и культуры, а также других сфер, однако при этом президент СССР заявил о том, что три республики не могут таким образом решать судьбу всего государства, необходим конституционный процесс. В риторике же Б.Н. Ельцина ключевой пункт состоял в том, что такая форма совместного существования республик – единственно возможная после управленческого кризиса и путча, а Союз уже не способен играть конструктивной и преобразующей роли. 24 декабря решение лидеров трёх республик получает внешнюю международную легитимацию: страны-члены Европейского сообщества признают Россию в качестве правопреемника СССР, Россия занимает место СССР в Совете Безопасности ООН. М.С. Горбачёв в эти дни в интервью журналистам оценивает события не как государственный переворот, но как эволюцию государства, «трансформацию Союза в Содружество», говоря также о необходимости продолжения реформ и поддержки курса российского правительства на демократические преобразования. 27 декабря кабинет М.С. Горбачёва в Кремле занимает Б.Н.Ельцин. Такова хронология развития дискурса третьего этапа «перестройки».

Какие события в этой хронологии были ключевыми для всего «перестроечно-го» курса, если оценивать их с точки зрения влияния, которое они оказали на по-

литический процесс и на сферы общественной жизни? В начале третьего этапа «перестройки» специалисты, как правило, выделяют нововведения в политической сфере, связанные с концентрацией власти в системе государственного управления, с необходимостью повысить управляемость системы и уровень легитимности правительства, приостановить дезинтеграционные процессы. По этим, прежде всего, соображениям вводится пост Президента СССР и отменяется статья 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС.

Однако эффект был практически противоположным. Как пишет Р. Пихоя, «появление поста Президента Союза стало прецедентом для республик. Политической суверенизации был дан мощный толчок. Процессам дезинтеграции Союза придавались формальные правовые рамки» [7, с. 516]. Действия правительства исследователем оцениваются как политически недалёковидные, отчасти наивные, поскольку, по его мнению, они послужили примером для аналогичной организации политического устройства на других уровнях власти: в республиках, в областях. Копирование властных институтов на всём пространстве СССР придало процессу дезинтеграции государства новое ускорение: вслед за президентским постом союзного лидера вводятся посты президентов республик – Узбекистана, Казахстана. Аргументация лидеров проста: «Так хочет народ» [3, с. 367].

Ещё одним фактором политического процесса, который, по мнению А. Барсенкова, имел союзное значение, было начало движения за российский суверенитет, развернувшееся зимой-весной 1990 году [1, с. 159]. Неэффективность союзного управления, влекущая «повсеместный кризис», провоцировала правительство республики «навести порядок» на своей территории самостоятельно. Нежелание руководства Союза заниматься российскими проблемами порождала чувство и стремление самостоятельности в определении политического курса. В первой половине 1990 года в России можно наблюдать активно разворачивающиеся процессы образования новых партий и движений, представляющих альтернативу коммунизму: создаются Социал-демократическая, Демократическая, Конституционно-демократическая, Христианско-демократическая, Республиканская партии.

Большую часть этих партий объединяет движение «Демократическая Россия», идеологической платформой движения становится прежде всего отвержение коммунизма и социализма. С середины 1990 года можно говорить о том, что Россия проводила независимую от Союза политику [1, с. 172]. А уже к 1991 году Россия вступает с Центром в борьбу за влияние в автономных республиках. Естественно, учитывая роль России в СССР (например, в экономике это было, как минимум, две трети производства ВВП) что всё это неизбежно приводило к снижению роли Коммунистической партии на союзном уровне, а за ней и роли союзного правительства. Отношения России и СССР стали приобретать конфронтационный характер.

«К середине 1990 года, – как отмечают исследователи, – в стране оформились два центра власти – союзный во главе с президентом СССР М.С. Горбачёвым и российский во главе с председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным» [2, с. 126]. На первый план выходят экономические проблемы, от решения которых зависел уровень лояльности общества правительству. Союзное правительство и РСФСР здесь идут разными путями и принимают свои антикризисные программы:

на уровне СССР приняли документ «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночным отношениям», на уровне РСФСР была принята «Программа 500 дней». Об «успехах» советского правительства свидетельствовало то, что «ко второй половине 1990 года оно продолжало терять рычаги государственного управления, а с января 1991 года, когда вступил в действие российский Закон «О собственности в РСФСР» № 443-1 от 24 декабря 1990 года, – и возможности управления в сфере производства» [2, с. 133].

Стремительно теряющий рейтинг М.С. Горбачёв видел единственный выход в очередном политическом манёвре: необходимо было преобразовать Союз на таких условиях, которые бы устраивали республики, выходом стало подписание Союзного договора, проектирование которого дало начало периоду длительных межправительственных консультаций с республиками, так называемый «новоогарёвский процесс». Результатом этого процесса стал проект Союзного договора, который так и не был подписан. Вместо этого, как показал обзор хроники «перестройки» в Беловежской пуще был подписан договор, провозглашающий создание СНГ и констатирующий окончание существования СССР. Позже, в 1992 году, М.С. Горбачёв констатирует, что новый договор о Союзе следовало бы подписать намного раньше, и что он, вероятно, не уловил нужного момента [4, с. 149]. Но время было упущено, процесс «перестройки» закончился и начался процесс демонтажа союзной системы, создания новых государств и интеграционных объединений.

Международная репрезентация СССР на заключительном этапе «перестройки»

Как было отмечено в обзоре второго периода «перестройки», СССР занимал к концу 1989 года – началу 1990 года далеко не ведущую позицию в своих внешнеполитических отношениях с другими государствами, в том числе на ключевом в тот момент направлении – европейском. Были допущены дезинтеграционные процессы в рамках СЭВ и ОВД, приведшие к «бархатным революциям». Был также допущен процесс объединения ФРГ с ГДР с самыми невыгодными для СССР условиями и полным отсутствием каких-либо действительно надёжных гарантий для интересов СССР. Однако на фоне трансформации политической системы и режима, внутривнутриполитических коллизий советское правительство уже, по всей видимости, не могло твёрдо отстаивать свою позицию в международных переговорах.

Фокус внешнеполитических интересов СССР сужался, более того, в структуре самого союза процессы провозглашения, а затем и реального обретения республиками суверенитета грозили необходимостью установления отношений внешнеполитического характера с независимыми республиками, бывшими прежде частью СССР. В плане международной репрезентации на первый план выходят уже сами республики, а не союзное правительство. Так к 1991 году в России началась разработка внешнеполитической концепции национально-государственных интересов, но что примечательно, Запад на идею независимой во внешней политике России отреагировал довольно холодно. Внутри же страны Б.Н. Ельцину как российскому лидеру были предъявлены обвинения в стремлении в борьбе за власть развалить СССР, в неспособности проводить конструктивную, созидательную работу.

Однако альтернативы урегулированию кризисных ситуаций в республиках центральное правительство предложить уже не могло. После же августовского путча с Конституцией СССР уже открыто не считались ведущие субъекты политического процесса. Говорить о международной репрезентации СССР на данном этапе уже довольно сложно, поскольку уже на примере переговоров между СССР и США по вопросу объединения ГДР и ФРГ видно, что Запад использует внутривнутриполитические процессы в СССР в качестве основного политического аргументационного ресурса для навязывания М.С. Горбачёву нового внешнеполитического курса, суть которого состояла в постепенном устранении СССР от европейских дел.

В конце 1990 года начинают активизироваться контакты между Западом и отдельными советскими республиками, лидеры которых отправляются к западным коллегам для получения советов и консультаций [1, с. 259]. С союзным руководством и президентом в частности всё меньше считалось и американское правительство, организовывая в своих посольствах на территории СССР встречи для лидеров республик, председателей и членов республиканских верховных советов. Наиболее ярким моментом, характеризующим отсутствие самостоятельности во внешнеполитическом курсе СССР, стало заседание G7 в июле 1991 года в Лондоне. Тогда М.С. Горбачёв, формально ведя речь «об органическом включении советской экономики в мировое хозяйство», фактически просил у западных стран финансовой помощи для преодоления глубокого структурного кризиса. Как известно, в экономической поддержке советскому президенту было отказано. Это окончательно подорвало влияние центрального правительства на политические процессы в стране и стало ещё одной причиной распада СССР.

Литература

1. Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 годы, М.: Аспект-Пресс, 2002. — 367 с.
2. Безбородов А. Перестройка и крах СССР. 1985 - 1993 [Текст] / Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. ; — Норма — СПб. : Норма, 2010. — 215 с.
3. Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. – М.: Совет ветеранов книгоиздания : SIMAR, 1995. — 473 с.
4. Горбачёв М.С. Декабрь 91-го. Моя позиция, М.: Изд-во «Новости», 1992. — 224 с.
5. Ефременко Д.В. Нормальная катастрофа: ещё раз об исторических развилках 1980-1990-х гг. // Россия и современный мир. – 2014. – №2. – С. 58-80.
6. Загладин В.В. Хроника «Перестройки» 1985-1991 [Электронный ресурс] // http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vnutrpolitika/show_29320/ (дата обращения 20.07.2015)
7. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945 – 1991 гг. — Новосибирск, 2000. — 680 с.
8. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985 – 2001: от Горбачёва до Путина. — М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2001. — 260 с.
9. Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника президента СССР, М.: ТЕРРА; Республика, 1997. — 336 с.

ИСТОРИЯ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ворошин С.Д.

Статья освещает этапы развития музея истории. В статье рассказывает об основных моментах деятельности музея, о людях, которые принимали участие в создании музея и его формировании. В статье приведены основные направления деятельности музея истории ЮУрГУ, проиллюстрированы наиболее яркие примеры работы из прошлого музея. Указана роль музея в научно-просветительской деятельности Южно-Уральского государственного университета.

Ключевые слова: музей истории ЮУрГУ университетские музеи, история университетских музеев, коллекции преподавательского состава.

The article highlights the stages of development of the Museum of History. The article talks about the highlights of the museum's activities, the people who participated in the creation of the museum and its formation. The article describes the main activities of the Museum of History of SUSU, illustrated the most striking examples of work from the past the museum. Indicated the role of the museum in the scientific and educational activities of the South Ural State University (National Research University).

Keywords: museum of the history of SUSU, university museums, forms of museum activity, history of university museums, collections of the teaching staff.

На одном из заседаний совета ветеранов ЮУрГУ было предложено создать музей истории ЮУрГУ. Предложение было поднято в 1975 году, и уже через пять лет ректор университета В.В. Мельников подписал приказ от 06.02. 1980г за №61 о создании музея истории ЮУрГУ, 12 февраля 1980 года музей начал своё официальное существование. Для создания музея был созван организационный комитет, его главной стал Владимир Васильевич Гужавин – проректор по вечерне-заочному обучению, старейший преподаватель института, ветеран войны и труда [1]. Для руководства работы музея был сформирован совет музея, его главой в те годы стал проректор по внеучебной работе, профессор, доктор экономических наук, ныне заслуженный деятель науки и техники РФ, ветеран труда Александр Кузьмич Ташев. В первые годы для формирования музея работникам пришлось вложить много труда – сбор экспонатов, приведение их в определённую систему, оформление зала [2]. Огромную роль в этом процессе приняли ветераны института – Давид Дмитриевич Маковкин, Клавдия Васильевна Пилецкая, председатель совета ветеранов тех годов – Ирина Александровна Коробова [3].

Сегодня музей – полноправное подразделение университета, принимающее участие в обучении студентов и аспирантов. Накапливая традиции в образовании и других отраслях науки, музеи способны вести активный обучающий процесс [4].

Так, экспонаты музея истории используются в курсе «введение в специальность» – история, традиции, лучшие преподаватели, ветераны. В музее расположены экспозиции, иллюстрирующие историю возникновения и становления ЧММИ–ЧПИ–ЧГТУ–ЮУрГУ, фото и документы, связанные с открытием факультетов.

При музее работает совет ветеранов – долгое время председателем был Г.А. Комиссаров – ветеран Великой Отечественной Войны и университета, а сейчас этот пост занимает Н.Д. Кузьмина. Так же работает клуб ветеранов «Сиреневый туман» – руководитель ветеран университета. Клуб организует творческие встречи, например встреча с поэтом, членом Союза Писателей России, выпускником факультета «двигатели, приборы, автоматы» 1964 года С.К. Борисовым, поэтессой, членом союза писателей России, выпускницей автотракторного факультета 1975 года Н.В. Пикулевой, писателем, членом Союза писателей России, выпускником инженерно-строительного факультета 1963 года К.А. Шишовым.

Так как одно из основных направлений как образования в целом, так и работы музея история ЮУрГУ в частности, является просветительская деятельность, музей занимается изданием альбомов с материалами, и фотографиями. Так к 50-летию Победы над фашистской Германией был создан альбом с фотографиями участников Великой Отечественной войны и труженников тыла, а к 55 летию вуза – альбом «Женщины – учёные ЮУрГУ», в котором представлены материалы о профессорах М.Н. Евлановой, Н.Д. Кундиковой, В.С. Морозовой, О.А. Турбиной, Т.П. Приваловой и других. Создаётся альбом «Культура и Искусство» где представлены подробные материалы о многих выпускниках, которые задействованы в области культуры или совмещают преподавательскую работу с творческой деятельностью. В 2006 году вышла книга, посвященная Великой Отечественной войне «1941–1945 годы. Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах», в которую вошли воспоминания преподавателей и бывших студентов политехнического университета о Великой Отечественной войне.

Продолжая тему военных побед к 65-летию Победы советского народа над фашисткой Германией под руководством председателя совета ветеранов ЮУрГУ, участника ВОВ Г.А. Комиссарова была выполнена уникальная работа: изготовлены карты фронтов, где сражались преподаватели и сотрудники университета.

С самого начала работы музея сотрудники занимались исследовательской деятельностью, в рамках которой составляли списки погибших студентов, сотрудников и преподавателей в годы великой отечественной войны, поиском сотрудников, ушедших по мобилизации. В стенах музея регулярно проводятся встречи с ветеранами ВОВ. Ежегодно к 9 мая музей устраиваются тематические экспозиции. Это обогащает духовный мир студентов, напоминает им о тех событиях, которые они, к счастью, уже не застали.

Например, в 1985 году был проведён цикл массовых мероприятий для студентов и иных пришедших. Кроме того, к 40-летию Победы музеем совместно с кафедрой философии собрана летопись Великой Отечественной войны на основе воспоминаний ветеранов университета. Так же, силами музея истории ЮУрГУ осуществляется сбор материала и последующее издание различных книг, посвящённых годам войны. Так, в 1996 году версталась книга «Память о ветеранах ВОВ» и «Книги Почёта» университета.

К 70-летию победы в Великой Отечественной войне музей занимался подготовкой следующих мероприятий: предоставил материалы в газету «Технополис» о уральских ветеранах спорта, поэтах, художниках, а также организовал выставку творческих студенческих работ кафедры «Дизайн и изобразительные искусства», посвящённых этой великой дате.

Говоря в целом, у музейного комплекса ЮУрГУ существует три основных функции – это выставочное-экспозиционная, информационно-ресурсная и музейно-коллекционная [5]. Так, со времён основания музея истории ЮУрГУ, он работает по определённому плану.

Первым его пунктом идёт научно-просветительская работа, что включает разработку и проведение экскурсий, соотнесённых с учебной и духовной жизнью университета, а также подготовку к празднованиям великих дат, таких как годовщины университета и Победы.

Со дня основания музей пользуется большой популярностью у студентов, преподавателей и гостей университета. К примеру, в первый семестр работы музей посетило 11800 человек, в 1984–1985 годах 1458 школьников области посетили музей.

Еще одним из направлений деятельности музея истории является подготовка экспозиций. Подготовка тематических экспозиций – сложный трудоемкий процесс, он включает не только разработку концепций выставок и подбор экспонатов, но и непосредственно сбор витрин и стендов. Одним из таких примеров является тематическая экспозиция, оформленная в 1995 году «Ветераны ВОВ – Сотрудники ЧГТУ».

Важной частью деятельности музея истории является методологическая работа. Основное направление в этой области – подготовка экскурсоводов из числа студентов и работников музея. Работниками музея ведётся сбор, обработка и применение научной и прикладной литературы по музееведению. Финальной отраслью деятельности музея будет фондовая работа. Так, в период 1982–1983 поступило 295 предметов, в первом семестре 1983–1984 – 145 предметов. По мере накопления экспонатов музея возросла потребность в увеличении площадей. В 2011 году по решению руководства университета музей переезжает из главного корпуса в теплотехнический. Благодаря этому экспозиционная площадь увеличилась с 65 квадратных метров до 150. Сегодня фонд музея насчитывает 2500 экспонатов, ежегодно музей посещают 4500 студентов и более 500 выпускников вуза. Кроме того, музей с радостью принимает гостей и посетителей.

Таким образом, мы видим, что истории ЮУрГУ уделяется много внимания не только со стороны самого университета, но и студентами вуза. Музей истории ЮУрГУ позволяет провести связь между прошлым и настоящим в жизни человека, тем самым заложив основы в его будущее. Если основным назначением университета является воспитание качеств специалиста, то основной задачей музея университета стало воспитание качеств человека – что в целом и формирует человека во всей своей полноте исполняет просветительскую функцию.

Литература

1. Сибиряков И.В. ЮУрГУ: Основные вехи истории / И.В. Сибиряков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: ЮУрГУ, 2008. № 21 (121). – С.21–30.
2. Ворошин С.Д. К истории формирования университетских музеев / С.Д. Ворошин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: ЮУрГУ, 2015. № 2. – С.97–102.
3. Шестаков А.Л. Золотые страницы ЮУрГУ. / А.Л. Шестаков, Г.П. Вяткин, В.И. Майоров, А.В. Шмидт // Издательство «Реал-Медиа. – Челябинск, 2013. – С. 276–277.
4. Трифонова Г.С. Научно-методические подходы и принципы в учебно-образовательной деятельности художественного музея ЮУрГУ. На примере работы над выставкой «Василий Андреевич Неясов (1926-1984). Воссоединение волжских народов с Россией, 1948-1983: История ненаписанной картины». / Г.С. Трифонова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: ЮУрГУ, 2009. № 32 (165). – С.69–82.
5. Парфентьева Н.В. Основные направления деятельности университетского музея искусств и их научно-методологическое обеспечение / Парфентьева Н.В., Парфентьев Н.П. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: ЮУрГУ, 2009. № 32 (165). – С.48–52.

РЕФЕРАТ

УДК 324

ББК 66.3

«ВОЗВРАЩАЯСЬ К ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ» (РЕФЕРАТ)

Кучинов А.М.

Представлен реферат книги 1980 г. «Возвращаясь к гражданской культуре» под редакцией Г. А. Алмонда и С. Вербы, на критику чьей концепции «гражданской культуры» книга направлена. В силу ряда причин этот реферат не удалось разместить в № 2014 № 1 журнала. Малоизвестная в России книга является библиографической редкостью и представляет собой интересный сюжет в истории науки, в связи, с чем видится необходимость ознакомиться с ней. В книге отмечены многие факты неточностей в исследовании Г. А. Алмонда и С. Вербы, некоторые их положения отмечены как несостоятельные, предложены альтернативные варианты рассмотрения политической культуры.

Ключевые слова: гражданская культура, история политической науки, политическая культура.

Summary of 1980 «Civic culture revisited» book edited by G. A. Almond and S. Verba is presented, whose «civic culture» concept book aims criticism. For several reasons, this summary could not be placed in 2014 N 1 issue of the journal. In Russia little-known book is a bibliographical rarity and it is interesting plot in history of science, and therefore the need to become familiar with it is visible. The facts of inaccuracies in G. A. Almond and S. Verba study pointed out in the book, some of their provisions are marked as invalid, alternative options for addressing the political culture were offered.

Keywords: civic culture, history of political science, political culture.

The civic culture revisited: analytical study / Gen. ed. Almond G. A., Verba S. - Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980. X+421 pp.

Сначала данный реферат мы хотели опубликовать в номере 2014 № 1 журнала как приложение к интервью с профессором Е. Й. Вятром – одного из авторов реферируемой монографии. Однако, в силу ряда причин, разместить этот материал стало возможно лишь в данном номере.

Коллективная монография «Возвращаясь к политической культуре» 1980 г. под редакцией Алмонда Г. А. и Вербы С. [2] - малоизвестное в России издание, в отличие от монографии «Гражданская культура: исследование демократии в пяти странах» [1], на критику которой направлена книга 1980 г. Книга состоит из десяти глав, написанных разными авторами.

Интерес к книге возможен с двух сторон: как для исследований политической культуры, так и особенно, по нашему мнению, – по истории науки. «Гражданскую культуру» [1] в России справедливо критикуют, но, тем не менее, всюду продолжают понимать как «классику исследований политической культуры», некоторый авторитет и непогрешимое достижение, что по нашему мнению, позволяет

предполагать о недостаточной критичности восприятия этого [1] исследования. О многих аргументах критики и теоретических альтернативах, изложенных в книге [2] знают не все российские исследователи, а лишь те, кто ознакомились с ней. Тем не менее, [2] – библиографическая редкость, которая в г. Москве ранее была только в библиотеке ИНИОН РАН, где была утеряна до его пожара 2015 года (мы обратились за книгой около 2011-2012 гг. и нам было отказано в связи с тем, что «книга утеряна»).

Факт библиографической редкости не снимает других проблем - не все отечественные исследователи могут исчерпывающе иметь представление о том, за что критикуют Г. А. Алмонда и С. Вербу, какие их положения были признаны несостоятельными, о чём говорит содержание и стиль книги [2]. Чего стоят многие выражения и факты в книге [2] – они по-другому, нежели мы привыкли, открывают глаза на проблему. Издание [2] – не единственное, направленное на критику «гражданской культуры», однако его уникальность в том, что издано под редакцией самих Г. А. Алмонда и С. Вербы, позволивших там не просто аргументированную и последовательную критику своих идей, но и весьма неожиданную для нас стилистику, едва ли не доходящую до скрытых упрёков и обвинений в несостоятельности их исследования. Интересно наблюдать степень согласия Г. А. Алмонда и С. Вербы с фактом, в чём их «гражданская культура» оказалась несостоятельной. Именно поэтому мы настаиваем на необходимости российских политологов и социологов ознакомиться с этим [2] изданием.

Стилистику и контекст написания, «дух эпохи» и чувство читателя книги [2], испытывающего неожиданные эмоции от содержания и стилистики, к сожалению, передать в реферате невозможно. Тем не менее, насколько это оказалось возможным, мы кратко пересказали, что написано в той [2] книге и какие особо важные в теоретическом плане положения там отмечены. По нашему мнению, это [2] издание должно восприниматься как одно из наиболее главных вех в истории исследований политической культуры. В случае, если книга [2] в будущем будет переведена на русский язык, мы будем рады этому событию и будем согласны с необходимостью это сделать. Здесь мы предлагаем ознакомиться с книгой [2], принять во внимание факт её существования как важного события в истории науки и её содержание, продолжить обсуждение обеих книг [1; 2] и концепции «политической» и «гражданской культуры» в целом, в порядке живой дискуссии.

Almond G. A. The intellectual history of civic culture concept [2 p. 1-36]

Эта статья идентична докладу Г. А. Алмонда на Конгрессе Международной Ассоциации Политической Науки в 1979 г. в г. Москве.

В первой главе «Интеллектуальная история концепта гражданской культуры» Алмонд Г. А. (Almond Gabriel Abraham) рассматривает эволюцию взглядов на политическую культуру в истории мысли. Упоминаются амалекиты, Палестина, Ассирия и Вавилония, Израиль, рассматриваются диалоги «Государство» и «Законы» Платона, «Политика» Аристотеля, «Персидские письма» и «О духе законов» Монтескье Ш.-Л., учение де Токвиля А. На становление концепта гражданской культуры и возможность его исследовать, по мнению автора, повлияли эпоха Просвещения и либеральные учения, «европейская социология» (Сен-Симон А., Конт О.,

Маркс К., Вебер М., Дюркгейм Э., Парсонс Т.), «социальная психология после катастроф» – Первой и Второй мировых войн (Адорно Т., Лазерсфельд П.), «психоантропология после Фрейда» (Мид М., Малиновски Б., Бенедикт Р., Лассуэл Г.). Эмпирическое исследование политической культуры, по мнению автора, сделалось возможным благодаря развитию методологий – в исследованиях общества появились, по мнению Алмонда Г. А., выборка, интервью, шкалирование, статистика. Модель гражданской культуры, по мнению Алмонда Г. А. получилась из рационалистского мировоззрения: идеал предполагает информированного, аналитически мыслящего, рационального гражданина. Алмонд Г. А. признаётся, что сосуществование гражданской культуры и стабильности демократии не состоялось после событий 1920-х – 1930-х гг. в Италии, Германии, и Третьей Республики во Франции. Алмонд Г. А. признаётся в том, что он в своём исследовании 1963 г. с Вербой С. недостаточно отразил чёрное население в выборке. В заключение Алмонд Г. А. пишет, что политическая культура – это не теория, а переменные, которые могут быть использованы для построения теорий; и приводит определения политической культуры разных исследователей.

Lijphart A. The structure of inference [2 p. 37–56]

Во второй главе «Структура вывода» Лейпхарт А. (Lijphart Arend) критикует «Гражданскую культуру» 1963 г. на предмет взаимосвязей структуры, культуры и демократии, проблем измерения, подбора стран для исследования (Мексика, по мнению Лейпхарта А., недемократична, а монография была заявлена как исследование 5-ти демократий). Лейпхарт А. обращает внимание на наличие ошибки экологического уровня в исследовании 1963 г. – выводы делаются путём экстраполяции ответов на вопросы индивидов за себя на всё их политическое поведение без учёта организации индивидов в коллективах и т. д. (individualistic fallacy). По мнению Лейпхарта А., ошибочны выводы Алмонда Г. А. и Вербы С. о взаимосвязях гражданской культуры и стабильности демократии. Вопросы из анкет, по мнению Лейпхарта А., имеют ограничения в том, что способны измерить только субъективную сторону вопроса.

Pateman C. The civic culture: a philosophic critique [2 p. 57–102]

В третьей главе «Гражданская культура: философская критика» Пейтман К. (Pateman Carole) пишет об исследовании 1963 г. как об эмпирической крайности, что было свойственно для исследований той эпохи, указывает, что Алмонд Г. А. и Верба С. называют, но не объясняют связь между политической культурой и участием с классом, социально-экономическим статусом (SES), полом. Автор рассматривает разные теории демократии, и пишет, что «Гражданская культура» 1963 г. – это всего лишь одна из многих таковых. Пейтман К. пишет, что «ориентации», о которых писали Алмонд Г. А. и Верба С., не передаются через социализацию. [2 p. 69–70] В заключение автор упоминает, что сам подход «гражданской культуры» является результатом либерального мировоззрения.

Wiatr J. J. The civic culture from a marxist-sociological perspective [2 p. 103–123]

Вятр Е. Й. (Wiatr Jerzy Joseph) в четвёртой главе «Гражданская культура сквозь призму марксистской социологии» критикует монографию 1963 г. с позиций учёных социалистических стран. Рассматриваются исследования таких учёных, как Бурлацкий Ф. М. и Галкин А. А. (СССР); Теун Х. (Teune Henry), Пшеворски А. (Przeworski Adam), Маркевич В. (Markiewicz Władysław), Щепаньский Я. (Szczepański Jan) (Польша); Бибик А. (Bibič Adolf) и Новосел П. (Novosel Pavle) (Югославия). Вятр Е. Й. выделяет такие пункты критики [2 p. 105] монографии Алмонда Г. А. и Вербы С., как критика ориентированности на теорию демократии, недостаточные акценты на исследование исторических корней и классовой составляющей политической культуры (Бурлацкий Ф. М. и Галкин А. А.), критика методологии и проблемы измерения (Пшеворски А. и Теун Х.). Автор указывает на разные определения политической культуры у разных авторов [2 p. 106]. Вятр Е. Й. рассказывает о польском эмпирическом исследовании «Values and the active community» – исследование участия на локальном уровне в Индии, Польше, США и Югославии. Проект отличается от исследования Алмонда Г. А. и Вербы С. по ряду параметров: это исследование не индивидов, а сообществ (communities), оно идеологически свободнее от либерально-демократического мировоззрения, лучше адаптировано под международный срез, предусматривает больше статистики. Вятр Е. Й. критикует путь, по которому Алмонд Г. А. и Верба С. интерпретируют связи между политической культурой и политической структурой, через ролевой анализ, критикует «прерадикальную ориентацию» исследования и указывает на тот факт, что «Гражданская культура» – это демократическая теория (теория демократии) [2 p. 113] Вятр Е. Й. считает, что необходимо рассматривать взаимоотношение между политической культурой и политической структуры как (а) влияние прошлых структур и культур на современную культуру, (б) влияние современной структуры на культуру. «Гражданская культура», считает автор, не предоставляет возможности рассматривать связи между социально-экономической стратификацией, политической стратификацией и политической культурой. [2 p. 114] Вятр Е. Й. пишет, что роли есть политические и неполитические, вторые из которых оказываются важнее. Среда, в которой работает теория Алмонда Г. А. и Вербы С., названа «буржуазной демократией» – это тип общества, в котором важен гражданин. Вятр Е. Й. разграничивает «политические» и «экономические» общества. В первых политические роли имеют большую значимость, во вторых более значимы экономические роли. Идеал теории Алмонда Г. А. и Вербы С. работает лишь в «политических обществах», где достаточную долю имеет средний класс, следовательно – гражданин. В «экономических» же обществах вроде Мексики и Италии из «Гражданской культуры» 1963 г. тот идеал демократии невозможен - ввиду классовых препятствий многие «голоса [потенциальных «граждан» – А. К.] не услышат». [2 p. 114–115] Ситуация, которую Алмонд Г. А. и Верба С. провозглашают как идеал, когда политическое участие и участие вообще почти не различаются, и любое участие является политическим, названа «патологической». Участие не исчерпывается лишь политическим участием, другие виды участия тоже весьма важны. Так же Вятр Е. Й. не согласен с подходом, согласно которому оппозиционность рассматривается как несоответствие демократии. Вятр Е.Й. показывает огра-

ниченность рассматривания несоответствия между нормами демократии и политической реальностью исключительно в психологических дефинициях, следует так же обращать внимание на структурное несоответствие политической культуры с системой. [2 р. 116–117] Вятр Е. Й. не согласен с подходом, в котором политическая культура и структура рассматриваются с одной стороны, а другие культуры и структуры – с другой. [2 р. 118] В заключение своей статьи автор обращает внимание на возможность существования многих идеалов демократии, где идеал Алмонда Г. А. и Вербы С. - всего лишь один из многих.

Kavanagh D. Political culture in Great Britain: the decline of civic culture [2 p. 124–176]

В пятой главе «Политическая культура в Великобритании: опровержение гражданской культуры» Каванагх Д. (Kavanagh Dennis) указывает на такие ошибки Алмонда Г. А. и Вербы С. в «Гражданской культуре» 1963 г., как недостаточное количество ответивших респондентов (низкий response rate), ошибочная выборка - в ней были переотражены политически компетентные. [2 р. 131–132] Каванагх Д. указывает, что Алмонд Г. А. и Верба С. не учитывают многие социально-экономические, политические и исторические факторы. По его мнению, политическая культура зависит от институтов в то или иное время. [2 р. 133] У него есть так же замечания по поводу кодирования образования до принятия Education Act 1944 года. С 1918 по 1946 гг. количество обязательных минимальных лет учёбы в школах в Великобритании менялось с 11 до 15 лет, в связи с чем взаимосвязь между образованием и социальным классом в исследовании 1963 г., по мнению Каванагха Д., определена неправильно. [2 р. 135] Автор считает, что высокая поддержка власти в Великобритании связана не с удовлетворением выходами политической системы (output), а более на рассеянной поддержке (diffuse support), в связи с тем, что британцу со школьных лет внушают превосходство его политического устройства, что у них лучший в мире парламент и т. д. [2 р. 140] Каванагх Д. так же показывает на другие исследования политической культуры Великобритании, помимо Алмонда Г. А. и Вербы С., пишет о таких авторах, как Липсет С. М. (Lipset Seymour Martin), Нордлингер Э. (Nordlinger Eric A.), МакКензи Р. (McKenzie Robert T.) и Силвер А. (Silver Alan), Экстейн Г. (Eckstein Harry H.), Паркин Ф. (Parkin Frank), Андерсон П. (Anderson Perry), Милибанд Р. (Miliband Ralph), Манн М. (Mann Michael), Инглхарт Р. (Inglehart Ronald).

Abramovitz A. I. The United States: political culture under stress [2 p. 177–211]

В шестой главе «Соединённые Штаты: политическая культура в условиях стресса» Абрамовиц А. (Abramowitz Alan I.) пишет о том, что в случае с США было необходимо учитывать расовые различия политической культуры. Автор приводит данные Марвика Д. (Marvick Dwaine) о различиях политической культуры и социализации белых и чёрных в США. Среди чёрного населения степень гражданственности была ниже. Политическая культура в США между 1950-ми и 1970-ми гг. серьёзно изменилась в сторону снижения признаков гражданской культуры. Возросло недоверие к правителям, институтам власти, снизилось политическое

участие. Автор акцентирует внимание на разнообразии способов политического участия, которое не сводится к участию в выборах.

Conradt D. P. Changing German political culture [2 p. 212–272]

В седьмой главе «Изменение политической культуры в Германии» Конрадт Д. (Conradt David P.) показывал возможности изучать политическую культуру с помощью теорий представителей Франкфуртской школы, указывал на то, что немецкий исследователь Шеух Е. К. (Scheuch Erwin K.) показывал «Гражданскую культуру» Алмонда Г. А. и Вербы С. как яркий пример несовершенства сравнительного метода. Конрадт Д. пишет, что под руководством Шеуха Е. К. существовали исследования политической культуры в Кёльнском Университете. Автор указывает, что в анкетах Алмонда Г. А. и Вербы С. на разных языках была потеряна эквивалентность вопросов [2 p. 216], высказывал замечания по поводу кодирования образования. Конрадт Д. назвал учение Алмонда Г. А. и Вербы С. «сильно ограниченной буржуазной наукой». [2 p. 217] Около 1980 г. - на момент написания реферируемой книги, по сравнению с 1963 г., по мнению автора, Германия стала ближе к идеалу гражданской культуры, чем Великобритания и США. [2 p. 221] Конрадт Д. приводит в своей статье много эмпирических данных, говорит о том, что существуют разные типы демократии, которая не сводится к «Гражданской культуре».

Sani G. The political culture in Italy: continuity and change [2 p. 273–324]

В восьмой главе «Политическая культура в Италии: продолжение и изменение» Сани Г. (Sani Giacomo) показывает всю палитру разнообразия и многопартийности итальянской политики, иллюстрирует партии по континуумам правых-центра-левых. Он пишет, что около 1980 г., по сравнению с 1963 г. в Италии стало больше протестных настроений, неудовлетворённости, больше радикально-левых партий, движения за права человека. Автор указывает на таких авторов-исследователей итальянской политической культуры, как Фегиц Л. (Fegiz Luzatto), Сперафико А. (Sperafico Alberto), Ла Паломбара Дж. (La Palombara Joseph), Доган М. (Dogan Mattei), Амассари П. (Amassari Paolo), Альберони Ф. (Alberoni Francesco), Пиццорно А. (Pizzorno Alessandro), Сартори Г. (Sartori Giovanni), Галли Г. (Galli Giorgio).

Craig A. L., Cornelius W. A. Political culture in Mexico: continuities and revisionist interpretations [2 p. 325–393]

Согласно девятой главе «Политическая культура в Мексике: продолжение и ревизионистские интерпретации», авторы которой - Крайг А. (Craig Ann L.) и Корнелиус У. (Cornelius Wayne A.), в выборке Алмонда Г. А. и Вербы С. по Мексике не оказалось достаточного количества городских жителей, а в Мексике политическая культура серьёзно зависима от степени урбанизации местности. Крайг А. и Корнелиус У. пишут, что при переводе опросника с английского на испанский язык оказалось достаточно серьёзно искажающих смысл ошибок, в «Гражданской культуре» 1963 г. были допущены неэквивалентность политических концептов, названий политических институтов. Так же, по их мнению, там недостаточно учтены регион проживания и класс респондентов [2 p. 334], тот факт, что политическая

социализация происходит не только в детстве, но и во взрослом возрасте [2 p. 338], Мексика - не демократия, а авторитарная страна [2 p. 346]. Краиг А. и Корнелиус У. указывают на таких исследователей политической культуры Мексики, как Адорно Т. (Adorno Theodor W.), Фромм Э. (Fromm Erich), Маккоби М. (Maccoby Michael), Романуччи-Росс Л. (Romanucci-Ross Lola), Паз О. (Paz Octavio), Фэген Р. (Fagen Richard R.) и Туохи У. (Tuohy William S.) (психологические интерпретации политической культуры), Сеговиа Р. (Segovia Rafael), Пейтман К. (Pateman Carole), Коулмэн К. (Coleman Kenneth), Дэвис Ч. (Davis Charles L.) (структурные интерпретации политической культуры), так же упоминаются Кахл Й. (Kahl Joseph A.), Артертон К. (Arterton F. Christopher), Ландсбергер Г. (Landsberger Henry A.), Монтаньо Й. (Montaño Jorge).

Verba S. On revisiting political culture: a personal postscript [2 p. 394–410]

В заключительной десятой главе «На возвращении к политической культуре: личное послесловие» Верба С. (Verba Sidney) хвалит «Гражданскую культуру» 1963 г., говорит о вкладе критиков, пишет о согласовывании микро- и макроуровня (политической культуры и системы) в своём с Алмондом Г. А. исследовании и пишет о «выживании демократии». Статья большей частью состоит из философских постановок вопросов без ответов на них.

Литература

1. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. – М.: Мысль, 2014. 499 с.
2. The civic culture revisited: analytical study / Gen. ed. Almond G. A., Verba S. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980. X+421 pp.

IV ФОРУМ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ «МОЛОДЕЖЬ. ОБРАЗОВАНИЕ. ИНТЕГРАЦИЯ»

Артемов А.В.

Форум молодых политологов – это уникальная коммуникативная площадка, призванная объединить будущих ученых и исследователей, а также специалистов интересующихся теорией и практикой политической науки для обмена опытом, выстраивания широких горизонтальных связей и формирования кроссрегионального научного сообщества.

Уже в четвертый раз Всероссийский Конгресс политологов Российской ассоциации политической науки собирает в Москве молодых исследователей со всей России и ближнего зарубежья в рамках Форума молодых политологов.

В этом году центральной темой Конгресса стало обсуждение вызовов современности и роли российской политической науки в их разрешении. Молодежное политологическое сообщество также не осталось в стороне и посвятило работу мероприятия наиболее острым и актуальным проблемам будущих ученых и практиков – проблем качества образования и интеграции в профессиональную деятельность.

В рамках Форума молодых политологов работали 11 секций, а именно:

- прикладная политология;
- политическая дискурсология и семиотика;
- публичная политика и политология прав человека;
- институциональные исследования;
- сравнительная политология;
- политическая регионалистика;
- международные конфликты и безопасность;
- мировая политика;
- политическая социология и психология;
- а также теория политики.

Форум молодых политологов завершился заседанием Общего собрания Молодежного отделения Российской ассоциации политической науки, которое выступило открытой площадкой для обсуждения итогов работы отделения за период с 2012 по 2015 годы, а также выборов нового руководства и актива сообщества молодых политологов.

Председатель Правления Российской ассоциации политической науки и Президент Молодежного отделения вручили памятные грамоты и благодарственные письма бывшим руководителям и активу отделения.

Организационный комитет выражает огромную благодарность всем участникам, а также экспертам, дискуссионкам и ведущим секций Форума молодых политологов.

Ниже, в журнале, представлены наиболее интересные работы участников IV Форума молодых политологов.

ФЕНОМЕН ПОЛИТИКИ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Деткина В.О.

Политика двойных стандартов в современных международных отношениях является весьма распространённым явлением, и, в то же время, малоизученным. Автор рассматривает категорию двойных стандартов как естественное явление в международных отношениях, вызванное, прежде всего, желанием влиятельных держав укрепить своё положение на международной арене, поднимает вопрос о сущности данного явления, его генезис и значение в среде международных отношений.

Ключевые слова: политическая наука, политика двойных стандартов, международные отношения, мировая политика, политический конфликт, международное публичное право.

Nowadays the phenomenon policy of double standards in the international relations become a very common, and at the same time, stays an insufficiently studied. The author examines the category of double standards as a natural phenomenon in the international relations, it primarily caused by the desire of the influential powers to strengthen its position in the international arena; also, the author raises the question about the essence of the phenomenon, its genesis and significance in the environment of international relations.

Keywords: political science, policy of double standards, international relations, international policy, political conflict, international public law.

На сегодняшний день политика двойных стандартов в международных отношениях является весьма распространённым явлением. Отечественные и зарубежные политологи ведут жаркие дискуссии относительно действий тех или иных государств, которые прибегли к использованию механизмов двойственной, непоследовательной политики.

В связи с особым интересом к данной проблематике, как со стороны СМИ, так и международной общественности, учащением случаев проявления политики двойных стандартов в международных отношениях, становится актуальным изучение теоретических аспектов, лежащих в основе данного явления. Однако исследованием характера явления политики двойных стандартов занимается небольшой круг учёных. Это объясняется как неоднозначностью определения данного явления, так и высокой степенью политизации материалов по данной теме. В связи с чем возникает необходимость перевода проблематики двойных стандартов из публицистического дискурса в научный. Также возникает необходимость ответить на

вопрос: почему политика двойных стандартов становится неотъемлемым элементом международных отношений на современном этапе.

Сфера применения политики двойных стандартов также достаточно разнообразна: это и борьба с международным терроризмом, международная торговля оружием, вооруженные конфликты, вопросы мировой энергетики, и, наиболее часто анонсируемые в СМИ примеры проявления данного феномена, связаны с территориальными спорами и проблемой непризнанных государств.

Для того, чтобы понять сущностные аспекты данного явления следует обратиться к истории его возникновения. Политика двойных стандартов в международных отношениях явление не новое и имеет глубокие корни происхождения.

В современном значении термин «двойные стандарты» появился в английском языке в середине XIX века. Изначально его применяли для обозначения неравных моральных требований к мужчинам и женщинам. В современном же значении оно чаще всего употребляется в политтехнологических целях. Также термин «двойные стандарты» широко применяется как средство давления на противников через общественное мнение и служит способом оправдания собственных действий в адрес какого-либо субъекта международных отношений.

На сегодняшний день отсутствует такое определение политики «двойных стандартов», которое наиболее полно отражало бы характер такого комплексного и сложного явления, как политика двойных стандартов. В качестве примера можно привести определения Оксфордского словаря английского языка: политика двойных стандартов есть правило, принцип, суждение и т.п. с точки зрения более строгого применения в отношении одной группы людей, обстоятельств и т.п., чем к другой. Интернет-справочник «Глоссарий.ру» определяет двойные стандарты или двойную мораль как критический термин для обозначения применяемых на практике и широко распространённых (но официально отрицаемых) дискриминационных подходов к оценке действий и прав групп населения, стран, рас [1, с. 112–113].

В международных отношениях политика двойных стандартов чаще всего выражается в форме обвинения «неугодных» субъектов международного права в нарушении, попрании тех или иных норм международного права, при демонстративном игнорировании собственных аналогичных действий, либо действий союзников. Таким образом, оценка одних и тех же действий субъектов варьируется в зависимости от того, в каких отношениях каждый из этих субъектов находится с оценивающим [5, с. 14].

В качестве одной из причин возникновения данного явления можно выделить коллизии в международном праве. Развитие нормативной базы в международном праве не успевает за развитием самих международных отношений и возникающих в них процессах, приобретающих всё новые формы их проявления. Международное право имеет большое количество пробелов, а также коллизий и неточностей, которые позволяют трактовать нормы международного права двояко (право народа на самоопределение при приоритете территориальной целостности государства, противоречием между такими базовыми принципами международного права, как принцип суверенитета государства и принципом необходимости соблюдения прав человека). Это, в свою очередь, создаёт основу для возникновения двойных стандартов в международной политике [2, с. 68–70].

Также основополагающую роль в возникновении феномена двойных стандартов играет естественное желание субъектов международных отношений добиться максимально выгодного для них исхода той или иной спорной (конфликтной) ситуации, также возникающие непреодолимые противоречия по тем или иным вопросам между странами, блоками стран, мировыми и региональными державами, как ведущими центрами силы, международными организациями и иными субъектами международных отношений. Тем самым, политика двойных стандартов на международной арене становится средством конкурентной борьбы [4].

Дифференциация и усложнение общественных отношений, усиление интенсивности процессов в международных отношениях, процессы, связанные со становлением новой, пост биполярной системой и борьба за сферы влияния между ведущими центрами силы на международной арене – всё это способствовало учащению проявления данного явления, как на межличностном, так и на межгосударственном уровнях.

В качестве одного из наиболее яркого примера можно привести ситуацию вокруг самопровозглашенной республики Косово, Абхазии и Южной Осетии, и позиции в отношении этих территориальных единиц США и России. Исходя из теории рационального выбора, каждый субъект, в лице России и США, в каждом конкретном случае выбирали для себя наиболее выигрышный вариант, руководствуясь, прежде всего, собственными интересами.

Так, в ходе бомбардировки Белграда авиацией НАТО в 1999 г. западные страны, и в первую очередь США, оправдывали свои действия тем, что сербское руководство проводит политику геноцида против косовских албанцев, и осуществляют массовые этнические чистки в регионе их компактного проживания. Однако, с позиции российского руководства, никаких массовых этнических чисток не было, а США просто использовали отдельные случаи нарушения прав косовских албанцев как «законный» повод начать агрессию против Сербии. В 2008 г. в ходе событий в Южной Абхазии ситуация была диаметрально противоположной. Теперь уже российская сторона говорила о массовом уничтожении абхазов и осетин грузинской армией. Страны Запада, прежде всего США, утверждали, что якобы имевшие место нарушения прав абхазов и осетин для России являются лишь предлогом для начала агрессии против Грузии.

Примечательно, что по всем прецедентам, связанным с появлением непризнанных государств, у России и Запада противоположные позиции, и, как следствие, у сторон возникают взаимные обвинения в использовании политики двойных стандартов [3, с. 60–62].

Почему аналогичные ситуации подверглись различной оценке со стороны оценивающих в лице России и США?

Одно из определений политики двойных стандартов чётко указывает на зависимость оценки от отношений оценщика с оцениваемым. Россия и Сербия – союзные государства, которые связывают тесные культурные, исторические связи. Соответственно, Россия приняла позицию Сербии, в отличие от Соединённых Штатов Америки, которые видели в новоиспеченном государстве Косово своего потенциального союзника в Восточной Европе.

Ситуация с Абхазией и Южной Осетией, в свою очередь, состояла в следующем: Грузия планировала вступить в НАТО, для чего ей необходимо было, по условию организации, разрешить все территориальные споры, т.е. однозначно определить статус республик в составе Грузии, что и стало поводом для начала военных действий.

Грузия рассчитывает на получение определённой выгоды от союза с Западом. Правительство Грузии полагает, что членство в НАТО — гарантия стабильности в области и будет действовать как противовес России, которую они считают опасным соседом. Это представление было ещё раз подтверждено референдумом, на котором большинство грузин выступали «за» членство в НАТО.

США рассматривали Грузию не просто как своего потенциального партнёра, но и возможность приблизить вооружённые силы НАТО и системы ПРО ближе к границам России. Россия, в свою очередь, рассматривает продвижение НАТО на Восток как угрозу своим стратегическим интересам в Европе и обвинила западный мир в наличии двойных стандартов.

Субъекты международных отношений в своих действиях руководствуются рациональным началом: государства вступают друг с другом в союзные отношения с целью получения определённой выгоды. Соответственно, государство, союз с которым принесёт наибольшую выгоду (экономическую, политическую и т.д.), становится наиболее предпочтительным. То, какую оценку будет давать оценщик той или иной ситуации (либо действию оцениваемого) зависит от того, какой исход ситуации наиболее желателен для данного оценщика. Под выгодой может пониматься всё, что даёт определённую пользу государству: от расширения сферы влияния, до приобретения дополнительных финансовых и экономических ресурсов и т.д. Учитывая все возможные варианты развития событий, внешние условия и ситуацию внутри самого государства, данное государство принимает решение относительно того, с кем стоит вступать в союзные отношения, а с кем — нет. Таким образом становится возможным то, что в одном случае государство принимает одну позицию, в другом, аналогичном, противоположную.

Подобное поведение субъектов международных отношений, в основе которого лежит стремление к получению наибольшей выгоды, в итоге, становится причиной возникновения ситуации, при которой аналогичным действиям даётся принципиально разная оценка. Одно и то же противоречивое явление рассматривают, одни государства (участники международных отношений) как негативное, другие же находят оправдания этим действиям, говоря об их необходимости, стараясь рассмотреть их в позитивном ключе, при этом, естественно, государства отрицают факт асимметричной оценки. Данное явление, возникающее в международных отношениях, можно определить, как «политика двойных стандартов».

Таким образом, политика двойных стандартов в международных отношениях - явление естественное, основанное на непреодолимом желании государств к получению и приумножению выгоды, продвижения государственных интересов на международной арене [4, с. 14].

На сегодняшний день отчетливо прослеживается тенденция того, что право толковать нормы и правила берут на себя более сильные и влиятельные субъекты международных отношений. На практике так и получается, что ведущие мировые

державы используют пробелы системы международного права таким образом, чтобы нормы системы трактовались в их пользу и служили их интересам. Нельзя сказать, что данное явление носит строго негативный характер: для государств, осуществляющих данную непоследовательную политику, это является способом выражения и отстаивания своих интересов. В целом же, данный факт имеет негативные последствия для международных отношений. В частности, влиятельные державы зачастую сознательно делают её инструментом своей непоследовательной политики, что приводит к кризису доверия по отношению к международным организациям.

Реализация методов решения проблемы «двойного стандарта» требует совместных усилий государственно-политических деятелей и специалистов в области международного права. Нечеткость, пробельность и даже противоречивость трактовок норм международного права порождают проблему «двойного стандарта» и нестабильность системы международных отношений в целом. Искоренить данное явление не представляется возможным, однако, обратив внимание на факторы, лежащие в основе политики двойных стандартов, можно минимизировать случаи проявления данного явления в международных отношениях в тех областях, где проявление политики двойных стандартов особенно опасно и грозит серьёзными негативными последствиями для системы международных отношений. Данное обстоятельство обуславливают необходимость в дальнейшем более детального изучения сути данного явления.

Литература

1. Булипопова Е.В. Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории / Булипопова Е.В. // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 112–118.
2. Буханова А.С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения. / Буханова А.С. // Право и управление: XXI век. – 2011. №. 4(21). – С. 67–71.
3. Кузьмина О.В., Лукьянов В.Ю. Использование «двойного стандарта» – важнейшая проблема современных международных отношений / Кузьмина О.В., Лукьянов В.Ю. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – СПб, – 2014. – С.60–62.
4. Ноздрин А.В. Политика двойных стандартов в условиях глобализации вначале XXI века // электронный журнал «молодёжный научно-технический вестник» // МГТУ им. Н.Э. Баумана, Эл. No. ФС77-51038. – М., 2013.
5. Тузова А.Ф. «Двойные стандарты» в массмедийной практике (социально-политический анализ). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук. СПб, 2010.
6. Проскунин С.А. Международные отношения и внешнеполитическая деятельность России. / Проскунин С.А. // МГИМО. – М.: 2009, – 168 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

Калашникова С.К.

Статья посвящена выявлению современных тенденций в развитии политического маркетинга. Автор рассматривает концепцию политического маркетинга-микс и его влияние на формирование концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМС). На примере избирательных кампаний Б. Обамы 2008 и 2012 годов автор показывает, как технологии ИМС могут быть эффективно применены в области электорального маркетинга. В статье уделяется внимание вопросу трансформации политического рынка в рынок услуг.

Ключевые слова: *политический маркетинг, маркетинг-микс, интегрированные маркетинговые коммуникации, ИМС, политический рынок.*

The article is focused on the modern trends in the development of political marketing. The author considers the concept of the political marketing-mix and its effect on the formation of the concept of the integrated marketing communications (IMC). On the example of the Obama's election campaigns in 2008 and 2012, the author shows how the IMC technology can be effectively applied in the field of the electoral marketing. The article focuses on the issue of transformation of the political market in the services market.

Keywords: *political marketing, marketing-mix, integrated marketing communications, IMC, the political market.*

Современный подход к рассмотрению политического маркетинга рождается на стыке предметных полей политической экономики, политического управления и других поведенческих дисциплин. Трансформация политического рынка стимулирует развитие новых взглядов на природу и цели политического маркетинга как инструмента политики.

Цель данного доклада заключается в выявлении основных тенденций развития политического маркетинга.

Концепция маркетинга-микс окончательно оформилась в 90-х годах XX века, но сам термин появился еще в 1940-х годах в США. Профессор бизнес школы в Гарварде Н. Борден впервые применил данную категорию для обозначения маркетинговой деятельности, которая имеет своей целью одновременно побудить потребителя к покупке и минимизировать затраты заказчика [1, с. 301-304]. Джером Маккартни предложил систему «4Р» [1, с. 65-67]. Данная концепция предполагает наличие четырех составляющих в любой маркетинговой стратегии: «продукт» (product), «цена» (price), «место» (place), «продвижение» (promotion). В настоящее время модель «4Р» перестала отвечать целям и задачам политического маркетинга.

Первая попытка расширения данной концепции принадлежит основателю генерической теории Филипу Котлеру [2, с. 63-74]. Исследователь включил такие элементы как «политика» (politics) и «общественное мнение» (public opinion).

Осовремененной модификацией модели маркетинга-микс можно назвать концепцию «7Р». Четыре классические составляющие дополняются такими элементами как «process» (процесс), «people» (люди), «physical evidence» (физическое окружение).

Ирина Леонидовна Недяк предлагает следующее видение политического маркетинга-микс [3, с. 259]:

- 1) концепт «продукт» соответствует имиджу партии, лидера или программе политических акторов;
- 2) элемент «место» тождественен предвыборной агитации, агитационным поездкам лидера, работе региональные отделений;
- 3) «продвижение» в политической области замещается общей рекламой, диалоговой рекламой, PR;
- 4) концепт «цена» включает в себя экономические и психологические трудности, а также национальные особенности.

Концепт «продвижение», присутствующий в модели «4Р», является основной предпосылкой появления нового направления маркетинга в 1990-х годах. Формирование концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций (integrated marketing communications – ИМС), прежде всего, связано с работами Дона Шульца. Исследователь определяет ИМС как «новый способ понимания целого, которое нам видится составленным из таких отдельных частей, как реклама, связи с общественностью, стимулирование сбыта, материально-техническое снабжение, организация взаимоотношений с сотрудниками и др. ИМС перестраивает маркетинговые коммуникации для того, чтобы увидеть их такими, какими они видятся потребителю – как поток информации из единого источника» [4, с. 24].

Выделяют следующие характеристики данного подхода:

- 1) стратегический характер;
- 2) управление коммуникационными аспектами посредством синтеза коммуникативных сред;
- 3) повышение уровня лояльности потребителей, поддержание бренда, увеличение прибыли;
- 4) интеграция миссии и стратегии организации;
- 5) включенность потребителя в процесс формирования бренда.

Если учитывать тот факт, что основными технологиями в политическом маркетинге признаются исследования политического рынка, поддержание позитивного имиджа акторов и PR-технологии, то становится ясно, что организация коммуникативных каналов и их правильное использование являются фундаментом построения как электорального, так и политико-административного стратегического маркетинга. Ярким примером использования ИМС являются избирательные кампании Барака Обамы 2008 и 2012 годов. Выбор стратегии ИМС главным политконсультантом действующего президента США Дэвидом Аксельродом во многом определил результат выборов. Кроме использования традиционных технологий в рамках кампаний можно проследить использование нетривиальных методов, при-

сущих именно интегративной системе маркетинга. Преследуя цель включить избирателя в президентскую гонку и привлечь на сторону Барака Обамы, команда кандидата сделала ставку на налаживание двустороннего политического общения посредством следующих методов:

- 1) личный блог Барака Обамы;
- 2) блоги сторонников Барака Обамы;
- 3) наличие специального предвыборного канала на YouTube;
- 4) аккаунты кандидата в Twitter, MySpace и Facebook (36 миллионов подписчиков на 2013 год, 45 миллионов подписчиков на 2015 год);

5) «Народное» финансирование. Финансовое обеспечение кампаний включало несколько крупных источников (Microsoft Corp., Google Inc., Chopper Trading LLC, Oracle Corp., Cisco Systems Inc.), но основной вес фонда был сформирован благодаря мелким, однако многочисленным пожертвованиям, большую часть которых (98%) составляют суммы, не превышающие 250 долларов США;

6) опросы по электронной почте. Около 13 миллионов американцев получили электронное письмо от президента с объявлением о решении начать борьбу за второй срок в 2012 году. Интересно отметить, что подписался президент по настоящему демократично – «Барак». Важно отметить, что команда президента активно работает с претензионными письмами граждан, получаемыми по электронной почте или в социальных сетях;

7) организация «Кофейной партии». Новая политическая сила была создана Аннабел Парк, во время президентской кампании 2008 года работавшей в штабе Барака Обамы. Спустя неполные два года она провозгласила главной задачей «Кофейной партии» возобновление деятельности общественного движения снизу, которое сделало Барака Обаму президентом.

Рост сферы услуг в экономическом поле повлиял на развитие концепций продвижения политических товаров. В современных условиях политический продукт может быть рассмотрен как некое сервисное предложение.

Парадигма маркетинга взаимоотношений определила развитие концепции политического маркетинга отношений-микс. Данная концепция, интерпретируя систему «4Р», предлагает модель «4С» (потребности покупателя «customer needs», затраты покупателя «costs to the customer», удобства для покупателя «convenience», обмен информацией «communication»).

Кроме того, представление политического товара как услуги объединяет и консолидирует несколько составляющих продукта, таких как стержневая выгода, ее восприятие (бренд, имидж) и символический капитал товара. Здесь в качестве сервисного предложения выступает любая политическая деятельность, которую может предложить один из участников обмена.

Таким образом, трансформация политического рынка в совокупность сервисных предложений, являясь естественным процессом расширения ценностей постиндустриального общества на все сферы жизни деятельности, открывает новые горизонты для развития теории политического маркетинга. Представление политического продукта как некой услуги определяет рыночное поведение игроков в политическом поле; возрастает роль политических коммуникаций. Определяющими критериями для избирателя становится субъективная оценка качества, личное

доверие, а также возможность беспрепятственной коммуникации: повышается ценность политического обмена. Современный политический маркетинг становится одним из эффективных механизмов демократизации общества, приобретая новые общественно значимые функции.

Литература

1. Бернет Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход / Дж. Бернет, С. Мориарти. – СПб. : Питер, 2001. – 864 с.
2. Котлер Ф. Расширение концепции маркетинга / Ф. Котлер, С. Леви // Классика маркетинга. – СПб. : Питер, 2001. – С. 63 – 74.
3. Недяк И.Л. Политический маркетинг. Основы теории – М.: Изд-во «Весь Мир», 2008. – 352 с.
4. Шульц Д., Танненбаум С., Лаутерборн Р. Новая парадигма маркетинга. Интегрируемые маркетинговые коммуникации. – М.: ИНФРА-М, – 2004. – 202 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСК

Манжина Н.А.

В статье исследуется влияние соседства приграничного китайского города Хэйхэ на формирование пространственной идентичности российского приграничного города Благовещенск. Данный кейс представляет собой особый интерес, поскольку расстояние между этими городами составляет менее одного километра, что является редким явлением на российско-китайской границе.

Автор дает характеристику российско-китайской границе на участке соприкосновения городов для того, чтобы оценить возможность взаимопроникновения экономических и культурных элементов исследуемых территорий двух государств. Из анализа следует, что несмотря на ограниченность возможностей пересечения границы в связи с недостаточной проработанностью инфраструктуры, она, тем не менее, является контактной: упрощенный режим пропуска значительно увеличивает туристические потоки, более легкий доступ на территорию соседа усиливает возможность взаимного воздействия на формирование пространственной идентичности городов.

Вместе с тем анализ названий улиц и мест общественного питания в Благовещенске говорит о том, что в реальности дело обстоит иначе. Среди названий улиц китайская тематика полностью отсутствует. Большинство из них так или иначе связаны с самим городом - отражают его строение, описание, расположение различных заведений, местную географию; носят имена деятелей города и региона.

Анализ названий мест общественного питания показывает, что среди них доминирует российская тематика. С небольшим отрывом следует группа названий, относящихся Европе и странам Запада. Это демонстрирует, что в самосознании жителей Благовещенска принадлежность России занимает важное место. Вместе с тем они подвержены влияниям глобализации и открыты для восприятия западной культуры. Исключительно китайских названий немного, однако в совокупности с азиатскими они образуют солидную группу. Из этого можно сделать вывод, что на идентичность жителей Благовещенска влияет не только и не столько близкое соседство непосредственно города Хэйхэ, а в целом близость азиатских государств.

Подводя итоги, автор приходит к выводу, что данное влияние присутствует, однако не в той степени, которую могла бы обеспечить уникальная близость городов. Из проведенного анализа следует, что у Благовещенска сложилось самовосприятие как отдельной географической единицы, которая позиционирует себя частью страны — России, впитывающей воздействие извне, но в то же время являющейся территорией с собственным самосознанием.

Ключевые слова: *пространственная идентичность, приграничный город, Благовещенск, российско-китайская граница.*

The article analyses the influence of Heiche, city on the Russian-Chinese border, on the territorial identity of its twin border city Blagoveshchensk. This case is special due the fact, that the distance between this cities is less than 1 km, which is the only phenomenon on the border.

The author defines the type of the Russian-Chinese border - the meeting point of the two cities - in order to assess the possibility to exchange their cultural and economic components. The analysis shows that though poor infrastructure limits the number of ways to cross the border, it's still has a contact function. A simplified procedure of passing the border significantly increases the tourist flow, an easier access to neighbour's territory intensifies possible mutual influence on cities' territorial identity.

At the same time the analysis of street names and names of public eating places shows that in reality this is not the case. Street names have no references to China whatsoever. Most of them are connected to the city, its structure, description, location of certain institution, carry names of famous locals.

The study of public eating places demonstrates that their names predominantly reflect Russian motives. The group which covers European and Western names runs second. This means that belonging to Russia is an important part of self-identification of people from Blagoveshchensk. At the same time they are also exposed to globalization and open to Western culture. Chinese names are not numerous, however together with Asian they make up a significant share. Therefore, the identity of Blagoveshchensk is not so much influenced by the neighbouring Heiche, as by surrounding Asian states in general.

Summing up the author concludes that the influence exists, though not so strong considering how close to each other the twin cities are. The analysis shows that Blagoveshchensk perceps itself as a separate geographical unit, which is a part of a state – Russia, absorbs tendencies from outside, but nevertheless remains a territory with its own special identity.

Keywords: *territorial identity, border, Blagoveshchensk, Russian-Chinese border.*

Пространственная идентичность является важным элементом самосознания как отдельной личности, так и населенных пунктов в целом. Способствуя формированию определенного самовосприятия, она закладывает основы не только личного, но и культурного, экономического и даже политического развития исследуемых территориальных единиц.

В статье исследовано влияние соседства китайского города Хэйхэ на формирование пространственной идентичности российского приграничного города Благовещенск.

Данный кейс представляет собой особый интерес, поскольку расстояние между этими городами разных государств составляет менее одного километра, что само по себе достаточно редкое территориальное явление и единственное на российско-китайской границе.

Серьезное внимание здесь было уделено характеристике типа границы между городами – одному из основных показателей, позволяющих оценить взаимодействие экономических и культурных элементов исследуемых территорий.

Что касается методологической основы работы, то в качестве метода исследования пространственной идентичности использовался анализ неформальных источников, а именно анализ названий улиц, кафе, ресторанов, закусочных, и т.д. Данный метод интересен тем, что он позволяет выявить несознательную самоидентификацию населенного пункта.

Объектом исследования является город Благовещенск.

Предмет – граница между городами, а также названия улиц и предприятий общественного питания Благовещенска.

Несмотря на то, что изучение пространственных идентичностей уже сформировалось в отдельную нишу геополитических исследований, в основном массиве работ упор делается на анализ торговых взаимосвязей, организации политического и правового пространства, социальных и культурных контактов. В данном же предмете заключается особенность исследования – в фокусе работы находятся визуальные городские ориентиры, а не письменные источники.

Актуальность исследования данного феномена носит вполне прикладной, практический характер. Знание особенностей идентичности жителей исследуемой территориальной единицы позволяет обоснованно предполагать, а в некоторых случаях даже предсказывать, какой выбор в той или иной сфере они будут совершать, какие товары будут использовать, каким политическим силам будут симпатизировать, какую политическую партию будут поддерживать на выборах. Результаты исследования могут также представить интерес и федеральному правительству при выстраивании отношений со всем регионом, Амурской областью, административным центром которой является Благовещенск.

Характеристика границы

Город Благовещенск расположен на левом берегу реки Амур и на правом берегу реки Зея. В целом географическое положение города уникально — он является единственным в России региональным административным центром, находящимся на государственной границе. Соседствующий с ним китайский город Хэйхэ расположен на правом берегу Амура, и самое короткое расстояние между ними (между двумя КПП) составляет всего 750 метров. Подобная близость является географической предпосылкой значительного культурного проникновения, тесного сотрудничества по многим направлениям.

При определении типа границы между двумя населенными пунктами особого внимания заслуживает пограничный режим.

В 1998 году Россия и Китай в форме обмена нотами заключили соглашение по организации упрощенного пропуска граждан РФ в торговые комплексы, расположенные с китайской стороны. Затем, в 1999 году министерства иностранных дел двух стран обменялись нотами о применении в Хэйхэской торговой зоне «Хуши» острова Большой Хэйхэ упрощенной системы въезда российских граждан на территорию данной торговой зоны. Эта система функционирует и в настоящее время, а действие упрощенного режима пропуска с 2004 году распространено на всю территорию г. Хэйхэ. На сегодняшний день между городами действует безвизовый режим на пребывание до 30 суток, однако при этом налагается официальный запрет на выезд за пределы города.

Помимо пограничного режима необходимо учитывать развитость инфраструктуры — путей сообщения между двумя городами.

На данный момент возможности пересечения границы ограничены.

С мая по октябрь, в так называемый «летний период», пассажиров перевозят теплоходы класса «Амур». В «зимний период» с января по март курсируют автобусы по специально организованному понтонному мосту. В свою очередь, начало сезона автобусного сообщения зависит от степени прочности льда на Амуре. В межсезонный период ледостава (апрель, ноябрь и декабрь) пассажиров перевозят суда на воздушной подушке – «Пумы».

Вместе с тем, в 1995 году было подписано межправительственное соглашение между Россией и Китаем о строительстве автомобильного моста. В соответствии с поручением Председателя Правительства Российской Федерации Д. Медведева с 2015 года в разработке также железнодорожный мост и канатная дорога. Реализация данных проектов позволила бы обеспечить необходимой транспортной инфраструктурой данную территорию и облегчить передвижение, однако из-за проблем с финансированием они пока остаются в перспективе.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что несмотря на ограниченность возможностей пересечения границы в связи с недостаточной проработанностью инфраструктуры, граница все же является контактной, поскольку упрощенный режим пропуска значительно увеличивает туристические потоки, более легкий доступ на территорию соседа усиливает взаимное воздействие на формирование пространственной идентичности городов.

Анализ улиц

Ниже приведена разбивка названий улиц по различным тематическим категориям, проанализировав которую становится ясно, что жители Благовещенска имеют выраженную собственную идентичность (таблица 1 – категории названий улиц). 47,7% названий улиц отражают строение города, его описание, расположение различных заведений. Кроме того довольно большой по сравнению с остальными категориями являются улицы, отражающие в своих названиях местную географию - 9,7%. 3,9% улиц носят имена местных деятелей города и региона.

Как и во многих других городах России, значительная часть названий перекликается с революционной, советской, военной, исторической, православной тематикой (всего — 31%), что говорит об осознании принадлежности к России, прошлому страны. В свою очередь, об азиатском соседстве говорит название всего лишь одной улицы — Корейской. Отсылки к Китаю в названиях не присутствует.

Таблица 1

Категория	Число	Доля в процентах
Советская тематика	19	12,3
Местная география (топонимы)	15	9,7
Военная тематика	12	7,7
Строение города	74	47,7
Литература и искусство	7	4,5

Окончание таблицы 1

Категория	Число	Доля в процентах
Революционная тематика	13	8,5
Местные деятели	6	3,9
Речная тематика	2	1,3
Православие	3	1,9
Азиатские соседи	1	0,6
История Российского гос-ва (XVIIв.)	1	0,6
Другое	2	1,3
Всего	155	100

Из этого следует вывод, что в названиях отражается геополитическое положение города, его самостоятельность и, возможно, некая обособленность от основной части России, однако отсылка к Азии (Китаю, в частности) практически не присутствует. Вероятно, это связано с тем, что в большинстве случаев названия улицам были даны до активизации сотрудничества с Китаем и после этого не изменялись.

Анализ мест общественного питания

Более современное состояние отношений можно проследить по названиям кафе и ресторанов (таблица 2 – категории названий мест общественного питания).

Анализ названий мест общественного питания показывает, что в них доминирует российская тематика — 33% от общего числа заведений. С небольшим отрывом — 30% - следует группа названий, относящихся Европе и странам Запада. Это демонстрирует, что в самосознании жителей Благовещенска принадлежность России занимает важное место. Вместе с тем они подвержены веяниям глобализации и открыты для восприятия западной культуры.

Исключительно китайских названий — 8%, что значительно уступает двум предыдущим категориям. Однако в совокупности с азиатскими они образуют солидную группу порядка 20%. Из этого можно сделать вывод, что на идентичность жителей Благовещенска влияет не только и не столько близкое соседство непосредственно города Хэйхэ, а в целом близость азиатских государств.

Таблица 2

Категория	Число	Доля в процентах
Западные страны	50	30,5
Россия	54	33
Китай	13	8
Азия	19	11,6
Кавказ/Закавказье	10	6,05
Восток	6	3,6
Море	2	1,2
Другое	10	6,05
Всего	164	100

Выводы

Таким образом, в результате проведенного исследования можно заключить, что влияние китайского города Хэйхэ на пространственную идентичность города Благовещенска присутствует, но не в той степени, которую могло бы обеспечить близость китайского соседа. Незрелость путей сообщения в равной степени может быть как причиной данного факта, так и следствием.

В целом, опираясь на результаты анализа двух категорий визуальных ориентиров — названия улиц и мест общественного питания - можно предположить, что у Благовещенска сложилось самовосприятие как отдельной географической единицы, которая позиционирует себя частью страны — России, впитывающей воздействие извне, но в то же время являющейся территорией с собственным самосознанием.

Литература

1. О.В.Мирошниченко, Л.А.Понкратова. Международные туристские миграции как фактор интеграционных процессов между регионами России и Китая. *Управление экономическими системами*, 2011, вып. 8. Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-32-322011/item/580-2011-08-29-06-10-15>.

ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Маслова А.А.

Данная статья посвящена исследованию объекта политического манипулирования в информационном обществе. Массовое сознание, как основной объект манипулятивного воздействия в XX веке, с развитием информационного общества претерпело существенную трансформацию. Развитие информационного общества привело к качественным изменениям в процессе управления сознанием. Информационная революция затронула как эмоционально-ценностную, так и когнитивную сторону человеческого сознания, превратив индивидов из пассивных получателей манипулятивного продукта в активных участников информационного процесса. Интернет предоставил новые возможности управления политическим сознанием и поведением.

Ключевые слова: *массовое сознание, информационное общество, информационные технологии, политическое манипулирование, Интернет.*

This article is devoted to the study of the object of political manipulation in the information society. Mass consciousness, as the main object of manipulative influence in the twentieth century, with the development of the information society has undergone a significant transformation. The development of the information society has led to a qualitative change in the process of mind control. The information revolution has affected both emotionally and value and cognitive side of human consciousness, making individuals from passive recipients of manipulative product as active participants in the information process. The Internet has provided new opportunities for the control of political consciousness and behavior.

Keywords: *mass consciousness, informational society; informational technologies; political manipulation; Internet.*

Технологии политического манипулирования, разрабатываемые на протяжении всего XX века подразумевали под объектом манипулятивного воздействия прежде всего массовое сознание.

Феномен массовой психологии исследовался такими учеными, как Г. Лебон, С. Московичи, З. Фрейд, Х. Арендт, Х. Ортега-Гассет и др. В нашей стране ему посвящены работы таких авторов, как С. Зелинский, С. Кара-Мурза, М. Бехтерев, Д. Ольшанский и др.

Массовое сознание отличается большей примитивизацией в сравнении с сознанием индивидуальным. Как замечает Г. Лебон, находясь в толпе «человек опускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации» [5, с. 57]. Снижение интеллектуального уровня ведет к снижению критичности восприятия получаемой

информации, что, в свою очередь, обуславливает большую доступность массового сознания для различных манипулятивных воздействий. Индивидуальное «Я» в массе уступает место коллективному. «Индивид испытывает чувство непреодолимой мощи, позволяющее ему предаться первичным позывам, которые он, будучи один, вынужден был бы обуздывать» [5, с. 65].

Обезличенность, снижение индивидуальной ответственности за свои действия, ощущение коллективной поддержки позволяют человеку толпы уйти от тех моральных норм и ограничений, которым он следовал бы, находясь вне массы. Массовое сознание отличается повышенной возбудимостью и агрессивностью. Манипулятор, обращаясь к массам, получает возможность апеллировать к эмоциям, скрытым инстинктам, эксплуатировать столь важное для находящегося в толпе человека чувство сопричастности единому целому. Постоянное подчеркивание темы общности, единства, осуществляется при помощи соответствующих лозунгов, одежды, средств наглядной агитации, побуждения массы к коллективным действиям и т. д.

Важной особенностью массового сознания является т. н. «эффект заражения», т. е. процесс передачи эмоционального состояния от одного человека к другому посредством психического контакта. Индивид начинает соотносить свои действия с действиями массы, подражая им.

Распространение информации в массе носит сетевой, неупорядоченный характер. Следствием этого является необходимость упрощения сообщений, с целью недопущения различных трактовок. Так же при манипуляции массовым сознанием очень важен «принцип повторения», позволяющий закрепить в массовом сознании необходимые манипулятору идеи. Массовое сознание подвергается более интенсивному информационному воздействию со стороны различных акторов, нежели сознание индивидуальное, количество информационных потоков и объем предлагаемой информации может существенно превышать возможности восприятия. Вследствие этого, первой задачей, стоящей перед манипулятором, является привлечение и удержание внимания, побуждение массового человека вступить в коммуникацию именно с ним, а не с другими игроками. Технологии привлечения и удержания внимания можно смело выделить в отдельный подраздел в сфере манипуляции массовым сознанием. В их основе – преодоление барьеров, с помощью которых современный человек пытается защитить свое сознание от избыточного информационного воздействия. (Шиффман и Канюк в качестве таких барьеров выделяют: избирательность внимания, избирательность восприятия и избирательность призыва [4]). Манипулятивное сообщение должно удовлетворять следующим критериям: соответствовать интересам аудитории, ибо, в противном случае оно будет отвергнуто, как не заслуживающее внимания; быть более «ярким» и «резким» на фоне конкурирующих сообщений; не содержать в себе информации, противоречащей представлениям аудитории.

Однако масса выступает не только в качестве пассивного объекта для манипулятивного воздействия. Именно массовое сознание является носителем мифов, стереотипов, традиций, обуславливающих способы и границы манипулятивного воздействия в конкретном обществе. Ни один из политических акторов не свободен полностью в процессе политической коммуникации, т. к. вынужден учитывать

особенности массового политического сознания граждан. Воздействуя на массовое сознание, акторы, в свою очередь, вынуждены корректировать свое поведение, соотнося его со спецификой общественного сознания.

Таким образом, масса и массовое сознание, выступают как в роли объекта манипулятивного воздействия, так и в роли специфического субъекта, ограничивающего всех остальных участников процесса.

Развитие информационного общества привело к качественным изменениям в процессе управления сознанием. Массовость и стандартизация, характерные для XX века, уступают место демассификации и персонализации общественной и политической жизни. Автоматизация процессов производства позволяют предложить потребителю товар, максимально полно удовлетворяющий его индивидуальным предпочтениям. Изменение характера производства, в т. ч. и производства культурного, информационного продукта приводит к трансформации, как потребностей, так и ценностных ориентиров как отдельных индивидов, так и широких слоев населения.

Совокупный платежеспособный спрос масс в настоящее время многократно превышает платежеспособность отдельно взятых представителей элиты. Легкость и дешевизна распространения информации привели к тому, что культура перестала быть достоянием элитариев, и сам культурный продукт был вынужден трансформироваться с учетом потребностей масс, ибо в настоящее время именно широкие массы являются наиболее предпочтительным потребителем.

Само понятие «индивидуальности» и даже «элитарности» в современном обществе становится массовым товаром. «Микротаргетирование» из сферы коммерции перемещается и в пространство политического.

«Клиповость мышления», характерная для человека информационной эпохи, обуславливает особый тип восприятия информации – как последовательность почти не связанных между собою явлений. Э. Тоффлер рассматривает клиповую культуру как одну из составляющих новой информационной культуры. Обладающий клиповым мышлением индивид привыкает к постоянному изменению контента и ощущает потребность в его непрерывном изменении. Краткость и постоянная сменяемость информации делает индивида более восприимчивым к манипулятивному воздействию (вследствие снижения времени на анализ информации). Клиповое мышление изменяет эмоциональную сферу индивида, притупляя его чувствительность из-за невозможности полноценного восприятия ежедневно обрушивающегося на него огромного потока эмоций.

Однако «клиповость» не стоит рассматривать только в негативном ключе – в перенасыщенном информацией обществе она служит механизмом защиты человеческого мозга от информационных перегрузок.

Предсказанная Тоффлером «индустрия ощущений» [9] находит свое воплощение в современных кинотеатрах, компьютерных играх и т. д., затрагивая в то же время и общественные отношения. «Эффект присутствия», возможность участия в реальном времени и одновременная отстраненность, ощущение безопасности сидящего за монитором индивида приводят к возможности «геймификации» политики, т. е. перенесении некоторых принципов онлайн-игр в пространство политического.

Медиатизация и виртуализация политической реальности первоначально была призвана перенести активность масс в иное, виртуальное пространство, альтернативную структуру-симулякр, которую Ж. Бодрийяр назвал «гиперреальностью». Однако, вслед за массами, и сам правящий класс неизбежно становится вынужден соотносить свои действия с законами виртуального мира. «Широкое развитие социальных сетей обусловило необходимость присутствия в них и политических деятелей, а, оказавшись там, они были вынуждены, хотя бы частично, принять действующие в данных сетях правила игры» [10, с. 166–184]. Вовлечение, с помощью интернет-технологий, широких масс в публичность [2, с. 53] и в процесс государственного управления, внедрение в повседневную жизнь технологий «электронного правительства» [3, с. 84–85] ведет к трансформации как публичной сферы, так и сферы политического.

Возможность участия в реальном времени позволяет организовывать индивидов в толпу так эффективно, как никогда ранее. «Пресса быстро научила, как масифицировать человека. Она сумела найти его, когда он один, дома, на работе, на улице. С тех пор радио и телевидение пошли дальше. Они приносят ему домой, воссоздают специально для него в четырех стенах то, зачем ему раньше нужно было идти в кафе, на площадь, в клуб. В конечном счете человек – это остаток. Он перестает принадлежать к публике только для того, чтобы оказаться в толпе, или же он выходит из публики только для того, чтобы войти в другую», пишет С. Московичи [7, с. 241–246]. Интернет же пошел еще дальше – человек может по своему усмотрению выбирать, к какой из толп он хочет в данный момент принадлежать, и даже, пользуясь возможностями виртуального пространства, одновременно находиться в нескольких толпах.

IT-технологии дают возможность каждому отдельному индивиду создать личное информационное пространство согласно своим вкусам и предпочтениям. Традиционные медиа, построенные на принципе «обо всем понемногу» волей-неволей вынуждали человека потреблять вместе с интересующей его информацией и иные сведения об окружающем мире. В настоящее время в виртуальном пространстве каждый индивид может создать свой собственный мир, исключив из зоны внимания все, что не соответствует его установкам. В зоне виртуального люди могут предстать не только теми, кем они являются, но и теми, кем они хотели бы быть, реализовав свои тайные мечты и желания.

Информационная революция затронула как эмоционально-ценностную, так и когнитивную сторону человеческого сознания, превратив индивидов из пассивных получателей манипулятивного продукта в «активных медиапользователей» [1].

Однако свобода выбора и активность индивидов в глобальной сети с каждым годом все больше ограничивается тем, что Эли Паризер называет «стеной фильтров» [8, с. 19]. Интернет-гиганты, стремясь предложить человеку наиболее соответствующий его предпочтениям товар, де-факто способствуют формированию его картины мира, отсекая от потребления индивидом все, что не соответствует его предпочтениям. Повестку дня в прошлом формировали редакторы традиционных СМИ; на нынешнюю повестку все большее влияние оказывают транснациональные интернет-корпорации.

Описывая современное информационное пространство, многие исследователи пользуются термином М. Маклюэна «глобальная деревня». Однако деревню, в ее первоначальном понимании характеризует всестороннее знание жителей деревни друг о друге, в то время как пользователи глобальной сети, напротив, находятся в атмосфере *незнания*. «Истина» как ценность теряет свое первоначальное значение. Современный индивид не может справиться с потоком информации, и, уж тем более, не может ее проверить. Единственным выходом для него остается опора на некие точки распространения информации, которым он отдает свое доверие. В бескрайнем информационном море современный человек как никогда одинок, что вынуждает его искать единомышленников, а найдя – не критически относиться к исходящей от них информации.

Информационное общество дает возможность создания разнообразного контента для различных аудиторий. Однако открытость интернета приводит к тому, что информационный продукт, предназначенный для потребления одной аудиторией, становится также доступен для потребления всеми другими пользователями интернета. Благодаря этому, индивид все чаще оказывается не только в роли субъекта или объекта политической коммуникации, но и в роли свидетеля, потребляя информацию, изначально не предназначенную для него и трансформируя под воздействием полученной информации свои политические предпочтения.

Развитие Интернета привело к размыванию границ между различными уровнями манипулятивного воздействия. «Обращаясь, по сути, к массе, политические акторы персонализируют свои сообщения, давая каждому из членов массы иллюзию диалога непосредственно с ним. Чувства «общности», «сопричастности» и «индивидуальной значимости» в современных манипулятивных кампаниях эксплуатируются наравне» [6, с. 104].

Таким образом, можно констатировать, что объекты манипулятивного воздействия на политическое сознание и поведение в информационном обществе претерпели существенную трансформацию. Традиционные методы манипулирования, характерные для печатных СМИ и телевидения, утрачивают свою эффективность. Новые технологии, связанные с сетью Интернет, требуют всестороннего изучения в целях обеспечения безопасности государства и недопущения влияния на общество различных деструктивных сил.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Академия, 1999. — 956 с.
2. Волкова А. В. Сети в публичной политике: формирование сетевой культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2 (39). С. 52-55.
3. Волкова А. В. Электронное правительство и формирование публичных ценностей в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2013. № 3. С. 84-92.
4. Киселев М. В. Психологические аспекты пропаганды [Электронный ресурс] URL: <http://psyfactor.org/propaganda5.htm> (дата обращения 19. 12. 2015).

5. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: ТЕРРА-Книжный Клуб, 2008. – 271 с.
6. Маслова А. А. Политическое манипулирование в информационном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (57). С. 103-105.
7. Московичи С. Век толп. – М., 1996. – 478 с.
8. Паризер Э. За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас? – М., 2012 – 304 с.
9. Тоффлер Э. Шок будущего. — М.: «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
10. Jean Baudrillard, «Simulacra and Simulations», in Selected Writings, Mark Poster, ed. Stanford: Stanford University Press, 1988 – 294 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ПО А.ЛЕЙПХАРТУ КАК ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Ковыляева Н.С.

Проблема поиска оптимальных политических институтов, способных снизить этническую напряженность в многосоставных сообществах, имеет длительную историю. А. Лейпхартом была сделана попытка в рамках созданной им модели power-sharing, подразумевающей участие всех сегментов при принятии решения, выделить политические демократические институты, которые являются наиболее эффективными при урегулировании конфликтов в этнически гетерогенных сообществах. Цель исследования – выявить политические институты в модели Лейпхарта, которые способствуют большей эффективности для снижения конфликтов в этнических сообществах. Модель Лейпхарта стала основой для теоретической модели исследования. Эмпирическая проверка консоциативной теории Лейпхарта посредством порядкового регрессионного анализа базы данных, представленной 80 случаями, показала, что не все политические институты, предложенные им в рамках модели power-sharing, способствуют снижению вероятности наступления этнического конфликта в форме протестов или восстаний. Наиболее эффективным инструментом при этом оказывается предоставление автономии сегментам. Работа даёт общий обзор исследованиям, которые существуют в сфере этнополитического менеджмента. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при изучении способов управления этнополитическими конфликтами, а также при более детальном рассмотрении консоциативной теории А.Лейпхарта.

***Ключевые слова:** консоциализм, политические институты, power-sharing, этнополитические конфликты, пропорционализм, парламентская система, федерализм, автономия.*

The problem of searching the most optimal political institutions that are able to reduce the ethnic violence in divided societies has a long history. This attempt of finding the most democratic institutions for managing ethnic conflicts was made by A.Lijphart in his own model of power-sharing that intended the participation of all ethnic segments in the decision-making process. The main idea of this research is to find out what Lijphart's political institutions are the most effective for ethnic divided societies. Lijphart's model of power-sharing was supposed to be the theoretical frame for the research. The empirical testing of Lijphart's consociational model through the data base regression being represented by 80 cases has shown that not all political institutions, supposed to be effective within the frames of power-sharing model, helped to reduce the possibility of starting protests and revolts as open forms of ethnic violence. The most effective instrument that

was proved through the research is the autonomy given to the segments from divided societies, though. This research gives a general overview on the materials about managing ethnopolitical conflicts. The results that we got could be used for studying ethnopolitical management or more detailed analysing of Lijphart's theory of consociationalism.

Keywords: *consociationalism, political institutions, power-sharing, ethnopolitical conflicts, propotionalism, parlamentarism, federalism, autonomy.*

Проблема поиска оптимальных политических институтов, способных снизить этническую напряженность в многосоставных сообществах, имеет длительную историю. Ещё в 70-х годы XX века Дж. Нордлингером и А. Лейпхартом [1] были инициированы исследования по определению роли демократических институтов в этнически гетерогенных сообществах. Данная тема приобрела популярность среди других ученых в середине 80-х годов. В научной литературе [2] существует три общепринятые теории разрешения этноконфессиональных конфликтов: либеральный консоциализм (работы А. Лейпхарта, Гарри, О'Лери), центрипетализм (работы Горовитца, Богарта, Райли, Виммера), разделение власти (работы Ротшильда, Родера). Суть либерального консоциализма – идея многосоставных обществ – состоит в единстве четырех составляющих: большая коалиция (участие представителей всех значительных групп в принятии решений), автономность сегментов (широкая автономия групп в управлении своими делами), пропорциональность, право вето (защита интересов меньшинства). Теория центрипетализма предполагает достижение межгрупповых политических объединений посредством избирательных бонусов для партий, которым важна поддержка нескольких этнических групп. Федерализм, основанный на этнической гетерогенности субъектов, выступает механизмом снижения конфликта. Последняя теория – разделение власти – разрешает этноконфессиональные конфликты посредством распределения властных полномочий среди групп на основе системы сдержек и противовесов, предполагает включение представителей этнических меньшинств в большие коалиции, которые занимаются решением важных вопросов.

Лейпхартом [3] была сделана попытка в рамках созданной им модели power-sharing, подразумевающей участие всех сегментов при принятии решения, выделить политические демократические институты, которые являются наиболее эффективными при урегулировании конфликтов в этнически гетерогенных сообществах. В своих комментариях к модели power-sharing исследователь выделяет сферы, которые оказываются затронутыми при функционировании данной модели, и делает следующие рекомендации относительно политических институтов (здесь мы выделили наиболее релевантные для нашего исследования):

- особенно важной для законодательных органов власти в этнически гетерогенных сообществах становится *пропорциональная избирательная система* (принцип пропорционализма);

- только при подотчетности исполнительной власти правительству, а не президенту, возможно совместное принятие решений, что является наиболее оптимальным вариантом для этнически гетерогенных сообществ; при *парламентской*

системе нет необходимости проводить президентские выборы, при которых действует мажоритарная избирательная система;

– федерализм является наиболее успешной системой территориально-государственного устройства для стран с многосоставными сообществами, так как предполагает автономию небольших сегментов внутри государства; это поможет избежать доминирования крупных субъектов внутри государства на федеральном уровне.

Фактически Лейпхарту удалось теоретически обосновать эффективность выявленных им демократических политических институтов для снижения конфликтности в многосоставных сообществах. Однако страны, которые пытались применить данную модель на практике (в основном, в период постколониализма), получили противоречивые результаты: какие-то лейпхартовские институты оказывались наиболее благоприятными, какие-то – наименее.

Критика теории консоциализма. Сегодня существует достаточное количество теорий и исследований по проблеме урегулирования этнических конфликтов и поиску оптимальных политических институтов. Наряду с лейпхартовской теорией консоциативной демократии Тэдд Р. Гурр, к примеру, на основе собранной им массивной базы данных приходит к выводу, что для поддержания стабильности в многосоставных сообществах возможны различные комбинации институтов и практик как групповой автономии, так и модели power-sharing.

Брайаном Берри [4] при рассмотрении случая Северной Ирландии была предложена модель «кооперация без кооптации», когда меньшинства договариваются с правящим большинством, при этом они также оказываются включены в управление и даже, как в случае с католическим меньшинством в Северной Ирландии, могут играть роль «лояльной оппозиции».

Многочисленная критика в адрес Лейпхарта, представленная в статьях западных исследователей (Дж. Селвея и Х. Темплмена [5], Я. Тира, Дж. Фокса, Ф. Кохэна [6] и др.), построена на аргументах, доказывающих неспособность лейпхартовских политических институтов быть эффективными при урегулировании этнических конфликтов.

Дональд Л. Горовитц [7] пишет о необходимости ввести различные альтернативные практики (в том числе систему альтернативного голосования, а также перехода непосредственно ко второму туру выборов (instant runoff)), которые будут способствовать избранию наиболее удовлетворяющих обе стороны кандидатов.

Исследования американских политологов Дж. Селвея и Х. Темплмана [5] показали, что консоциативная модель и ее институты не способствуют снижению конфликтности в этнически гетерогенных сообществах. В своей статье ученые сравнили эффект а) пропорциональной и мажоритарной избирательных систем, б) парламентскую, президентскую и смешанную системы, в) федерализм и унитаризм на снижение общего уровня насилия в многосоставных сообществах в 101 стране. Полученные результаты сильно подрывают аргументы в пользу использования консоциативной модели для многосоставных сообществ.

В статье А. Виммера [8] рассмотрены механизмы, факторы, которые приводят к этническим конфликтам. Кроме того, в работе рассматриваются те политические

стимулы для меньшинств, благодаря которым власть обеспечивает собственную легитимность. Виммер также пишет, что сходные политические институты могут породить различные последствия, в то время как подобные последствия могут быть порождением различных институтов, мер, действий власти. Автор проводит анализ существующей литературы по данному вопросу, называя такие имена, как Дж. Горовитц, С. Бордман, Ч. Освуд, Д. Скотт, И. Боуэр, Г. Келман, Дж. Ротшильд, Т. Гурр, В. Фишер и т.д.

В работе С. Вольфа [9] предложены 3 измерения институционального дизайна, благодаря которым возможно решение этнонационального конфликта, – вертикальное, связанное с вопросами территориального устройства, горизонтальное, отвечающее за структуру и распределение полномочий между законодательными, исполнительными и судебными органами, измерение индивидов, их прав, привилегий, отличительных черт. Вольф использует такие понятия, как контекст и контент, где контекст – факторы, определяющие институциональные выходы из переговоров, а контент – содержимое соглашений, которые отражают ключевые структурные условия какой-либо конкретной конфликтной ситуации. Причём контекст влияет на контент. Внешние факторы не исключаются из поля зрения С. Вольфа (межправительственные и неправительственные организации, отдельные государства и политические лидеры).

Рассмотрев различные подходы по управлению этническими конфликтами, нельзя дать однозначных рекомендаций относительно необходимых политических институтов для снижения напряженности в многосоставных сообществах. Поэтому вопрос поиска оптимальных политических институтов оказывается важным для многих исследователей. Кроме того, вопрос о том, какие дополнительные условия – контекст – влияют на успешность функционирования данных институтов, остаётся также предметом больших дискуссий в политической науке.

Описание исследования. Объект данного исследования – способы управления этническими конфликтами, предмет – консоциативная теория А. Лейпхарта как инструмент регулирования этнополитических конфликтов. Цель исследования – выявить политические институты в модели Лейпхарта, которые способствуют большей эффективности для снижения конфликтов в этнических сообществах. Модель Лейпхарта стала основой для теоретической модели исследования. Сквозь призму лейпхартовских институтов в исследовании предполагается рассмотреть их эффективность при урегулировании этнических конфликтов.

В качестве основного метода исследования выступает сравнительный анализ стран. Единицами анализа выступают страны, удовлетворяющие следующим критериям: 1) наличие пропорциональной избирательной системы (как один из базовых принципов в модели Лейпхарта); 2) наличие этнических меньшинств. В эмпирической части исследования осуществляется сравнение случаев по параметрам, разделённым на группы: а) характеристики политических институтов; б) демографические показатели; в) степень конфликта; г) виды дискриминации; д) варианты проявления недовольства группой; е) взаимоотношения с властью. При проведении исследования был также использован регрессионный анализ для построения 6 уравнений и выявления вероятности наступления этнического конфликта (протеста или восстания).

Выбор случаев для сравнения осуществлялся на основе баз данных Т.Р.Гурра [10], а также базы данных П. Норрис [11]. «Minorities At Risk» – база данных, отслеживающая положение 283 политически активных этнических групп со всего мира с 1945 по 2006 годы. Особенность MAR – в фокусе находятся те группы, которые имеют политическую значимость, а также активно заявляют о своём статусе и предпринимают различные действия для этого. Инициатором проекта является Т. Р. Гурр. С 1988 года проект базируется в Университете Мэриленда (США) в Центре по международному развитию и урегулированию конфликтов.

База данных «Democracy Crossnational Data» была собрана в 2009 году в Гарвардском институте государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди (The John F. Kennedy School of Government, Harvard University) под руководством профессора Пиппы Норрис. Включает в себя социальные, экономические и политические характеристики по 191 стране. Содержит свыше 1000 переменных, методология подсчета каждой из которых содержится в соответствующем оригинальном источнике. Примеры источников, откуда была взята информация для Democracy Crossnational Data: Norris and Inglehart, International Telecommunications Union, Banks, ВТО, KOF, Freedom House, T. Vanhanen, PolityIV, J.A. Cheibub, UNDP, Schneider, World Value Survey.

Результаты регрессионного анализа. После порядкового регрессионного анализа удалось проследить ряд общих тенденций.

Во-первых, при наличии у группы статуса автономии (переменная САГ) вероятность возникновения этнических конфликтов любой формы (протесты или восстания) значительно снижается. В ряде случаев, как показала статистика, снижение происходило почти в 10,5 раз (таблица 1). Таким образом, эмпирическая проверка подтвердила предположение Лейпхарта об эффективности данного политического института при урегулировании этнополитических конфликтов. Напомним, что данный критерий является одним из базовых в модели power-sharing.

Таблица 1

Наименование	Кодировка	Оценка	Стд. Ошибка	Вальд	Ст.св.	Знач.	95% Доверительный интервал	
							Нижняя граница	Верхняя граница
Порог	[ПРОТ = 1]	-1,536	,672	5,217	1	,022	-2,853	-,218
	[ПРОТ = 2]	-,583	,653	,798	1	,372	-1,864	,697
Положение	[КОДИСП=0]	-,215	,432	,249	1	,618	-1,061	,631
	[КОДИСП=1]	0 ^a	.	.	0	.	.	.
	[КОДФЕД=1]	,426	,529	,648	1	,421	-,611	1,464
	[КОДФЕД=2]	0 ^a	.	.	0	.	.	.
	[САГ=1]	-2,000	,618	10,487	1	,001	-3,211	-,790
	[САГ=2]	0 ^a	.	.	0	.	.	.

Во-вторых, форма территориально-государственного (унитарная, федеративная или смешанная) устройства не имеет существенного значения при выборе способа управления этническим конфликтом, так как вероятность возникновения конфликта практически во всех случаях равна 1.

В-третьих, ввиду невысокой статистической значимости переменной КО-ДИСП (тип исполнительной власти) делать однозначные выводы относительно эффективности/неэффективности той или иной системы управления (парламентская, президентская, смешанная) не стоит. Однако при обобщении результатов можно проследить следующую тенденцию: при президентской или смешанной системе управления вероятность этнического конфликта снижается (пока трудно говорить о том, в какой степени эта вероятность снижается).

Наконец, при выборе способа управления этническим конфликтом важно учитывать контекстуальные факторы, как заметил Виммер. В нашем случае важную роль играют наличие/отсутствие политической/экономической/культурной дискриминации, дискриминации по языковому/религиозному признаку, наличие/отсутствие выражения группой политического/экономического/культурного недовольства. В модели Лейпхарта влияние этих факторов не рассматривается, что еще раз доказывает утверждение о том, что модель power-sharing не является универсальной.

Выводы. В процессе изучения проблемы, поставленной в начале работы, нам удалось выявить базовые принципы лейпхартовской теории и ключевые политические институты, которые, по его мнению, способствуют снижению степени конфликтности в этнически гетерогенных сообществах. Такими институтами являются пропорциональная система выборов, принадлежность исполнительной власти парламенту, федеративное устройство, наличие автономного статуса у группы. Именно фактор наличия/отсутствия данных политических институтов является определяющим при выявлении вероятности возникновения этнического насилия (ethnic violence).

В среде исследователей способов управления этническими конфликтами существует множество подходов, которые нам удалось обнаружить в процессе поиска информации, однако ни один из них не признан универсальным. Кроме работ А.Лейпхарта, были рассмотрены статьи и работы таких исследователей, как Д.Горовитц, Т.Р.Гурр, Б.Берри, Ф.Кохэн, Дж.Фокс, Я.Тир, Дж.Линц, Б.Райли, А.Виммер, С.Вольф, Дж. Селвей и Х.Темплманн, где критикуется консоциативная теория и предлагаются альтернативные подходы к этническому менеджменту. Некоторыми из этих учёных были проведены подобные исследования по выявлению эффективности политических институтов по модели Лейпхарта. Однако эмпирический материал отличался, так как был собран из иных баз данных и имел иные критерии для выборки. Выводы, к которым пришли исследователи после эмпирической проверки, схожи с некоторыми выводами данной работы.

В качестве единиц сравнительного анализа нами были рассмотрены страны с этническими меньшинствами, где существует пропорциональная система выборов. Ввиду наличия таких рамок, исследование не может дать конкретные рекомендации относительно эффективности тех или иных политических институтов, а лишь дать некоторые заключения после эмпирической проверки эффективности/неэффективности политических институтов по модели Лейпхарта, где за базовый принцип был взят пропорционализм. Кроме того, важно отметить, что базы данных Minorities At Risk и Democracy Crossnational Data, ставшие основными источниками для работы, были составлены в 2006 и 2009 году соответственно, а кон-

социативная модель Лейпхарта как инструмент регулирования этнических конфликтов была разработана в 80-х годы XX века, что также не позволяет сделать однозначные выводы ввиду темпорального фактора.

Эмпирическая проверка консоциативной теории Лейпхарта посредством порядкового регрессионного анализа базы данных, представленной 80 случаями, показала, что не все политические институты, предложенные им в рамках модели power-sharing, способствуют снижению вероятности наступления этнического конфликта в форме протестов или восстаний. Наиболее эффективным инструментом при этом оказывается предоставление автономии сегментам, причём автономия по Лейпхарту подразумевает автономию внутри федерации, хотя в базе данных MAR автономией считается наличие у группы собственного административного центра (контроль за политическими и бюрократическими структурами в автономном регионе) без указания на необходимость федеративного устройства. Как показала эмпирическая проверка, форма территориально-государственного устройства не оказывает значительного влияния на успех, несмотря на рекомендации Лейпхарта относительно эффективности федеративной модели, что также подтверждает наши предыдущие выводы относительно автономии.

Доводы в пользу парламентаризма также не оказываются подкреплёнными практическими результатами: во всех уравнениях, несмотря на невысокую статистическую значимость, президентская или смешанная система управления оказываются более эффективными при регулировании этнического конфликта. В рассмотренных статьях других исследователей также сделаны подобные выводы относительно неэффективности парламентской формы правления при снижении уровня насилия в странах с многосоставными сообществами.

Далее также следует отметить, что рассмотрение этнического конфликта на различных уровнях – протесты и восстания (low-level и high-level conflicts) – даёт неодинаковые результаты. Здесь нужно иметь в виду, что протесты и восстания отличаются по многим критериям: составу и количеству участников, степени организованности, сценарию событий, наличию/отсутствию вооружённых группировок, поддержки внешних акторов и т.д. При проведении регрессионного анализа мы не стали включать в качестве независимых переменных меры властей по подавлению протестов и восстаний, которые также могут иметь влияние на конечный результат. Основной причиной стали различные методы оценки действия властей в MAR, по которым были закодированы переменные (действия властей против гражданского населения – ВЛПРНАС, действия власти против членов не ожесточённых массовых акций – ВЛПРЧНМА, действия власти против членов ожесточённых массовых акций – ВЛПРЧОМА).

Работа даёт общий обзор исследованиям, которые существуют в сфере этнополитического менеджмента. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при изучении способов управления этнополитическими конфликтами, а также при более детальном рассмотрении консоциативной теории А.Лейпхарта.

Литература

1. *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных сообществах. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
2. *Wolff S.* Managing ethno-national conflict: towards an analytical framework. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.stefanwolff.com/files/Managing%20Ethno-national%20Conflict%20\(draft\).pdf](http://www.stefanwolff.com/files/Managing%20Ethno-national%20Conflict%20(draft).pdf) (дата обращения: 30.09.2014).
3. *Лейнхарт А.* Многосоставные общества и демократические режимы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Leiphart_1992-_1.pdf (дата обращения: 29.06.2015).
4. *Berry B.* The Consociational Model and its Dangers//European Journal of Political Research. 1975. № 3. December. P. 406.
5. *Selway J., Templeman Kh.* The Myth of Consociationalism? Conflict Reduction in Divided Societies//Comparative Political Studies. Vol. 45, №12.
6. *Cohen F.S.* Proportional versus Majoritarian Ethnic Conflict Management in Democracies// Comparative Political Studies. 1997. Vol. 30, №5. October. P. 607-630.
7. *Horowitz D.L.* A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. Berkeley, Calif: University of California Press, 1991.
8. *Wimmer A.* Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.princeton.edu/~awimmer/EthnicPoliticsArmedConflict.pdf> (дата обращения: 30.09.2014).
9. *Wolff S.* Managing ethno-national conflict: towards an analytical framework. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.stefanwolff.com/files/Managing%20Ethno-national%20Conflict%20\(draft\).pdf](http://www.stefanwolff.com/files/Managing%20Ethno-national%20Conflict%20(draft).pdf) (дата обращения: 30.09.2014).
10. Сайт Minorities At Risk Data. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cidcm.umd.edu/mar/> (дата обращения: 15.06.2015).
11. Сайт Pippa Norris Data. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Data/Data.htm>.

ОПИСАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК КАТЕГОРИИ СИСТЕМНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Самусевич А.В.

В статье рассматриваются вопросы циркуляции элит, описывается концепция жизненного цикла элиты, его содержание как инструмента политического анализа, определяются пространственно-временные рамки развития цикла. Основным результатом работы в аспекте предметного содержания категории «жизненный цикл политической элиты» является модель определения функционального состояния элиты в виде обобщенной матрицы переменных анализа жизненного цикла политической элиты.

Ключевые слова: *политические элиты, жизненный цикл, анализ, критерии, переменные анализа.*

The article deals with the circulation of elites, describes the concept of the life cycle of the elite, its content as a tool of political analysis, to determine the spatial and temporal scope of the development cycle. The main result in terms of substantive content of the category "life-cycle of the political elite" is a model for determining the functional state of the elite in the form of a generalized matrix variable life cycle analysis of the political elite. This article is disclosure of performance's theses at the forum of Young Political Scientists VII Russian Congress of political scientists RAPS (Moscow, November, 19-21, 2015).

Keywords: *mass political elites, life cycle, analysis, criteria, variables of analysis.*

Формирование внутривластной повестки и системы политических решений, выстраивание стратегий устойчивого социально-экономического развития страны, прогнозирование возможных исходов той или иной политической и экономической ситуации, безусловно, должно основываться на внутреннем анализе политической системы, поскольку именно здесь формируется вектор движения и развития всех общественных подсистем.

Представляется возможным рассмотреть, как один из подходов к анализу политической системы, определение функционального состояния политической элиты общества. В контексте ныне существующих проблем в государственном управлении ключевую важность приобретает вопрос готовности элиты эффективного отвечать на вызовы политического окружения, способности генерировать эффективные политические решения по выходу из конфликтной и кризисной ситуации различного толка.

Теория элит содержит множество подходов к определению политической элиты и процесса ее циркуляции. Так, с позиций механистической теории Парето, политическая элита есть совокупность индивидов с более высокой степенью

самообладания и расчетливости, для которых основой принятия решения является аналитическое мышление, а не эмоциональное восприятие происходящего [9].

Чем быстрее новые элементы будут заменять прежние, тем ниже вероятность отклонения общественной системы от точки равновесия. При медленной циркуляции в элитарных слоях происходит концентрация элементов, неспособных отреагировать на вызовы внутренней и внешней среды; параллельно в неэлитарных слоях – концентрация индивидов, способных разрешить существующую проблему, то есть способных управлять. В итоге постоянно нарастающего дисбаланса политических сил происходит нарушение политического равновесия и наступает революция.

Если схематично описывать циркуляцию элит, то в рамках данного подхода смена элиты происходит не в формате «система-система», а в формате «элемент-элемент». Одновременная смена всей элитарной группы происходит намного реже как результат сильных социальных потрясений и силовой смены власти.

Однако стоит сказать, что данная модель дестабилизации политической системы, происходящей на основе снижения темпов циркуляции элит, не совсем точно описывает политические процессы и элитарные системы в реальной жизни.

Между большинством социальных потрясений и действиями политической элиты прослеживается прямая связь. Воля «центра притяжения» общества находит выражение во многих формах политического действия [3;4], характер и направленность которого зависит от качественного состава, характера механизмов обновления элитарной группы и его интенсивности, рациональности и релевантности принятых политических решений.

Многие исследователи отмечают, что движение элитарных элементов, и вся динамика элиты как системы, в своей основе содержит так называемую *деградацию элит* – процесс утраты элитными группами своего статуса, связанный с глобальной социальной дисфункцией: элитная группа не может более господствовать прежними методами, а новых методов, устраивающих массы, предложить не способна. Скорость деградации может быть различной, а деградация может протекать как в эволюционной, так и в революционной форме. Однако общим остается одно: новая элитная группа до тех пор не придет к власти, пока старая не исчерпает себя функционально [6, с. 12.].

С позиций государственного управления, стремление к обеспечению постоянного повышения его эффективности и качества актуальным становится вопрос определения функционального состояния политической элиты и степени необходимости ее «оздоровления» как центра политической системы. Таким образом, предлагается выделить следующую актуальную категорию анализа – **жизненный цикл политической элиты**.

Рассмотрим начальную **концептуальную схему содержания** данной формулы как совокупность возможных научно-исследовательских выгод от ее применения. Не вызывает сомнений, что в дальнейшем, при разработке данной категории, ее научно-инструментальное содержание будет дополняться. Итак, **жизненный цикл политической элиты** можно рассматривать как:

- *Аналитический инструмент «вскрытия пороков» элит.* Определение жизнеспособности и функциональности элитарной группы, на основе анализа ее политических решений, политических ценностей, механизмов обновления позволит судить о сильных и слабых сторонах элиты, указать на принципиальные ошибки и негативные стороны на разных этапах ее формирования и деятельности, не позволяющие решать задачи различного уровня, развивать общественную систему в целом.

- *Инструмент прогнозирования вектора социально-политического развития.* Изучение функциональности элиты поможет определить характер ее развития в пространственно-временных рамках, что в свою очередь позволит судить о тенденции развития элитарно-властной модели общества, и, тем самым, уменьшить число возможных вариантов развития политической ситуации, выражающихся, в частности, в принятии тех или иных решений. Скорее всего, это не полностью уберет от неопределенности политического будущего, однако снизит риск наступления различного рода политических потрясений.

- *Инструмент определения уровня стабильности общественно-политической системы.* Интенсивность и характер развития элиты в пространстве-времени, качество и направленность политических решений и совершенных действий составляет весьма четкую картину уровня стабильности данной политической системы, а также дает шанс на определенной фазе жизненного цикла скорректировать политический курс и предотвратить возможную дестабилизацию. Тем самым открывается возможность пролонгировать время управления, завершить намеченный план политических преобразований и обеспечить необходимое время для «усвоения» обществом государственных преобразований.

- *Инструмент изучения качества общества.* Элита воздействует на ментальные ценности всего общества, путем «производства» и легитимации определенной системы социально-культурных ценностей, публичных отношений и публичного управления в том числе. Определение времени, характера и темпов воздействия на ценностные ориентации людей позволит определить уровень качества всего общества и сконструировать программу необходимых мер и действий по его повышению в соответствии с предполагаемым сценарием развития политической элиты – хода жизненного цикла.

- *Инструмент определения качества политической элиты.* Высокий уровень коррупции, малое число высококвалифицированных управленческих кадров, отсутствие экономического и социального развития регионов и страны в целом, клиентелизм в политическом управлении и деформация политико-финансовых структур – эти и многие другие проблемы являются следствием низкого качества политической элиты. Данная интегрирующая проблема особенно характерна в условиях российской действительности. Очень важно понимать через какой механизм не только происходит рекрутирование элитных групп, но и какие требования к кандидатам выдвигает элита, и какие социально-политические институты готовят данных кандидатов. Грамотная работа с индивидами, способными вступить в элитарные круги позволит подготовить кластер качественной элиты, тем самым повлиять на динамичное развитие всех общественных систем.

Ключевым вопросом данного исследования является максимально точное описание структурных рамок и сущностного содержания данной категории.

В аспекте характера **пространственно-временного измерения границ существования и развития жизненного цикла элит** рассматривается три типа восприятия (измерения) времени: астрономическое, социальное, политическое.

Время астрономическое (физическое), являясь соотношением событий жизни людей с определенным моментом астрономического хода, не может описать политический процесс или отдельные его явления: они просто выходят за рамки строго определенного астрономического измерения. Будучи сложноструктурным, и происходящим под воздействием всегда различных факторов, наступление политического события невозможно отождествить с конкретным положением секундной, минутной, часовой стрелки, а повторение аналогичного события в будущем очень редко приобретает систематический характер, становясь временной закономерностью: каждый год, раз в три года и пр. Отсюда затруднительно в рамках физической системы измерения времени прогнозирование развития политической ситуации и свершения каких-либо фактов.

Более широкие возможности предоставляет социальное время, определяющееся через ритм и скорость протекания событий в период существования индивида, социальной группы, общества. В зависимости от частоты и масштаба происходящих событий, социальное время может ускоряться или замедляться. Социальный факт, являясь основой измерения темпа хода социального времени, предопределяет его очень важное свойство: для социального времени необходима начальная точка отсчета, инициация начала измерения времени «социальной системой координат». Однако социальное измерение слишком обширно для четкого описания жизненного цикла политической элиты, здесь требуется конкретизация. Одним из видов социального времени называют *время политическое*, определяющее длительность существования политических институтов и других социально-политических субъектов. В связи с этим предлагается использовать инструментарий политического времени на основе исследований А.Б. Венгерова и С.С. Андреева [1;2] как наиболее подходящий для определения длительности жизненного цикла.

Необходимо также иметь в виду политическое пространство, в котором функционирует элита. Подробное описание окружения политической системы в целом приводил Д. Истон, разделяя окружение на интрасоциетальную и экстрасоциетальную части. Первая включает в себе системы, отличные от политической, но выступающие источником множества влияний, определяющих условия действия политической системы. Вторая, экстрасоциетальная, содержит все системы, являющиеся внешними по отношению к обществу и выступающими как функциональный компонент международного сообщества, суперсистемы и т.д. [5]. Непосредственно для элиты как центра политической системы необходимо несколько адаптировать данное описание политического пространства.

В вопросе определения переменных анализа жизненного цикла рассмотрим ее политическое пространство как совокупность двух частей: внутрисистемное (элементы элиты, их взаимосвязи, внутренние процессы и т.д.) и внешнесистемное

пространство (окружающие системы различного толка: экономические, социальные, политические, - и их влияние на политическую элиту).

Перед формулированием конкретного перечня переменных качественно-количественного анализа цикла элиты, стоит заметить, что основной «продукт» деятельности элит есть не что иное, как политическое решение (далее – ПР). Это предопределяет его статус, как ключевой категории анализа жизнеспособности элиты и определении стадии жизненного цикла, поскольку рассмотрев его качественное и количественное содержание, можно судить об определенном положении элиты на «часовой стрелке политических часов».

Таким образом, представляется возможным составить обобщенную матрицу переменных анализа жизненного цикла политической элиты.

Методология построения матрицы переменных основывается на системном подходе к анализу качественных и количественных показателей, рассматриваемых совместно и взаимосвязано (таблица 1).

Таблица 1

Внутрисистемные		Внешнесистемные	
Качественные			
Характеристика политического курса	<ul style="list-style-type: none"> - Наличие четко сформулированной идеологии; - В Конституции закреплён статус социального государства; - Светское государство. 	Географическое положение государства	<ul style="list-style-type: none"> - Доступ к энергетическим ресурсам (уголь, нефть, газ); - Доступ к драгоценным металлам; - Наличие выхода к мировым транспортным магистралям (морские, сухопутные, воздушные);
Характер принятых ПР	<ul style="list-style-type: none"> - Своевременность ПР; - Рациональность ПР; - Независимость ПР от внешних сил. 	Геополитическое положение государства	<ul style="list-style-type: none"> - Государство входит в регион - геополитический центр; - Государство входит в регион – геостратегический центр; - Заинтересованность к ближайшему геополитическому/геостратегическому центру.
Модель рекрутации элиты	<ul style="list-style-type: none"> - Активная политическая борьба; - Высокая роль государственных структур; - Применение выборной системы и учет мнения граждан; - Клиентелизм. 	Характеристика экономической системы	<ul style="list-style-type: none"> - Приоритет сырьевой экономике; - Ключевой сегмент экономики – тяжелая промышленность; - Наличие наукоемких производств.
Стиль политического лидерства	<ul style="list-style-type: none"> - Тоталитарный стиль; - Авторитарный стиль; - Демократический стиль. 	Характеристика социальных связей	<ul style="list-style-type: none"> - Наличие современных систем передачи информации; - Наличие общества потребления; - Активное участие общества в политической жизни.
Количественные			
<ul style="list-style-type: none"> - Частота сменяемости Правительства; - Численный состав элитарной группы. - Количество принятых ПР; - Скорость принятия ПР; - Удельный вес принятых ПР. 	<ul style="list-style-type: none"> - Показатель ВВП (ППС) на душу населения; - Показатель индекса ИРЧП; - Показатель Индекса политической конкуренции (метод Т. Ванханена); - Показатель Индекса электорального участия (метод Т. Ванханена). 		

Качественные критерии (как внутри-, так и внешнесистемные) сформулированы с корреляцией на возможность перехода в количественное измерение, что позволит в будущем при применении данной модели показателей выработать интегративный показатель состояния (жизнеспособности) политической элиты.

Использование жизненного цикла элиты в качестве инструмента политического прогнозирования возможно только в том случае, если количественные показатели рассматриваются комплексно с качественными. Это подтверждает изучение и проработка критериев, связанных с анализом и оценкой политических решений: как показатель, определенный в количественном измерении, в отличие от экономических и социальных показателей, политическое решение не поддается планово-календарной систематизации, а соответственно и прогнозу, и требует качественной оценки времени принятия, среды, влияния внешних факторов.

Стоит отметить: количественные критерии, указанные в матрице, не являются конечными, но взяты за основу, поскольку позволяют без применения сложного математического аппарата применить данную модель непосредственно к практическому анализу.

Поясним, что показатели «Количество принятых ПР» и «Скорость принятия ПР» весьма репрезентативны и просты в вычислении при рассмотрении элиты с институциональной точки зрения. Таких образом, за политические решения мы принимаем законодательные акты и НПА высших органов исполнительной власти (Президент, Правительство); скорость принятия ПР в данном случае – закрепленный в регламентах срок принятия НПА высших органов государственного управления. Связующим показателем здесь может являться «Удельный вес принятых ПР», рассматриваемый как число принятых ПР за единицу времени.

Все внешнесистемные количественные критерии рассматриваются в динамике, как отношение показателей текущего (конечного) момента времени к исторически предыдущему (начальному).

Применение индексов социально-экономического развития, а также системных индексов демократизации Т. Ванханена [8, с. 9-10] полностью соответствует заявленным качественным критериям, однако, будут объективными и полностью соответствует заявленным качественным критериям, однако, будут объективными и репрезентативными только в том случае, если будет осуществляться поправка на качественный показатель.

Подводя итоги, стоит сказать, что описание и изучение данной категории анализа политической элиты окончательно не завершено, и предоставляется возможность для последующего теоретического развития данной темы. На сегодняшний день актуальной задачей является апробация данной модели и корректировка матрицы переменных анализа жизненного цикла политической элиты. В настоящее время ведется работа по выведению формулы интегрирующей количественные показатели.

Отметим, что в скором времени наша политическая система вступит в стадию нового избирательного цикла, что, наряду с важнейшими (если не доминирующими) внешними, геополитическими факторами, будет влиять на активизацию циркуляционных процессов и движения элитных групп. Это подтверждает

необходимость развития данной темы и проведения дальнейших исследований по усовершенствованию предложенной модели.

Литература

1. Андреев, С.С. Политическое время и политическое пространство / С.С. Андреев // Социально-политический журнал. — 1993. — № 6. — С. 29.
2. Венгеров, А.Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) / А.Б. Венгеров // Общественные науки и современность. — 1992. — №6, — С. 49–63.
3. Гаман-Голутвина, О.В. Метафизические измерения трансформаций российских элит. / О.В. Гаман-Голутвина // Вестник аналитики. — 2013. — №3.
4. Гаман-Голутвина, О.В. Определение основных понятий элитологии. / О.В. Гаман-Голутвина // Полис, — 2000. — № 3. — С. 97–103.
5. Истон, Д. Категории системного анализа политики. / Д. Истон — Политология: Хрестоматия. / Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. —М.: Гардарики, 2000. С. 319–331.
6. Мохов, В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса. / В.П. Мохов // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т.1. — СПб.: Интерсоцис, 2014. — С. 8–18.
7. Самусевич, А.В. Концепция жизненного цикла политических элит как инструмент политического анализа. / А.В. Самусевич // Политическая наука перед вызовами современной политики. Материалы VII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 19–21 ноября 2015 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой — Издательство «Аспект Пресс», 2015. — Электронное издание в формате PDF. — С. 797–799.
8. Субочев, А.Н. Измеряя демократию: агрегирование противоречивых рейтингов государств мира методами теории коллективного выбора. / А.Н. Субочев // Международная лаборатория анализа и выбора решений (ЛАВР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012.
9. Pareto V. Sociological writings / Sel. and introd. S. E. Finer. N.Y., 1966. — С. 104.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НОВЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Степовенко Е.М.

Статья посвящена анализу феномена символической политики в контексте трансформации российской партийной системы. Рассматриваются подходы к понятию «символ», теории символической политики. В статье проанализированы способы и эффективность репрезентации «новых» российских политических партий, взаимодействие, перспективы развития партийной системы, производится анализ развития технологий символической репрезентации.

Актуальность темы данного исследования обуславливается усилением влияния политического дискурса на массовое сознание. Особую важность обретает вопрос, связанный с феноменом «символической политики». Политические символы рассматриваются в статье в качестве стимула для формирования определенных социальных групп, как фактор воздействия на развитие политической культуры граждан, влияющий на процесс формирования общественного мнения. Исследование символической репрезентации «новых» политических партий производится в контексте изменений российской партийной системы.

Целью исследования является определение степени эффективности стратегии символической репрезентации «новых» российских политических партий. В статье производится анализ технологий символической репрезентации «новых» российских политических партий. В статье представлены результаты, полученные в ходе проведения фокус-групп, информация полученная путем визуального анализа данных и дискурс-анализа семиотических форм репрезентации.

Методологическая составляющая представленной статьи характеризуется комплексностью и использованием мультипарадигмального подхода. Базовой методологией исследования выступает конструктивизм. В качестве дополнительного подхода активно используется методология структурного функционализма. Метод проведения фокус-групп, дискурс-анализ, визуальный анализ данных.

Ключевые слова: *символическая политика, символ, символическая репрезентация, новые политические партии, политическая система, партийная реформа.*

This article is about the phenomena of symbolic policy in Russian political system in transformation context.

Viewed is the concept of a «symbol» of the theory of symbolic policy. The article analyzes the methods and effectiveness of representation of «new» Russian political parties, cooperation, prospects of development of the party system, analyzed is the development of technologies of symbolic representation.

Relevance of this research is caused by the increasing influence of political discourse in the mass consciousness. Particular importance has the issue related to the

phenomenon of «symbolic policy». Political symbols are considered in the article as an incentive for the formation of certain social groups, as a factor of influencing development of political culture, influencing the formation of public opinion. A research of symbolic representation of the «new» political parties made in the context of changes in the Russian party system.

The objective of the research is to determine the degree of effectiveness of symbolic representation strategy of the «new» Russian political parties. The article analyzed technologies of symbolic representation of the «new» Russian political parties. The article presents the results obtained in the course of focus groups, the information obtained by the visual data analysis and discourse-analysis of semiotic forms of representation.

The methodological component of our article is characterized by complexity and multi-paradigm approach. The basic methodology of research is constructivism. As an additional approach methodology of structural functionalism is widely used, method of focus groups, discourse-analysis and visual data analysis.

Keywords: *symbolic policy, symbol, symbolic representation, new political parties, political system, party reform.*

Партийная реформа, ставшая следствием протестного движения 2011-2012 года, является точкой отсчета нового вектора развития российской политической и партийной систем. Изменения, внесенные в законодательство, позволили сменить направление и перейти от политики укрупнения партий к партийному многообразию и плюрализму. В подтверждение существования данной тенденции, достаточно отметить лишь то, что с момента вступления в силу законопроекта об упрощении процедуры регистрации количество зарегистрированных Министерством Юстиции политических партий выросло с семи до семидесяти семи.

Важно отметить, что прошедшая партийная реформа является особенной для российского партогенеза. «Новые» политические партии отличаются тем, что имеют новых политических лидеров, новое название и являются оторванными от традиции. Однако необходимо отметить, что, несмотря на успешную регистрацию, лишь некоторая часть новых партий соответствует всем заявленным критериям. Среди возникшего идеологического партийного многообразия встречаются имитационные политические партии, созданные на основе различных бизнес-проектов, сектантских организаций, партии-спойлеры, оттягивающие голоса избирателей у конкурентов, партии-франшизы, сдающие свой партийный бренд в аренду региональным организациям, партии-фрики, или партии абсурда, создаваемые на основе эпатажной идеи, партии-сквоттеры или партии-фантомы, использующие старые партийные бренды. Данные политические силы не стремятся к осуществлению властных полномочий, а создают на политическом поприще «символический капитал» – кредит, который группа, на основе веры, предоставляет человеку, давшему ей материально-символические гарантии [1]. Накопление «символического капитала» – является гарантом обеспечения дополнительной рабочей силы и «сети союзников и знакомых». Необходимо также отметить, что символический капитал может быть трансформирован в иные формы капитала, как, например, культурный или экономический.

Сегодня мы можем наблюдать трансформацию системы символической презентации, причины которой кроются в стремительном развитии средств массовой коммуникации. Возвращаясь к истории, мы можем отметить большую ограниченность в символических средствах. Сегодня на смену строительству пирамид и статуй, увековечиванию в песнях и портретах приходит фото и киноиндустрия, значение приобретают средства массовой информации: пресса, телевидение, радио, Интернет. Преимущество современных коммуникационных средств заключается в охвате большой аудитории, возможности оперативного реагирования на возникающие вызовы. Мы можем наблюдать сегодня рост электронной информации, развитие визуальных и аудиальных средств, что позволяет усилить степень влияния символической политики.

Существует множество подходов к пониманию значения и природы символа. Возникновение символизации тесно связано с мифологическим мышлением, в котором природным стихиям и социальным явлениям приписывались качества субъектов. Рассматривая историческую ретроспективу, необходимо обратиться к теологии и описаниям религиозного культа, где установление связи с сакральным и сверхъестественным осуществлялось посредством трактовки символов. Символ здесь выступает в качестве сосредоточения тайного знания, доступ к которому имеет ограниченное число, и имеет социальную специфику. Он является коммуникатором, позволяющим регулировать функционирование социума.

Набор объектов-символов, существующих в каждой политической системе, представляет собой основные элементы политической культуры. Несмотря на способность трансформироваться, центральные элементы символов могут расцениваться как относительно стабильные. Совокупность символов рождает объекты, служащие основой для формирования общих взглядов, идентификации. Символы могут также являться стимулом к приобретению материальной выгоды. Легитимация статуса социальной группы может осуществляться посредством символических действий. Утверждение важности, ценности чего-либо в основе своей имеет символ. Необходимо обратить внимание на то, что часть символов является эмоционально окрашенными, тогда как другие эмоционально нейтральны и денотативны [5]. Однако важно отметить, что качественные характеристики самих символов не являются основанием для этого разделения. Символы не имеют внутреннего значения, определяемого формой, они вызывают эмоциональные реакции в зависимости от ситуации и субъекта, употребляющего символ. Значение символа не является унифицированным и зависит от жизненного опыта индивида, формируется благодаря социальной среде, в которой находится человек. Таким образом, можно сделать вывод, что восприятие одних политических символов различными этническими, расовыми, социально-экономическими и религиозными группами будет различаться.

Политическая наука использует символы в процессе конструирования политической реальности. Это связано с увеличением степени воздействия на массовое сознание политических технологий, используемых в избирательном процессе. Символизм необходим для создания определенного образа политических акторов, где символ включает в себя все скрытые смыслы, необходимые для транслирования вовне. Политический символизм является феноменом как группового, так и

индивидуального уровня, общие для группы символы могут восприниматься различно. Необходимо отметить, что политические символы легитимируют распределение власти, играют важную роль в мобилизационных и интеграционных процессах. Потребность в использовании символов возрастает в случае отдаления от источника власти. Символы, поддерживающие властные структуры, представляют собой не только внешние атрибуты должности, но и поведение, жестикуляцию участников политического процесса.

Формирование политических символов может обуславливаться условиями жизни и деятельности человека, социализацией, органическими потребностями, нормами, идеалами, физиологией. В восприятии человеком объективной реальности могут присутствовать элементы знаковости. В большинстве случаев универсальными становятся символы, выражающие некий эмоциональный посыл. Именно обращение к средствам эмоциональной выразительности создает возможность появления общности символов у представителей различных народов, наций, рас.

Политические символы формируются путем сложения универсальных символов, в основе которых лежит эмоциональная составляющая, и культурной идентичности, необходимой для того, чтобы член социальной группы в момент восприятия политического символа переносил на него часть собственного опыта [6].

Осуществление символической политики напрямую связано с публичной сферой и информационным полем, так как именно здесь происходит обсуждение проблем и возможностей, формируется общественное мнение, происходит столкновение различных способов интерпретации социальной реальности.

Феномен символической политики напрямую связан с возрастанием степени значимости визуальных технологий, что позволяет говорить о ней как о своеобразном суррогате «реальной» политики. Символическая политика представляет собой особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов. Необходимо обратить внимание на то, что символическая политика – это не обязательно деятельность политических акторов, включающая в себя символы, скорее это политическое действие, которое выступает как самостоятельный символ. Необходимо акцентировать внимание на том, что символическая политика не является безличной, напротив, она представляет собой процесс формирования символических эрзацев (суррогатов) политических действий и решений, используя сущность символа для придания любым областям бытия качества безграничных феноменов.

Нельзя не сказать о существующей сегодня проблеме неадекватности смысловой нагрузки политических символов, вызванной невыгодностью трансляции объективной информации, которая может помешать продвижению политического образа или бренда. Политические символы являются неотъемлемой частью политической рекламы, формируя репутационный образ, опирающийся на эмоциональную сферу человека.

Воздействие символов в политической агитации на массовое сознание производится посредством поддержания уже существующих установок и стереотипов, укоренения определенных визуальных паттернов, присвоения символам ценностных характеристик, возникающих в сознании отдельного индивида.

В данной статье рассматриваются результаты исследования степени эффективности символической репрезентации «новых» российских политических партий. Для получения анализируемых данных был выбран метод проведения фокус-групп. Обработка данных производилась посредством проведения дискурсивного анализа, а также визуального анализа данных. Выборка исследования включает участников фокус-группы в составе шести респондентов в возрасте от 20 до 25 лет. В качестве стимулирующих материалов были использованы эмблемы, гербы, флаги, слоганы «новых» российских политических партий.

Производя анализ данных, важно обратить внимание на тот факт, что сфера политики воспринимается респондентами исключительно в форме «повестки дня». В представлении большинства опрошенных политика сегодня атомизируется, дистанцируется от населения, превращаясь в «элитарную группу», трансформируется в информационный, имитационный и дискурсивный элемент, миф. Отвечая на вопрос о структурах, которые представляют интересы населения сегодня, большинство респондентов акцентировали внимание на общественных организациях и независимых СМИ, указывая на то, что не осведомлены о работе политических партий. Информацию же об их деятельности они получают исключительно в период начала электоральной кампании. В процессе обсуждения большинство респондентов высказалось в пользу того, что при вступлении в политическую партию индивид движим не коллективными, а селективными мотивами (связи, прибыль, карьера).

Анализ идеологического поля показывает, что респонденты заинтересованы в решении реальных проблем («помочь», «обратиться», «посадить дерево») вне зависимости от того, в рамках какой идеологической парадигмы данные действия будут осуществляться. Кроме того, была высказана идея, что у современных российских политических партий вообще нет идеологической направленности, они стремятся стать универсальными с целью привлечения наибольшего электората.

На сегодняшний день символы новых политических партий не являются узнаваемыми. Респонденты смогли воспроизвести символы исключительно парламентских партий, охарактеризовав новые партии как: «одинаковые», «незапоминающиеся». Важно отметить, что политические партии, в названиях которых сделан акцент на идеологическую направленность, являются менее успешными.

Респондентам было предложено объединить названия новых российских политических партий с символами. Результаты исследования показывают, что в случае наличия в символах узнаваемых элементов (колосья пшеницы – Аграрная партия; партия Мира и Единства – голуби) они могут быть идентифицированы респондентом.

При демонстрации стимульных материалов изображение птицы вызвало у большинства респондентов ассоциации с категориями «свобода», «независимость». К описанным категориям относятся изображения сокола, ястреба, орла, тогда как голубь ассоциируется с «миром», «надеждой», воробей с «неуверенностью в себе». Символ солнца часть респондентов связала с религией: «символ Бога». Подсолнух вызвал ассоциации с семьей и экологией. Изображение планеты, по мнению респондентов, символизирует «объединение», «мир». Материк может символизировать «национализм» и «глобализацию». Изображение рук восприни-

мается как символ «милосердия». Сжатый кулак – «сила», «лидерство», кроме того, изображение вызвало ассоциации с левыми движениями. Сердце как символ вызвало у респондентов ассоциации с «благотворительностью» и «медициной». Изображение ростков воспринимается как символизирующее «богатство», кроме того, часть опрошенных провела параллели с крестьянским вопросом, аграрными партиями.

Символизм в политической агитации оказывает воздействие на массовое сознание путем укоренения определенных визуальных стереотипов. Что подтверждают такие результаты, как, например, ассоциация красного цвета с большевизмом, а сжатого кулака с партиями левой направленности. Политические символы несут в себе только те характеристики, которые присваиваются им воспринимающим субъектом, но формирование их происходит в контексте уже сложившимся в массовом сознании стереотипов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день эффективность технологий символической репрезентации «новых» российских политических партий как субъектов, стремящихся к получению и осуществлению власти, является низкой. Мы можем отметить наличие тенденций, позволяющих выдвинуть гипотезу о том, что «новые» политические партии как акторы политического процесса не стремятся к власти, преследуя иные цели. Однако проверка данного предположения требует отдельного исследования.

Литература

1. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. – С. 232
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – Спб., 1998. – 316 с.
3. Демидова М.В. Человек как «animal symbolicum» в философии культуры Э. Кассирера: историко-философский анализ. – Саратов, 2007. – 140 с.
4. Кармадонов О.А. «Теория символа» Норберта Элиаса // Социологический журнал. – 2003. – № 4. – С. 140–152.
5. Сепир Э. Символизм // Энциклопедия социальных наук. – 1934. – Номер 14. – С. 492–495;
6. Шилков Ю.М. Символ и вымысел (о фикциональных возможностях символа) // Кантовский сборник. – 2010. – №1. – С. 68–74;
7. Юнг К. Г. Синхрония: каузальный объединяющий принцип. – М.: АСТ, 2010. – 347 с.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: ВЫБОР ПАРАДИГМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Литвишко О.М.

Статья посвящена обобщению выводов проведенного исследования по проблеме определения модели региональной интеграции в геополитически значимом Каспийском регионе. Автор рассматривает региональную интеграцию через процесс формирования трансграничного сотрудничества (ТГС), отмечая, что именно ТГС может выступить основой региональных интеграционных процессов. В качестве примеров автор выделяет особенности развития ТГС в Европе – в форме еврорегионов, в государствах АСЕАН – в форме треугольников роста, на постсоветском пространстве, особо подчеркивая важность экономических, политических и социально-культурных условий региона как факторов, способствующих или препятствующих развитию ТГС. На основе анализа нескольких видов ТГС формулируется авторский вид ТГС, который развивается в настоящее время в Каспийском регионе. Кроме того, автор определяет специфику развития ТГС в Каспийском регионе, которая обусловлена проблемой выбора модели интеграции, что характерно для постсоветского пространства, а также наличием комплекса интересов, что дополнительно подчеркивает особенности взаимоотношений прикаспийских государств, а также их отношений с многочисленными государственными и негосударственными акторами на региональном уровне и выступает причиной многоуровневого соперничества в сфере торгово-экономических и военно-политических интересов.

Ключевые слова: региональная интеграция, трансграничное сотрудничество, Каспийский регион, еврорегион, треугольник роста.

The article is devoted to formulating the general conclusions of the research on the problem of defining the model of regional integration in a geopolitically significant Caspian Region. The author view regional integration through the process of the development of cross-border cooperation (CBC) pointing out that CBC can function as the basis of regional processes of integration. The author draws the example of CBC development in Europe – in the form of euroregions, in ASEAN countries – in the form of growth triangles, in the post-Soviet territories. Based on the analysis of several types of CBC, the author formulates her own type of CBC which is currently developing in the Caspian Region. Besides, the author defines the specifics of CBC in the Caspian Region which is stipulated by the problem of the choice of integration model, which is typical of the post-Soviet territory, as well as the existence of the complex of interests which additionally stresses the peculiarities of relations between Caspian states along with their relations with numerous state and non-state actors and stipulates multi-level competition in the sphere of trade-economic and military-political interests.

Keywords: *regional integration, cross-border cooperation, Caspian region, euro-region, growth triangle.*

Региональное сотрудничество и интеграция являются одними из важнейших аспектов современных международных отношений. Растущее давление глобализации, ее неравномерное влияние на различные регионы мира обуславливает необходимость объединения государств в региональные / субрегиональные структуры (организации, блоки, союзы и т.д.), чтобы повысить свою способность противостоять стремительно распространяющимся глобальным вызовам. Регионализм, или нисходящая интеграция (*top-down integration*), направлен на развитие сотрудничества в экономической, институциональной, оборонной и политической сферах. Его дополнением выступает восходящая интеграция (*bottom-up integration*), или регионализация, главным механизмом которой является неконтролируемое государством экономическое и социальное взаимодействие негосударственных акторов в лице компаний, НГО, экспертного сообщества, образовательных институтов, частных лиц и т.д. Развитие сотрудничества в рамках данного вида интеграции происходит на уровне укрепления трансграничных связей, таким образом способствуя формированию трансграничного сотрудничества между приграничными территориями соседних государств.

Трансграничное сотрудничество (ИГС) является относительно новой формой межгосударственного сотрудничества, в связи с этим возникает необходимость изучения его особенностей в различных социально-культурных и экономико-политических условиях. Однако накопленный опыт изучения ТГС позволяет нам рассматривать его в качестве важного инструмента интеграции, т.к. оно способствует развитию политических, экономических, культурных и гуманитарных связей между регионами сопредельных государств, что в дальнейшем может привести к образованию экономического или политического объединения или союза.

Трансграничное сотрудничество – это вид международного сотрудничества, осуществляемого на двусторонней и многосторонней основе между государствами, имеющими общую границу, и направленное на решение совместных проблем, получение экономической выгоды и достижение общих целей, а также сохранение, управление и развитие общей социально-экономической и культурной среды, что со временем может способствовать укреплению региональных интеграционных процессов.

«Европейская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» определяет трансграничное сотрудничество как «любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между соседними территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более Договаривающихся Сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения вышеуказанных целей» [6]. В «Стратегии по содействию трансграничному и межтерриториальному сотрудничеству в расширенной Европе – основополагающем документе, содержащем ориентиры на будущее» предлагается следующее определение: трансграничное сотрудничество – это двустороннее, трехстороннее или многостороннее сотрудничество между местными и региональными органами власти (могут

участвовать полугосударственные или частные организации), осуществляющееся в смежных географических зонах. Это относится и к зонам, разделенным морем [7, с. 47]. В Российской Федерации термин «приграничное сотрудничество» используется в качестве равнозначного термину «трансграничное сотрудничество» и понимается как «согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, повышения благосостояния населения приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами» [8].

В академической литературе трансграничное сотрудничество определяется как «совместные конструктивные действия, направленные на развитие отношений между территориально-административными единицами или властями в рамках юрисдикции двух или более государств, подразумевающие заключение соответствующих соглашений между ними» [4, с. 8], а также как «специфическая сфера внешнеэкономической, политической, экологической, культурно-образовательной и других видов международной деятельности, которая осуществляется на региональном уровне и охватывает все общие их формы, отличается необходимостью и возможностями более активного их использования, а также рядом особенностей, а именно наличием границы и необходимостью ее обустройства, общим использованием природных ресурсов и решением проблем безопасности, более широким взаимным общением населения соседних государств и личными связями людей, значительно высшей нагрузкой на инфраструктуру (дороги, связь, сфера обслуживания, придорожная инфраструктура)» [3, с. 79].

Формирование трансграничного сотрудничества возможно только при наличии политического взаимодействия сопредельных стран, экономических и гуманитарных контактов между ними, т.е. определенного уровня развития трансграничной кооперации. При этом в своем развитии ТГС неизбежно проходит несколько стадий, которые могут включать: приграничные торговые обмены – стихийные/формальные, легальные/нелегальные, устойчивые/спорадические; согласованная совместная эксплуатация природных объектов (реки, озера и т.п.); простая кооперация, объединение ограниченных ресурсов для решения взаимовыгодных задач; интеграция факторов производства на принципах взаимодополняемости; кооперационная активность, нацеленная на использование выгод географического/ресурсного потенциала для укрепления стратегического потенциала и расширения внешней экспансии [11, с. 16].

На основе вышеизложенного мы предлагаем следующее определение ТГС: трансграничное сотрудничество – это сотрудничество административных регионов с сопредельными регионами соседних государств на основе систематических отношений, повышенной контактности границы, региональной идентичности и экономической целесообразности. Специфика ТГС связана с наличием / отсутствием институциональных структур, регулирующих трансграничную кооперацию, с су-

хопутной-морской-речной границей, детерминирующей способы и механизмы сотрудничества.

Рассматривая трансграничное сотрудничество в качестве основы региональных интеграционных процессов, мы не можем отрицать тот факт, что в разных регионах мира существуют свои особенности ТГС, равно как и свои, уникальные, функциональные устремления акторов, мотивирующие трансграничную кооперацию.

Анализ различных форм и видов ТГС показал, что основой существующих классификаций ТГС могут выступать иницилирующие субъекты, интенсивность ТГС, функциональные области сотрудничества, диапазон и степень его развития. Одной из самых неоднородных является географическая классификация ТГС, которая представлена четырьмя основными видами: европейским, азиатским, американским, постсоветским.

Наибольший интерес сообразно целям нашего исследования представляют европейский, азиатский и постсоветский виды ТГС, т.к. они обладают рядом характеристик и условий, которые могут выступать основой построения трансграничного сотрудничества в Каспийском регионе.

Трансграничное сотрудничество в Европе осуществляется в форме создания еврорегионов как внутри ЕС, так и по его внешнему периметру. Важнейшими характеристиками ТГС в Европе являются следующие: наличие государственной границы (сухопутной или водной) между сотрудничающими регионами или местными властями; институционализированность сотрудничества в форме секретариата, экспертного совета и административный персонал, парламентская ассамблея и иные представительные органы; географическая принадлежность к Европе; желание участвовать в процессе европейской интеграции; общая для еврорегионов структура, т.е. еврорегион включает регионы и/или местные сообщества, обладающие полномочиями заключать соглашения о сотрудничестве; общая польза участников, т.е. стремление к «общему благу» [12, с. 189].

Сегодня, по данным Ассоциации Европейских приграничных регионов, в Европе успешно функционируют более 180 еврорегионов в форме крупномасштабного и комплексного трансграничного сотрудничества (могут состоять из государств в рамках одного европейского субрегиона) – комплексные регионы представлены на карте желтыми и оранжевыми линиями; в форме создания европейских групп по территориальному сотрудничеству, которые способствуют повышению эффективности сотрудничества, их экономическому и социальному сплочению (объединяют внутригосударственные регионы стран-соседей) – на карте представлены фиолетовыми линиями; еврорегионы – институциональная форма трансграничного сотрудничества – на карте обозначены красными и зелеными линиями.

Еврорегионы формируются в качестве трансграничных структур по всему внешнему периметру границ Европейского Союза тремя основными способами: в пределах ЕС; между государствами, входящими и не входящими в ЕС; за пределами ЕС. Трансграничное сотрудничество как ключевой инструмент образования еврорегионов становится все более мощным фактором европейского интеграционного процесса, содействуя углублению интеграции как в рамках общеевропейского

экономического пространства, так и в соседних странах-кандидатах на вступление в Европейский Союз.

Формирование еврорегионов в Европе в середине XX в. продемонстрировало усиление тенденций фрагментации внешнеполитической деятельности, которое сопровождалось активизацией трансграничных контактов. Кроме того, успешность ряда еврорегионов послужила поводом к распространению данной формы сотрудничества за пределы европейского континента. Однако, не вызывает сомнений тот факт, что в разных регионах мира существуют свои особенности построения трансграничного взаимодействия, равно как и свои, уникальные, функциональные устремления акторов, мотивирующие трансграничную кооперацию, в связи с чем оказывается невозможным рассматривать европейский вид ТГС как универсальную модель, которая могла бы успешно функционировать в других социально-экономических условиях.

Опыт АСЕАН по созданию треугольников и четырехугольников роста (развитие приграничных торгово-экономических отношений между тремя или четырьмя соседними странами), трансграничных свободных экономических зон (зон приграничного экономического сотрудничества и зон взаимной торговли) [5, 89] демонстрирует альтернативный вид ТГС, главной характерной чертой которого, на наш взгляд, является его ярко выраженная функциональная направленность, т.е. преобладание экономического фактора интеграционной мотивации.

Полагаем, что наиболее существенными характеристиками азиатского вида ТГС являются следующие: отсутствие регионального гегемона; «центральность» АСЕАН как институциональной основы для дальнейшей региональной интеграции; «мягкий» институционализм – «путь АСЕАН», что означает неформализованный характер сотрудничества, т.к. государства Юго-Восточной Азии опасаются создания блоковых структур и доминирования в них великих держав, равно как и создания наднациональных структур; отсутствие системы коллективной безопасности, предпочтение системы безопасности на основе сотрудничества; не обязывающий, консенсусный стиль принятия решений, т.е., например, вместо привычных в Европе договоров о сотрудничестве, носящих обязательный характер, документы, принимаемые государствами АСЕАН, носят декларативный или рекомендательный характер, выражая намерения о сотрудничестве, а не юридически обязывающие соглашения. Определенный интерес в данной связи представляет регулярный характер проведения саммитов глав государств и правительств, на которых все решения принимаются только путем консенсуса.

Одним из наиболее ярких примеров функционального сотрудничества в рамках АСЕАН является треугольник роста «Сиджори» в Малаккском проливе, включающий территории Сингапура, малазийский штат Джохор и индонезийский архипелаг Риау.

В экономической литературе его рассматривают как «классическую» модель трансграничного региона. Его основными параметрами являются:

- трехсторонний характер трансграничного сотрудничества – «вершины» треугольника образуют государства-партнеры;
- соглашения на уровне правительств выступают основой сотрудничества;

- фактор взаимодополняемости конкурентных преимуществ территорий;
- географическая близость территорий-партнеров, что способствует развитию общей инфраструктуры и экономического сотрудничества;
- общее историческое прошлое территорий;
- сближение правовых систем государств-партнеров, создание регионального органа управления, регулирующего трансграничное сотрудничество.

В треугольнике роста «Сиджори» Сингапур играет роль центра инноваций, располагая капиталом, высококвалифицированными кадрами, передовыми технологиями, доступом на мировые рынки, развитой современной рыночной инфраструктурой.

Малазийский штат Джохор выступает в функции источника природных ресурсов и рабочей силы, технологий среднего уровня сложности и базовой инфраструктуры.

Индонезийская часть треугольника роста – провинция Архипелаг Риау – поставщик топлива, воды, конструкционных материалов, пищевых продуктов. Она развивается как экспортно-производственная зона: здесь размещаются ресурсоемкие, нередко экологически опасные энергетические, металлургические, нефтеперерабатывающие, химические предприятия, трудоемкие стадии машиностроения, создаются животноводческие фермы, плантации, а также транспортная инфраструктура.

Экономическая эффективность треугольника роста обусловлена созданием свободной экономической зоны на основе двусторонних соглашений о свободной торговле и экономическом партнерстве при активном развитии трансграничного сотрудничества, реализации выгод географического положения, размещения экспортно-ориентированных производств.

Распад Советского Союза послужил поводом к переосмыслению форматов взаимодействия и сотрудничества на пространстве бывшего СССР. Естественным императивом внешней политики постсоветских республик стал поиск новых союзников, партнеров как в политической, так и экономической сферах, что было обусловлено нарастанием политических, экономических и социальных угроз, обострением межэтнических конфликтов.

Ряд региональных организаций, созданных на постсоветском пространстве с целью перегруппировки некоторых республик (СНГ, ГУАМ, Центрально-Азиатская Организация Сотрудничества, Евразийское Экономическое сообщество, ОДКБ) свидетельствует о том, что, несмотря на стремление постсоветских республик избавиться от наследия СССР, наиболее жизнеспособной является именно коллективная форма их существования, хотя и приобретающая новые очертания под влиянием мировых процессов глобализации и регионализма.

Важной характеристикой постсоветского регионализма является его ориентированность на создание не только экономических союзов, но и политико-экономических структур, таких как ОДКБ, ГУАМ, ШОС.

Не меньшая потребность после распада СССР наблюдалась также в создании экономических, а не военно-политических структур, что обусловило создание ряда еврорегионов на границе России и ЕС, в Черноморском и Кавказском регионах.

Несмотря на большое количество образованных на постсоветском пространстве еврорегионов, нельзя не отметить тот факт, что часть из них существует только номинально. При этом наиболее активно тенденции трансграничного регионализма проявляются в регионе Балтийского моря. Как отмечает Ю. Косов, Северо-Запад России превращается в органическую часть системы международных региональных отношений в зоне Балтийского моря, подтверждением чему служит общее число проектов, осуществляемых в рамках трансграничного сотрудничества России и ЕС: всего 134, из которых 94 завершены, 20 находятся в стадии завершения, 22 начали осуществляться или находятся в стадии заключения контрактов [9, с. 133].

Проанализировав ряд форм и видов ТГС, мы пришли к выводу о том, что ТГС формируется в определенных политических, экономических и социально-культурных условиях. Иными словами, в основе ТГС могут лежать политические и экономические мотивы. Превалирование одного из них в процессе сотрудничества способствует формированию политического ТГС и экономического ТГС. ТГС с превалирующим фактором «интеграционной мотивации» характеризуется стремлением к формированию общего политико-правового пространства, что характерно для европейских государств. ТГС с превалирующим экономическим фактором, по нашему мнению, может иметь две разновидности: территории взаимодополняемости экономических систем – треугольник роста Сингапур-Малайзия-Индонезия в Малаккском проливе и территории преодоления сырьевой ориентации экономических систем – Каспийский регион, скандинавские еврорегионы, металлургический регион Саар-Лор-Люкс-Рейн.

Разработка системы критериев, согласно которым мы оценивали эффективность того или иного вида ТГС, позволила нам сформулировать авторский вид ТГС на основе сходства политической, экономической и социально-культурной сфер государств, образующих трансграничный регион, при этом наличие трансграничных угроз выступает серьезным препятствием на пути формирования партнерских отношений, региональная идентичность не является необходимым результатом развития ТГС. Важными критериями авторского вида ТГС выступают функциональные показатели в экономической сфере, такие как объем внутрирегиональной торговли, объем взаимных инвестиций, количество совместных предприятий, а также стабильность стратегии ТГС.

Таким образом, специфика ТГС связана с наличием/отсутствием институциональных структур, регулирующих трансграничную кооперацию; с сухопутной-морской-речной границей, детерминирующей способы и механизмы сотрудничества, географической областью функционирования, функциональной направленностью и факторами формирования ТГС в том или ином регионе.

Каспийский регион, являясь одним из важнейших регионов мира в силу геополитических и геоэкономических особенностей, не может оставаться в стороне от глобальных процессов. Более того, Каспийский регион сегодня может рассматриваться как формирующийся трансграничный регион, т.к. он активно вовлечен в процессы укрепления многосторонних внутрирегиональных связей, которые ярко демонстрируют «преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовность ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и приви-

легии» [1, с. 10]. В связи с этим мы предлагаем включить в Каспийский трансграничный регион прикаспийские территории пяти государств, имеющих выход к Каспийскому морю: *Азербайджан* – Северо-Восточный Азербайджан, регион Баку, Талышский регион; *Иран* – прикаспийские и граничащие с другими государствами региона останы (провинции) Восточный Азербайджан, Ардебиль, Гилян, Мазендеран, Голестан, Северный Хорасан, Хорасан Резави; *Казахстан* – Западно-Казахстанская, Атырауская и Мангистауская области; *Россия* – прикаспийские субъекты, расположенные в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах: Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Астраханская область; *Туркменистан* – Балканский велаят.

Специфика интеграционных процессов, складывающихся сегодня в регионе, обусловлена рядом причин, главными из которых являются общие для постсоветского пространства проблемы выбора модели интеграции, а также специфические региональные проблемы, наиболее важными из которых являются следующие: наличие значительных запасов углеводородов; стратегическое положение на перекрестке торговых путей и маршрутов транспортировки углеводородов; тесное переплетение интересов региональных и внерегиональных государств в энергетической области и в сфере международной безопасности; присутствие в регионе интересов транснациональных корпораций и других негосударственных акторов – финансовых организаций, религиозных движений и неправительственных организаций; наличие угроз внутреннего и внешнего порядка [13, с. 198-215]; неурегулированный правовой статус Каспийского моря.

Необходимость региональной интеграции – это вопрос сотрудничества не только в нефтяной сфере. Большие перспективы для развития сотрудничества имеются в торговле, политике, культуре, безопасности. Трансграничное сотрудничество может выступить в качестве начального этапа интеграции, способствуя согласованию общих интересов и определению перспектив партнерства в различных областях.

В данной связи полагаем необходимым отметить, что актуализация вопросов регионального сотрудничества в Каспийском регионе произошла в начале 90-х годов XX столетия, когда перед каспийскими странами в процессе построения государственности встало немало проблем, наиболее важные из которых были связаны с поиском новых путей и разработкой эффективных механизмов политического и экономического развития, определения внешнеполитических приоритетов. Несмотря на стремление к укреплению независимости от России, важнейшей характеристикой новых независимых государств региона остается их принадлежность к общему советскому прошлому. Как справедливо в данной связи отмечает И. Кукулина, при всех этно-национальных особенностях, несравнимости территорий, людских ресурсов, экономического потенциала и других немаловажных различиях, новые государства несут в себе общее советское прошлое [10, с. 90]. Кроме того, не менее важным фактором, на наш взгляд, является наличие протяженных сухопутных границ и отличительная особенность границ новых независимых государств – более половины общей протяженности границ приходится на границы с постсоветскими государствами, что является ярким свидетельством того, что «при всех изменениях политической конъюнктуры постсоветские страны на очень

продолжительный период практически обречены рассматривать друг друга в качестве приоритетных внешнеполитических партнеров» [2].

Исторические связи между государствами, наличие общей транспортной и экономической инфраструктуры на момент распада СССР, сложившаяся экономическая специализация региона и фактор взаимодополняемости экономических систем каспийских государств, тесные культурно-гуманитарные связи между их населением, наличие этнических меньшинств и диаспор на территории сопредельного государства, сотрудничество в области экологии, в науке, культуре, образовании – все это можно рассматривать в качестве основы для развития ТГС в Каспийском регионе. Препятствием на пути формирования ТГС выступают следующие факторы: специфика взаимоотношений прикаспийских государств, а также их отношений с многочисленными государственными и негосударственными акторами на региональном уровне, которая обуславливает многоуровневый характер соперничества в сфере торгово-экономических и военно-политических интересов; наличие конкуренции в нефтяной сфере и слабая степень сотрудничества в нефтяной сфере.

Проведенный нами анализ многоуровневого комплекса интересов, его геополитических, ресурсных и экономических особенностей позволил проследить динамику трансграничного сотрудничества в Каспийском регионе.

На первом этапе государства региона игнорировали необходимость регионального сотрудничества на фоне становления государственности в Азербайджане, Туркмении, Казахстане и России при дистанцировании от последней «новых» государств и отсутствии у РФ четкого понимания своих национальных интересов. На втором этапе наблюдалось усиление тенденций экстрарегионального сотрудничества параллельно с активизацией внерегиональных государственных и негосударственных акторов, чья деятельность ущемляла интересы России и порождала конфронтацию в отношениях РФ с партнерами по Каспию. На третьем этапе Россия активно продвигает свои национальные интересы, иницируя проекты, направленные на развитие регионального сотрудничества. Четвертый этап связан с перспективой снятия международных санкций с Исламской Республики Иран и занятием ею более активной позиции в региональных проектах, включая трансграничные инициативы.

Проведенное исследование показало, что трансграничное сотрудничество выступает ключевым компонентом интеграционных процессов и способствует развитию политических, экономических, культурных и гуманитарных связей между регионами сопредельных государств, а также экономической и политической модернизации периферийных территорий, что неизбежно приводит к активизации участия государств в процессах глобализации, его всесторонней модернизации и формирует предпосылки для региональных интеграционных процессов.

Литература

1. Байков А.А. «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. 2007. №3 (15). Т. 5. С. 14–17.
2. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М.-Волгоград: НОФМО, 2002.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/paragraph22.htm> (дата обращения 10.01.2015).

3. Белицкий М.Е. Трансграничное сотрудничество регионов: методологические основы развития и роль в интеграционных процессах / Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст. / ФМО БГУ. Минск, 2008. Вып. 5. С. 74–91.

4. Верхоланцева К.В. Развитие современного трансграничного сотрудничества России и стран Европы: сравнительный анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 177 с.

5. Дегтярев П.Я., Жусупова Г.Б., Пряхин Г.Н. Новые пространственные формы межгосударственной экономической интеграции // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 36 (251). Экономика. Вып. 35. С. 85-91.

6. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (Официальный перевод Российской Федерации для подготовки к ратификации) [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/106.htm> (дата обращения 08.05.2014).

7. Зыков А.А. Институционализация трансграничных связей // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 42–48.

8. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г. N 196-р [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/21b14ac41709cae143256c8a0047bc7bOpenDocument> (дата обращения 08.05.2014).

9. Косов Ю. Россия и трансграничные связи на Балтике // Космополис. 2008. № 2. С. 130-133.

10. Куклина И. Проблемы безопасности в Черноморско-Каспийском регионе // МЭМО. 2002. № 1. С. 90-97.

11. Песцов С.К. Трансграничное сотрудничество и интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 16.

12. Яровой Г. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб: Норма, 2007. 280 с.

13. Allison, R. Regional Threat Perceptions and Risks of Military Conflict, in Auty, R.M., De Soysa, I. (eds.) Energy, Wealth and Governance in the Caucasus and Central Asia. Lessons Not Learned. N.Y.: Routledge, 2006. PP. 198-215.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ И ИТАЛИИ)

Мокеева А.Г.

В данной статье рассматриваются факторы региональной идентичности, выдвинутые автором. К числу таковых факторов относятся географический, исторический, структурный, институциональный, экономический, политический и фактор качества национально-гражданской идентичности. На основе вышеупомянутых факторов проведен сравнительный анализ стран Южной Европы (Испания и Италия), подтверждающий репрезентативность факторов.

Ключевые слова: *региональная идентичность, Испания, Италия, регион, сравнительный анализ.*

This article outline the factors of regional identity, figured out by the author. These factors are the geographical, historical, structural, institutional, economic, political and identity quality factor of the national civic identity. Implementing these factors to comparative analysis, the author compared Southern Europe countries (Spain and Italy). The research confirmed the representativeness of factors.

Keywords: *regional identity, Spain, Italy, region, comparative analysis.*

Исследование процессов формирования региональной идентичности является важной темой современной политической науки. Эти процессы лежат в основе того, что определяет судьбы территорий, различных народов и государств). Идентичность – это свойство, способность психики индивида в фиксированном виде выражать то, как он видит свою принадлежность к социальным, национальным, языковым, политическим, религиозным и прочим группам или общностям.

Категория «идентичность» включает в себя «региональную идентичность» – понятие, лежащее в основе данного исследования. Под региональной идентичностью, в этой работе, понимается отождествление себя индивидом с определенным регионом государства. Представленные в работе факторы выбраны автором тезисов с точки зрения логики и будут проверены на примере Испании и Италии. Факторы расположены в структуре текста по их влиянию – от самых влиятельных к менее влиятельным. Рассмотрим каждый из факторов отдельно.

Первый фактор, влияющий на региональную идентичность – географический. Под ним понимаются физико-географические особенности расположения государства: его ландшафт, размер, климатические условия. Важность данного фактора обуславливается тем, что, например, при отделении региона от других не только административными границами, но и природными, его жители имеют меньшую возможность непосредственного контакта с соседями. Отделение региона реками, горами способствует более тесным внутренним связям.

Жители региона представляют свою общность как территорию, граничащую с рекой/горой, а жителей за ними уже «чужими». Природные ресурсы обеспечивают относительную закрытость общества. Идентичность – это не только отождествление себя с чем-то/кем-то, но и противопоставление себя «другим», например, с жителями других регионов. Особенности расположения государства, его размеры и климатические условия непосредственно влияют на это.

При маленьких размерах государства сложно говорить о разнородности общества и вообще о сильной региональной идентичности. Но вот в государствах средних и больших размеров расположение регионов может быть таким, что различные территории государства могут находиться в разных климатических условиях, что непосредственно влияет на стиль жизни тех или иных регионов. Особенности территориального расположения государства определяют его историческое развитие, то, как проходила жизнь на протяжении времени в государстве и за его пределами.

Испания расположена на большей части Пиренейского полуострова, который имеет в своем ландшафте неоднородную структуру. Большую часть территории занимает Месета, или, как ее еще называют, Кастильское плоскогорье. Месету почти со всех сторон окружают горные хребты. Испанию омывают Средиземное и Кантрабрийское моря и Атлантический океан. Ее территория 504 тыс. кв. км. и это 51-я территория в мире, по размеру. Как видно из вышесказанного, Испания обособлена от других стран ландшафтом и имеет географические барьеры и различия в климатических условиях, что делает ее достаточно разнородной.

Рассматривая Италию в трафарете данного фактора, мы не можем не отметить то, что большая часть государства, так же расположена на полуострове и нескольких островах. Апеннинский полуостров, простирается с севера на юг, омывается акваториями трех морей, которые в свою очередь составляют Средиземное море. Свое название полуостров получил от горной системы Апеннин, проходящей вдоль почти всей территории государства. На севере государство окружено хребтом Альпийских гор. Площадь государства – 301 тыс. кв. км. – это 71 место среди государств мира. Все эти особенности Италии, несомненно, влияют на идентичность как государства, так и его регионов.

Природно-географические особенности, разнообразные рельеф и климат способствовали естественному обособлению ее регионов. Центральные регионы, расположенные на Месете и Арагонской низменности с их типичным континентальным климатом, резко противостоят внешней, периферийной части Испании, с ее умеренным и влажным климатом на севере и типично средиземноморским на юго-востоке. Периферийные регионы со своей географической «открытостью», имели внешние контакты в области политики, торговли и культуры.

Аналогичным образом и Италия, как государство, обособленное от других Альпийскими горами и Средиземным морем, имеет некую общность, связанную этой территорией. Но различные географические барьеры в виде системы гор, не одинаковых климатических условий, вызванных протяженностью полуострова с севера на юг, делают Италию очень разнородной. На севере Республики преобладает умеренно-континентальный тип климата, а в центральной и южной части – характерно морской, средиземноморский тип. В горной местности, на вершинах

Апеннин и Альп снег лежит до шести месяцев, а в осенний, зимний и весенний периоды часты обильные снегопады. На юге же мягкая зима и теплое, сухое лето. Все это напрямую влияет на особенности как макрорегионов, так и регионов административного значения.

Так же, стоит отметить, то, как различаются итальянцы между собой. Это, прежде всего, проявляется в физиологическом облике. Житель северной части Италии может быть светлокожим, голубоглазым и светловолосым, а итальянец с юга кареглазым, смуглым, с темными кудрявыми волосами. Это вызвано географическим расположением, зависимым от этого климата и этническим многообразием до римского времени: лигурийцы, веныты, этруски, сарды, сикулы. Различия же в Испании проявляются в этническом многообразии, на современном этапе, признанными этносами помимо испанского являются: каталонцы, андалузцы, валенсийцы, галисийцы, баски.

Следующий фактор - **исторический**. Региональная идентичность появляется не с пустого места и не одновременно, она является следствием продолжительного опыта общежития. Памятные даты, традиции, символические ассоциации – один из главных репрезентаций идентичности. Часто в государствах административное деление обуславливается исторически сложившимися границами.

Первые иберские племена, от которых и произошли современные Испанцы и остальные этносы полуострова, появились на территории современной Испании около III тыс. до н.э. Позже на территории полуострова появляются финийские колонии, основанные Карфагеном. С упадком римской империи на полуостров вторглись германские племена, просуществовавшие до арабского вторжения. В VIII веке устанавливается власть арабских династий, и небольшие готские королевства начинают с ними борьбу. Этот период называют Реконкиста, завершившийся в 1492 году с изгнанием последних мавров. Этому предшествовало объединение кастильской и арагонской корон, положившее начало королевству Испания.

Объединение произошло благодаря династическому браку Фердинанда II Арагонского и Изабеллы I Кастильской. Этот брак стал переломным в истории будущей Республики. В период правления так называемых «католических королей» появляется знаменитая испанская инквизиция, а Христофор Колумб отправляется в кругосветное путешествие и открывает Америку. Сама Республика Испания, в том виде, как мы ее понимаем, появилась не так давно. Последняя конституция Испании была принята в 1978 году, после смерти Франко, пробывшем у власти с 1936 года и установив правый авторитарный режим, известный как Франкистская Испания.

Италия как государство образовалась лишь в 1870 году, предшествующий этому событию период, *рисорджементо* – объединение, продолжался около ста лет.

Различия в регионах прослеживаются с самого момента зарождения общности на Апеннинском полуострове и на протяжении всей истории Италии. Хотя Италия долгое время была объединена под гнетом Римской империи, Королевством Одоакра и другими, вплоть до X века, общую идентичность это не создало и племена, города, области жили достаточно обособленно. Начиная с Возрождения и вплоть до периода *Рисенджементо* уже можно проследить объединение регионов в южную, центральную и северную Италию.

Сильные регионы современной Италии – это следствие исторической раздробленности. Так, например, Флорентийская республика, просуществовавшая практически с 1115 по 1532 год. Такое долгое обособление республики (нынешняя территория региона Тоскана) способствовало укреплению региональной идентичности. В XIII–XIV веках Флоренция была самой развитой республикой не только Апеннинского полуострова, но и Европы. В XIV веке Флоренция стала ведущим центром итальянского Возрождения, в котором родились и творили Макиавелли, Данте, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Петрарка, Боккаччо и многие другие. Несомненно, такая положительная ветвь в истории укрепляет региональную идентичность. Быть членом общности, которую прославляют великие люди, безусловно, притягивает.

Другим примером может стать Неополитанское королевство – государство, существовавшее в XII–XIX веках и занимающее почти всю Южную Италию. Из-за своего географического положения, эту область миновали религиозные войны, и с момента воцарения анжуйской династии католицизм стал государственной религией. Этот факт повлиял на то, что в современной Италии именно южная часть наиболее религиозная, в отличие от севера, где относительно меньше католиков. Согласно данным приведенным в книге Р. Патнема, на период с 1970 по 1980, наиболее религиозными были регионы Калабрия, Молизе, Базиликата, Абруцци [7, 135].

Структурный фактор – раскрывает структуру государства, форму государственного устройства. Ведь в государстве с федеральным устройством характер региональной идентичности отличается от идентичности в унитарном государстве.

Согласно конституции, Испания является парламентской монархией с двухпалатным парламентом – Генеральные Кортесы. Генеральные Кортесы состоят из Конгресса депутатов и Сената. Нижняя палата парламента избирается прямым и всеобщим голосованием по пропорциональной системе. Избирательным округом является провинция, а города Сеута и Мелилья избирают в Конгресс по депутату. В верхнюю палату от каждой провинции избирается по четыре сенатора всеобщим свободным равным прямым и тайным голосованием. Таким образом, интересы автономий представляются на государственном уровне в институте законодательной власти. Главой государства является Король, как символ единства и преемственности.

Испания представляет собой унитарное государство с широкими полномочиями автономий. В Испании 17 автономных сообществ, которые в свою очередь делятся на провинции. Согласно конституции граничащие друг с другом провинции, имеющие общие исторические, культурные и экономические особенности, островные территории и провинции, представляющие собой единую историческую область, могут получить самоуправление и образовать автономные Сообщества.

Из этого можно сделать вывод, что административное деление Испании исторически обосновано, что, несомненно, делает региональную идентичность сильнее. Официальным языком Испании является кастильский (испанский), но в некоторых автономиях есть свои официальные языки. Так, например, в Каталонии помимо испанского, официальными считаются каталонский и окситанский, в стране Басков

баскский, в Галисии галисийский. Помимо этого, в регионах используют различные диалекты.

С. Хенкин определяет современную Испанию как унитарное государство, в котором в территориальной организации которого присутствует много элементов федерализма, и так же, как и другие эксперты, относит ее к числу наиболее децентрализованных унитарных государств [9, с. 19].

Структурный фактор, уже раскрытый в Испанском контексте, имеет немного другие очертания в Италии. Согласно конституции, Италия является парламентской республикой, в которой парламент является двухпалатным [5, с. 430]. Нижняя палата парламента избирается прямым и всеобщим голосованием по пропорциональной системе. Верхняя палата парламента избирается на базе областей. В Сенате Италии есть две особенности: первое то, что сенаторы избираются всеобщим и прямым голосованием избирателей, достигших 25 лет, при том, что возрастной ценз на выборы в Палату депутатов составляет 18 лет. Вторая особенность заключается в том, что бывшие президенты страны являются пожизненными членами Сената. Президент может назначить пожизненно сенаторами пять граждан, прославивших Родину выдающими достижениями.

Эти особенности, по моему мнению, ставят под вопрос легитимность этой палаты или, по крайней мере, делают ее менее легитимной, по отношению к Палате депутатов. Формально обе палаты парламента равны по своему статусу, но тот факт, что в Сенате депутаты выбираются не всеми дееспособными гражданами и в его составе есть члены, выбранные Президентом (который, в свою очередь, не выбирается гражданами) ставят палату на уровень легитимности многим ниже, чем та же Палата депутатов. Учитывая вышесказанное, встает под вопрос уровень отождествления жителями регионов себя с этой Палатой.

Согласно конституции, Италия делится на области, провинции и коммуны. Италия состоит из двадцати областей, пять из которых имеют особый автономный статус и дополнительные официальные языки.

Границы новых административных структур в основном соответствовали историческому разграничению регионов полуострова. Выделение пяти регионов особыми правами связано с их этническими и языковыми особенностями. Так в автономной области Валле д'Аоста проживает этническое меньшинство – французы. Родным языком коренного населения является арпитанский (франкопровансальский) язык, французский язык имеет официальный статус.

Структурный фактор определяет то, какие институты функционируют в государстве и для полноты анализа необходимо глубже оценить институциональную основу идентичности.

Институциональный фактор – фактор, определяющий какие институты существуют в государстве и в регионах, как с этими институтами отождествляют себя жители регионов. Например, институт региональных властей; институт партий и их региональные отделения.

Региональная идентичность получила свое развитие в Испании так же и посредством региональных институтов. Институты автономий включают в себя Законодательное собрание, Представительный совет, Высший суд. Законодательное собрание – парламент автономии, избирается всеобщими выборами на основе про-

порциональной системы. Правительственный совет – институт, выполняющий исполнительные и административные функции. Председателя Правительственного совета избирает Законодательное собрание из числа его членов, назначение производится Королем.

Как уже отмечалось выше интересы автономий представляются и на государственном уровне, в институте законодательной власти. Перечисленные институты появились сразу вместе с образованием Республики Испания, в отличие от Италии.

В политическом пространстве Италии региональные институты появлялись постепенно. Первые законодательные органы регионального уровня появились вместе с самой Республикой и ее конституцией. Эти первые институты региональных властей были созданы в автономных областях, о которых говорилось выше. Позже, уже к 1970 году, такие институты распространились на все регионы Италии. Изначально существовавшие только на бумаге, региональные советы со временем стали сильными региональными институтами. Приведенный в книге Патнэма анализ региональных институтов показывает динамику и различия между ними в различных регионах.

В его исследовании проводится ряд интервью, взятые в динамике с представителями региональных институтов, показывая то, как укрепляются эти институты. С каждым годом отождествление жителей региона с его институтами становилось сильнее. Региональными институтами в Италии являются: областной совет, представляющий законодательную ветвь власти, джунта и ее председатель, являющиеся исполнительной структурой.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в Испании региональные институты имеют больше возможностей, чем институты региональных властей Италии.

Экономический фактор. В современном мире осталось немного сфер, на которые экономика не оказывает влияние. Многие государства экономически разнородны, на их территории есть как бедные регионы, так называемые дотационные, так и богатые регионы-доноры. Это создает различие между регионами и способствует развитию идентичности. Так же экономический фактор включает в себя и экономическую направленность региона: то, что производится в конкретном регионе, будь то сельскохозяйственная продукция или же продукция промышленных производств. Так, например, регион может ассоциироваться с производством сыра, вина, автомобилей и др.

Согласно конституции Испании «средства автономных Сообществ складываются из собственных налогов, налогов, полностью или частично передаваемых Государством, переводов от Межтерриториального Компенсационного Фонда, прибыли от собственного имущества и доходов

«В целях выравнивания экономического положения в разных регионах Испании и воплощения принципа солидарности создается компенсационный Фонд, предназначенный для инвестирования бюджетных средств. Средства Фонда будут распределять Генеральные Кортесы между автономными Сообществами и провинциями» [6, с. 132].

Испания – страна явно выраженных региональных диспропорций: ведущие в экономическом плане регионы (Мадрид, Барселона, Балеарские острова) по пока-

зателю ВВП на душу населения опережают более чем вдвое наименее развитые (Эстремадура, Андалусия). Так, ВВП Каталонии 195 403 млн евро, что составляет около 20 % от ВВП всей Испании. ВВП на душу населения (за 2009 год, в текущих ценах) – 26 831 евро, в Стране Басков 31,110 евро, при этом ВВП на душу населения Испании за тот период – 25 820 евро.

Отношения между Мадридом и Барселоной стали особенно напряженными после того, как выяснилось, что Каталония подвергается бюджетной дискриминации: в 2010 году каталонцы внесли в бюджет государство налогов в размере 118,5% к общенациональному уровню, а получили лишь сумму, которая составляла 98,9% от среднего уровня по стране [12]. Это повлияло на результаты социологических опросов, по данным которых число сторонников независимости перевалило за 50% от всего электората [12]. Эта экономическая диспропорция напрямую повлияла на решение Каталонского парламента о начале процесса сепарации в ноябре 2015 года.

Что касается региональных производств, то для Страны Басков традиционным является животноводство. Со второй четверти XX века в этом регионе активно развивается промышленность. В Стране Басков располагается один из крупнейших центров по добыче железной руды в Испании, а также быстрыми темпами развивается металлургическая промышленность. Для Андалусии характерно производство оливок. В этой области производится 80% всех оливок Испании.

Если сравнивать конституционное право Испании и Италии, то можно обратить внимание на то, что в конституции Италии практически не регламентируются особые случаи финансирования регионов и формирование бюджета.

Согласно данным приведенным в книге Р. Патнэма [7, с. 135], с 1972 года итальянские регионы обязаны принимать свои годовые бюджеты. И даже в этом у регионов, по крайней мере, в период с 1979 по 1985 (сроки исследования Р. Патнэма) были значительные различия.

Бюджет необходимо было принять до начала финансового года, к 1 января, и с этой задачей не справлялся ни один регион. Это было связано с общегосударственными проблемами бюджетного цикла. Но сроки опоздания были совсем разные. Так, например, в регионе Фриули-Венеция-Джулия опоздание было несколько недель, а в регионе Калабрия такое опоздание было до августа, когда почти две трети финансового года были уже позади. Различия регионов Италии в сфере экономики проявляются не только в этом.

Многим известная проблема «севера и юга» Италии имеет именно экономические рамки. Проблема «севера и юга» заключается в различном экономическом положении регионов северной и южной части Италии. Проблемой отсталости южных регионов занимались и занимаются все правительства объединенной Италии. Одним из направлений ее решения являются масштабные бюджетные субсидии Югу.

Значительный объем средств поступает в южные регионы и по линии Европейского Союза. Север обеспечивает большую часть налоговых поступлений в национальный бюджет, поэтому вполне понятно прагматическое нежелание трудолюбивых жителей севера «содержать» южан. К примеру, служащие госсектора получают одинаковые зарплаты и в Лигурии, и на Сицилии, хотя первая, более

экономически развитая, направляет в центральный бюджет более внушительные отчисления, да и потребительская корзина у нее на 50 % дороже [13, с. 15]. Если рассматривать различия ВВП регионов, то разница будет очевидна. Просмотрев данные регионов Италии, можно выделить самый бедный регион Базиликата, уровень ВВП региона составляет 0,7 % от ВВП Италии, это 10 539,3 млн. евро. ВВП на душу населения – 17 781,9 евро. Одним из самых богатых регионов является Ломбардия, его ВВП составляет 20,7 % общенационального. Это 305 550,4 млн евро. ВВП на душу населения – 32 128,4 евро [3]. На базе этой проблемы в 1996 году политическая партия «Лига Севера» объявила о независимости Падании (области включающей почти все северные регионы), но такое громкое заявление не дало никаких результатов.

Что касается специфики региональных производств, то можно отметить, что некоторые итальянские продукты именуется по названию провинции, в которой они появились. Так, например, в регионе Эмилия-Романья, в провинции Парма производят известные во всем мире Пармская ветчина и сыр Пармиджано-Реджано. Эти продукты стали гастрономическими символами региона. Настоящую Пармскую ветчину производят только в этом регионе и маркируют клеймом с изображением пятиконечной короны Пармского герцогства. Сыр Пармиджано-Реджано так же производят только в регионе Эмилия-Романья, а законодательство Евросоюза запрещает применение названия «пармезан» и «Пармиджано-Реджано» для сыра, изготовленного за пределами региона.

Выделив объективные факторы исследования региональной идентичности необходимо определить и субъективные. К числу таких факторов относится, прежде всего политический. **Политический фактор** – фактор проведения элитами на государственном и региональном уровнях определенной политики, ведущей к укреплению региональной идентичности. Например, передача обширных полномочий на места, то есть местной власти. Проведение в регионах мероприятий, которые способствуют объединению и сплочению жителей.

Как уже было сказано, Испанские региональные власти появились практически с образованием Республики, а в Италии они появлялись постепенно. Это говорит о том, что в обеих республиках центральные власти готовы к децентрализации политики, что способствует развитию региональной идентичности, как уже говорилось в институциональном факторе. «Система национальных праздников образует каркас любого здорового государственного образования, даёт зримое выражение государственной идеологии, вокруг них строится национальная идентичность» [10, с. 98]. По моему мнению, с региональной идентичностью и региональными праздниками происходит аналогичная связь.

В Испании есть несколько особенных региональных праздников, как религиозных, так и светских. Так, например, в городе Памплона проходит ежегодный праздник Сан-Фермин, который проходит уже более восьми столетий. Участники, одеты в национальную баскскую одежду, а муниципальный советник на испанском и баскском языках провозглашает – «Слава Святому Фермину!», обозначая начало празднования. Этот праздник, во многом благодаря Э. Хэмингуэю, прославил столицу автономной области Наварра.

В Италии региональные власти так же занимаются поддержанием местных праздников. В Венеции, к примеру, ежегодно, вот уже с 1162 года, проходит Венецианский карнавал. В 1797 году, после падения Венецианской государственности, фестиваль был запрещен, но в 1979 году итальянское правительство возобновило праздник, избрав это мероприятие средством для популяризации истории и культуры Венеции [11].

Поскольку помимо региональной идентичности в науке выделяют множество других уровней идентичности, которые непосредственно связаны и оказывают влияние друг на друга, я полагаю необходимо выделить их в отдельный фактор: **фактор качества национально-гражданской и локальной идентичностей.**

Национально-гражданская идентичность – «...отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства...» [1, с. 218]. Это отождествление себя с «nation state». То, насколько развита такая идентичность можно, отчасти, судить по уровню государственности. «Локальная идентичность – низовой уровень пространственно – территориальной идентичности – отождествление себя с городом, поселком» [2, с. 140].

Национально-гражданская идентичность, как и локальная, не противопоставляются региональной, соответственно индивид/группа/общество может одновременно иметь несколько идентичностей разных уровней. Это во многом зависит от объективной силы той или иной идентичности, а также от ситуации, в которой они проявляются.

Например, человек может одновременно отождествлять себя с родным городом, регионом, нацией, при этом каждый уровень идентичности может превалировать над другими в разных ситуациях, в которые попадает индивид. Выезжая за границы своего региона, в рамках государства этот человек может отождествлять (а также представляться) себя жителем города X и жителем региона Y. Эти отождествления могут быть, как и одинаковой силы, так и разной. При выезде за границу этот же человек будет в большей степени ассоциировать себя с государством, чем с его регионом. Естественно, в подобной схеме есть исключения.

Прежде чем соотносить уровни идентичностей в Испании и Италии необходимо выявить их государственность. Приведенный в книге «Политический атлас современности» [8, с. 84] анализ уровня государственности поможет сравнить объекты нашего исследования. Таким образом, по результатам исследования авторов «Политического атласа» Италия заняла 18-ое место среди государств членов ООН (на 2007 год 192) получив 8,06 баллов. Испания же заняла всего лишь 34-ое место и 7,26 баллов. Это объясняется тем, что Испания проигрывает Италии практически во всех переменных индекса.

По данным исследования приведенного в книге Кожановского, А.Н. [4, с. 79], выясняется, что подавляющее большинство респондентов определяли себя по родным регионам: 90 % опрошенных в Астурии назвали себя «астурийцами», а остальные «кастильцами», «арагонцами», «мадридцами» и т.д. Но Астурия – регион, состоящий всего из одной провинции. А вот в Старой Кастилии, куда входит несколько провинций, назвали себя «кастильцами» 63% опрошенных, тогда как около 30% «определились» по родной провинции;

Еще более ярко «локальность» в самосознании проступает при самоотожествлении в момент пребывания за пределами родного региона (но на территории Испании). Так, в той же Андалузии в этом случае «андалузийцами» называют себя уже лишь 50% уроженцев региона, зато 36 % связывают себя только с провинцией, а 9% – с комаркой происхождения". Примерно то же самое наблюдается и в других регионах [4, с. 79].

В Италии похожая ситуация, вопрос о национально-гражданской идентичности поднимается у многих авторов, как российских, так и зарубежных. Житель Италии, прежде всего миланец, венецианец или неаполитанец, и только потом может быть итальянец. Слабость национальной идентичности во многом обусловлена теми же факторами, которые влияют на региональную идентичность, это и география, и история, и экономика и внешние факторы. Как говорил один из отцов Рисорджименто, М. Д'Адзельо: «Мы сделали Италию, теперь нужно сделать итальянца» [14]. Очевидно, до наших дней его высказывание продолжает быть актуальным.

Литература

1. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 214-228.
2. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. Т. 1. / Отв. ред. И. С. Семенов // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 208 с.
3. Институт геополитики профессора Дергачева. Сетевой проект. Аналитический и образовательный портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dergachev.ru/Landscapes-of-life/Italy/05.html>, свободный. – Проверено 20.12.15.
4. Кожановский А.Н. Быть испанцем...: Традиция. Самосознание. Историческая память.– М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 318 с.
5. Конституция Итальянской Республики / Пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – 804 с.
6. Конституция Королевства Испания // Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – 804 с.
7. Патнэм, Роберт. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм; пер. с англ. А. Захаров. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.
8. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.
9. Хенкин С.М. Политический процесс и сдвиги в расстановке сил. Испания в начале XXI века. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 168 с.

10. Шевлякова Д. А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. – М.: КД Университет, 2011. – 496 с.

11. Italy is here. Carnival. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.quitalia.com/WhatToSee/Venice/Carnival>, свободный. – Проверено: 20.12.15.

12. Lavanguardia. Catalunya es la tercera comunidad que más paga y la décima en recibir. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lavanguardia.com/politica/20120724/54328816886/catalunya-tercera-comunidad-mas-paga-decima-recibir.html>, свободный. – Проверено 02.04.15.

13. Pammolli F., Salerno N.C. Demografia, occupazione, produttività: il federalismo e la sfida della crescita nel Mezzogiorno // Quaderni del Cerm - Competitività, Regolazione, Roma: Mercati, 2008. – P. 15.

14. Unità d'Italia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.corriere.it/unita-italia-150/11_marzo_10/de-cesare-italia-unita-fanalino-coda_13e7441c-4b22-11e0-9e9a-b429a0ac9415.shtml, свободный. – Проверено: 20.12.15.

КОНФЛИКТ В ПОСТОККУПАЦИОННОМ ИРАКЕ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ОБЩИНСКИЙ АСПЕКТ

Рыбалов М.В.

Статья посвящена конфликту в Ираке, имеющему долгую историю, которая не ограничивается рамками американской операции в данном государстве с 2003 по 2011 гг. Её концептуальные основания находятся далеко за пределами иракского государства, а во взаимодействии данных групп лежат сложности политического, религиозного, этнического и пространственного характера.

После проигрыша в войне с Соединёнными Штатами Ирак оказался в ситуации неопределённости и столкнулся с усилением различных религиозных и этнических групп. Обострение противоречий на фоне слабой центральной власти и пошатнувшейся государственности приобрело критический характер.

Однако кроме известных сложностей, связанных с общинными противоречиями между суннитами и шиитами, а также желанием самоопределения иракских курдов, данный конфликт также отягощён пространственным аспектом, заключающимся в исторической дисперсности групп, проживающих на территории Ирака. В статье ставится вопрос о жизнеспособности иракского государства, предпринимаются попытки осмысления будущего данного государства и различных как политически выраженных, так и потенциально претендующих на политическую самоидентификацию групп. Проводится анализ внешнеполитической ситуации и её влиянии на внутрииракский политический процесс.

Анализируются религиозные различия иракских общин и их влияние на коллективное и субъективное сознание участников конфликта. Производится разбор экономических и социально-политических факторов, усугубляющих противостояние и мешающих сторонам прийти к политическому урегулированию. Принимается попытка комплексного разбора ситуации, который мог бы обеспечить полноценное понимание картины происходящего, раскрыть характер существующих взаимоотношений субъектов конфликта, а также спрогнозировать развитие дальнейших событий. Так как от ситуации в Ираке напрямую зависит не только судьба единого государства или разделённого по пространственно-общинному принципу и безопасность в Машрике и за его пределами, но и расклад сил в данном регионе и во всём Ближнем Востоке.

Работа строится с позиций социального конструктивизма с использованием диалектического метода и анализа источников.

Ключевые слова: Ирак, шииты, сунниты, курды, Раккско-Мосульский халифат, США, Иран.

This article is about the conflict in Iraq which has a long history and isn't confined to US operation in Iraq of 2003-2011. Its conceptual basis goes far beyond the Iraqi state. Intercommunal conflict is composed of political, economic and religious causes.

Conflict lies in the worldview and attitude to reality of these groups. Although state regime was harsh during the dictatorship of Hussein, it was making some status quo in the country. However, after Iraq lost war against United States, situation became critical and open to conflict. Weak power and lack of dialogue between Iraqi elites makes the future of Iraqi state uncertain.

However, apart from the known difficulties associated with communal tensions between Sunnis and Shiites, as well as a desire to self-determination of the Iraqi Kurds, the conflict is also burdened by the spatial dimension, consisting in the historical dispersion of groups living in Iraq. The article viewed the question about viability of the Iraqi state and it makes attempts to understand the future of the state and different political and social groups. And also it presents an analysis of the foreign policy situation and its influence on political process.

Analyzed are the religious differences of Iraqi communities and their influence on personal and group conscience members of conflict. Parsed are economic and socio-political factors that exacerbate the confrontation and which prevents the parties from coming to a political settlement. A comprehensive analysis of the situation is attempted, which could provide a full understanding of the big picture, and an opportunity to disclose the nature of the existing relations between the subjects of the conflict, as well as to predict the development of further developments. Since the situation in Iraq depends not only on the fate of a single state, or separated by a space-communal principle and security in the Mashreq and beyond, but also depends on the balance of power in the region and throughout the Middle East.

The work is based from the standpoint of social constructivism, using the dialectical method and the analysis of sources.

Keywords: *Iraq, Shia, Sunni, Kurds, Raqqa-Mosul Caliphate, USA, Iran.*

Исследование процессов формирования региональной идентичности является важной темой современной политической науки. Эти процессы лежат в основе того, что определяет судьбы территорий, различных народов и государств). Идентичность – это свойство, способность психики индивида в фиксированном виде выражать то, как он видит свою принадлежность к социальным, национальным, языковым, политическим, религиозным и прочим группам или общностям.

Категория «идентичность» включает в себя «региональную идентичность» – понятие, лежащее в основе данного исследования. Под региональной идентичностью, в этой работе, понимается отождествление себя индивидом с определенным регионом государства. Представленные в работе факторы выбраны автором тезисов с точки зрения логики и будут проверены на примере Испании и Италии. Факторы расположены в структуре текста по их влиянию – от самых влиятельных к менее влиятельным. Рассмотрим каждый из факторов отдельно.

Первый фактор, влияющий на региональную идентичность – географический. Под ним понимаются физико-географические особенности расположения государства: его ландшафт, размер, климатические условия. Важность данного фактора обуславливается тем, что, например, при отделении региона от других не только административными границами, но и природными, его жители имеют меньшую

возможность непосредственного контакта с соседями. Отделение региона реками, горами способствует более тесным внутренним связям.

Анализ социальных процессов, включающих в себя религиозные, военные, этнические, пространственные и другие конфликты, сопряжён со сферой человеческого разума и действия, сообразных ему. Объективные потребности экономики и следующая за ними война за ресурсы – это часть человеческих представлений о том, каким должен быть мир вокруг него. Это выражается в тех представлениях о необходимом, которые формируются у людей в зависимости от условий, в которые они сами себя и поставили. Эмпирические данные говорят нам о том, что в пространстве человеческих сообществ есть и аграрный Бутан, и индустриальный Китай, и постиндустриальная Южная Корея. Во всех этих странах проживают люди, которые имеют совершенно одинаковые базовые потребности, но удовлетворяющие их по-разному, с использованием различных методов и воспринимая насущное под определённым углом зрения. Их видение мира и своего места в нём – отличаются. Все эти сообщества построены самими людьми, они не навязаны извне, а, следовательно, являются выражением их внутренних установок, отражением объективной реальности в их субъективном коллективном сознании, формируя когда-то целенаправленно, в иных случаях стихийно общественный уклад, закрепляя определённые паттерны.

И Южная Корея, и Китай были сравнительно недавно аграрными странами. Однако сейчас никто не усомнится в результатах, которые эти страны показывают в экономике. Это результат взгляда множества людей на собственное настоящее и будущее, воплощённого и реализуемого посредством общих усилий. Таким образом, мы хотим сказать о том, что существование объективного в политическом и социальном измерении жизни представляется нам сомнительным, или его доля по крайней мере невелика. Потому как политико-социальная жизнь – это результат субъективного взгляда человека, групп, общностей, государств и объединений на то, как должно протекать существование разумных существ. Здесь велика вариативность возможных действий и отношений. Объективным можно считать наличие тех или иных феноменов, например, борьбы за власть. Однако участие в нём – это уже часть индивидуального или коллективного бытия, которое не может быть определено только набором каких-либо эмпирических данных. В связи с этим в нашей статье мы будем отталкиваться от конструируемости общественно-политической реальности, её пластичности, но одновременно с этим хаотичности и дисперсности.

Сегодня конфликт между суннитами, шиитами и курдами в Ираке принял открытый характер. Раккско-мосульский халифат захватил значительные территории на северо-западе Ирака, включая Хоижу, Рамади, Фалуджу, Эль-Кайм и другие. Иракский Курдистан де-факто независим от центральной власти. Шиитское правительство Малики, сформированное после победы на парламентских выборах Коалиции государства права, ушло в отставку, но к национальному согласию в Ираке это не привело.

Территория Курдистана рассматривается многими политологами как особая зона [2, с. 137]. И это особенную зону населяет в некотором роде уникальный народ, имеющий от 30-ти до 38 миллионную общность (для сравнения государств

с численностью менее 30 миллионов в мире около 140), но до сих пор так и не обретший своего государства. Однако в нынешних условиях возможностей создания на территории иракского Курдистана свободного государства курдов всё больше. На современном этапе противостояния в Ираке де-факто уже существует государство иракских курдов, представители которого независимо от центральных властей ведут переговоры как субъект международных отношений [4], а также самостоятельно формируют новые административно-территориальные единицы внутри иракского государства [6], включая их в свою широкую автономию, де-юре курды рассматривают возможность оформить свое государство и открыто заявляют об этом [8], более того эта идея имеет поддержку и за пределами иракского Курдистана [1].

Иракские шииты после падения суннитского режима С. Хуссейна старались играть ведущую роль в государстве в контексте новой политической обстановки. Парадоксальным оказалось и то, что интервенция соединённых Штатов в Ирак усиливает влияние соседнего Ирана, с которым нынешние шиитские власти стараются активно взаимодействовать. Большая часть иракских лидеров-шиитов получала своё образование именно в Иране, где они скрывались от репрессий со стороны С. Хуссейна и проникались идеями строительства шиитского государства. Это может способствовать тому, что шииты будут намереваться оформиться в отдельное государственное образование [2, с. 139].

Распределение доходов от нефтяных ресурсов между различными группами также усугубляет межобщинные противоречия. Взаимодействие осложняет политика во время правления С. Хуссейна по отношению к шиитам и курдам, которые ныне с недоверием и порой неприязнью относятся суннитам. Ситуация ныне складывается так, что сунниты (в основном из Раккско-Мосульского халифата) взяли за оружие, чтобы взять контроль над всей страной, а главное, завладеть или по крайней мере приобщиться к тем источникам нефти, которые сейчас в большинстве своём контролируются курдами и шиитами. Если предположить, что единое иракское государство не удастся сохранить, то сунниты в итоге окажутся отрезанными не только от нефтяных ресурсов, но и от моря, тем самым усугубив и надолго закрепив конфликтность в Машрике.

Кроме того, на ментальные, внутренние установки участвующих в конфликте суннитов и шиитов в Ираке оказывает влияние некоторые положения учения, которые выражаются в убеждённости о том, что именно их направление ислама является истинным. Данная мысль встречается в одном из источников (Яхьи аль-Джанавни) другого старейшего направления ислама ибадизма: «и все они станут претендовать на то, что они есть та одна» [3, с. 15]. Речь идёт о том, что до Страшного суда не будет ясно, какая из исламских сект, какое направление истинно. И только одна из всего множества сможет спастись, поэтому до этого момента в исламском мире есть некоторое соперничество, которое проистекает уж традиционных оснований всего исламского учения. Это отражается как на возникновении разных мазхабов, фирк, течений, так и в более глобальном осознании каждым последователем себя в реальности. Противоречия конкретно суннитов и шиитов также имеют мировоззренческие корни, которые связаны как с историческими расхождениями (признание Али в качестве приемника Муххамеда у шиитов и призна-

ние Абу Бакра, Омара, Османа и Али у суннитов), из которых в том числе следуют мировоззренческие разночтения вроде таких, как признание особой природы Али и допущение трактовок Корана, а не только следования сунне. Безусловно, это не становится катализатором конфликта «здесь и сейчас», но содержит потенциал для его возникновения, развития и внутренних убеждений, который бы направляли человека в конфликте. Так как рядовые участники конфликта, как правило, не мыслят категориями вроде «распределения нефтяных ресурсов», часто они даже не думают о вероученческих расхождениях, руководствуясь сугубо принятыми в их социальной группе установками.

Необходимо также сказать, что нельзя назвать данный конфликт только религиозным или этническим конфликтом. Он представляет собой сложное сплетение тех и других аспектов. Вражда между шиитами и суннитами – это довольно давний спор, но как тогда понимать участие курдов и взаимодействие с ними. Это лишь вопрос самоопределения и независимости? Но если курды – это не что-то единое, а скорее общее обозначение неарабов несклонных к религиозной дисперсности, то есть ли смысл включать их именно в анализ внутреиракской государства, если де-факто курды далеки от основного иракского конфликта по линии сунниты-шииты, север-юг и отстаивают собственное пространство? Здесь мы как раз подходим к важному пониманию конфликта в современном Ираке. Мы должны отдельно отметить тот факт, что можем называть его «межобщинным» лишь с оговорками или для удобства. В виду широкого спектра факторов он не только межобщинный, но и пространственный, а противоречия, о которых обычно идет речь, скорее фасад, в то время как глубинная суть проблемы – это разные группы, территориально дисперсные и несвязанные исторически. Попытки объединить территориально и ментально обособленные группы арабов-суннитов и арабов-шиитов предпринимались в рамках подмандатной Британии территории, королевством Ирак с жестким полицейским режимом, и последовавшей социалистической диктатурой партии парабаской БААС. Все эти режимы объединяли враждующие группы схожими методами: опора на суннитскую армию, устрашение политических оппонентов, однако никто так в конечном счёте не контролировал всю страну полностью. Современный северный Ирак исторически более связан с Сирией и Дамаском, чем с Басрой и юго-востоком Ирак. В условиях слома репрессивного аппарата центра, разнонаправленности внешних акторов, воздействующих на политический процесс в Ираке, элементы, отпущенные в условно с свободное поле деятельности, начинают формировать те политические конструкции, которые мы сейчас наблюдаем. В таком контексте создание нынешнее халифата в Ракке – это процесс закономерный, потому как он объединяет арабские районы на востоке Сирии и северо-западе Ирака.

На данном этапе нет оснований предполагать возникновения положительной динамики в развитии ситуации в Ираке. Проблемы, возникшие в силу многих причин: ослабление государственных институтов в связи с внешней военной интервенцией; межобщинных противоречий, которые накапливались долгие годы, но не решались ни при режиме С. Хуссейна, ни тем более во время американской оккупации Ирака; а также принятие новой конституции, которой не все субъекты внутреиракского политического процесса оказались довольны – так и остаются не ре-

шёнными. Радикальным субъектом суннитского толка выступает Раккско-Мосульский халифат, которое не собирается договариваться с другими силами Ирака. Внешнее согласие между курдами и шиитами по большому счёту обусловлено угрозой со стороны радикалов из Раккско-Мосульского халифата и не способствует реальному консенсусу между элитами. При всей сложности, опасности и непредсказуемости ситуации каждая элитная группа пытается укрепить собственное положение и роль собственной общности.

Дальнейшее развитие событий довольно трудно предугадать, кроме того, что жители Ирака продолжают испытывать на себе тяжесть межобщинных войн, иностранного вмешательства соседних государств, а также политической и социальной неопределённости. Однако возможности для политического урегулирования есть. Серьёзную озабоченность вызывает факт неспособности современных политических сил Ирака создать светскую панарабистскую партию, которая могла бы объединить разнородные политические силы арабского Ирака и вести диалог с представителями Иракского Курдистана. Но встаёт закономерный вопрос: как тогда интегрировать Иракский Курдистан в общее политическое пространство, да и нужно ли это будет им после того, как столько времени они справляются сами, хотя и не без внешней поддержки в СССР, США и других акторов в разное время? Тогда у Ирака в нынешнем виде вообще нет будущего и его место должна занять условная Арабская Багдадская Республика? Однако туркам, иранцам совершенно невыгодно существование независимого Курдистана, который объединит не только курдов Ирака, но и скорее всего курдов Сирии, реинтеграция которых в единое сирийское политическое пространство тоже выглядит спорным. Такой новый политический субъект на Ближнем Востоке значительно усложнит и без того непокойную ситуацию в их собственных курдских владениях.

Результаты последних парламентских выборов в Ираке (2014 год) [9] очень красноречиво показывают нам если не истинное положение вещей, то хотя бы расстановку политически оформленных сил, расширяя представление о конфликте интересов, поле которого, как правило, в СМИ и некоторыми исследователями сильно сужается. Даже при формальном взгляде мы видим две большие общины (тем не менее суннитская община политически разнороднее, чем шиитская: интересы суннитов отстаивают блок Мутахидун и коалиция Аль-Арабия), курдские силы представлены как минимум тремя политическими акторами (Демократическая партия Курдистана, Горран и Патриотический союз Курдистана), а также в политическом процессе участвуют дияльские автономисты. И это только официальные составляющие системы. К ней прибавляются неформальные структуры как известные всем (Раккско-Мосульский халифат), так и иные группы, которые не попадают в объектив телекамер (туркмены, христиане, ассирийцы в Иракском Курдистане), отряды милиции и прочие субъекты, которые могут оказывать влияние на политический процесс и отражают те или иные групповые интересы.

В связи с вышесказанным нам бы хотелось высказать некоторые сомнения по поводу потенциала религиозных партий в едином Ираке. Примеров того, чтобы суннитские и шиитские политические партии сообща могли осуществлять властные полномочия, сохраняя единство государства, вспомнить довольно трудно. При доминировании шиитской общины в политическом пространстве Ираке мы скорее

всего столкнёмся со стремлением суннитской части к любым формам радикального политического действия. Примеры удержания единства Ирака суннитской политической элитой мы можем найти в истории, однако, по нашему мнению, в нынешних условиях, шиитские политические элиты окажут серьёзное сопротивление любым попыткам вытеснения их из властных структур. Нельзя также забывать про внешний фактор поддержки Ирана, который старается ни при каких обстоятельствах не допустить суннитский Ирак у своих границ. В связи с этим потенциал религиозных партий для внутрейракского консенсуса довольно низок. Попытаться преодолеть этот пространственно-общинный разрыв могла бы панарабистская партия светского характера. Сейчас существует только одна заметная политическая сила с такой идеологией: Национальная коалиция «Аль-Ватания», которая на прошедших выборах ухудшила свой и без того скромный результат (21 место в парламенте из 328 мест вместо 28 из 325 на прошлых выборах 2012 года) [9], и, очевидно, не справляется с роль организации для всех арабов, возможно, низкую популярность данной партии обуславливает её либеральная идеология, которая не в силах соперничать с политическим исламом, который довольно успешно занял место социалистической парадигмы, заполнив концептуальный вакуум после поражения социализма в глобальных масштабах.

Встаёт закономерный вопрос: а есть ли объективная необходимость в сохранении целостного Ирака, который не в пространственном, не в общинном, не в телеологическом смысле единым не является. Более того на протяжении всей независимости единство обеспечивалось только жёсткостью системы и преследованием тех или иных групп? Для внешних акторов, таких как Турция, Иран, единство Ирака было бы предпочтительней, чем создание нескольких государств по территориальному, этническому и религиозному признакам. Как мы упоминали ранее курдский вопрос в этих странах может значительно обостриться (особенно в Турции, в которой и сейчас происходит эскалация) после укрепления независимости Курдистана. Тем не менее представить полноценную интеграцию в иракское государство в краткосрочной и среднесрочной перспективе довольно трудно. Скорее всего Иракский Курдистан будет укреплять уже обозначенные границы с арабским Ираком, выжидая удобного случая для каких-то более радикальных изменений в своём статусе.

На данный момент Раккско-Мосульского халифат ослабляет свои территориальные позиции в пространстве северо-западного Ирака, потеряв стратегически важные города Тикрит и Киркук. А при успешном институциональном закреплении суннитских партий Ирака Халифат останется легитимным представителем суннитов лишь для малой части населения, разделяющей их трактовки вероучения. Тем не менее говорить о победе и о скорой реинтеграции северо-запада в политическое поле Ирака ещё рано. Более того, на фоне обособления данных территорий может произойти процесс автономизации вплоть до сепаратизации и других иракских районов. Пока ни одна сила не может претендовать на полную власть в стране. А это означает, что усиление разнородных противоречий в конечном счёте приведёт либо к полной дезинтеграции, либо к появлению концептуально иной политической силы, способной взять на себя всё бремя власти.

Литература

1. Волков К. Нетаньяху предложил признать независимость курдов. Доступен: <http://izvestia.ru/news/573218> (дата обращения 7 Октября 2015).
2. Исаев В. Ираку грозит распад на три неравные части // Россия и мусульманский мир. – 2006. – № 2. – С. 137–139.
3. Ислам на современном Востоке: регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии / Ин-т востоковедения РАН, Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока; ред. В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин. – Москва: Крафт+ : Институт востоковедения РАН, 2004. – 439 с.
4. Ирак-Курдистан-Провинция. Доступен: <http://ru.euronews.com/newswires/2924290-newswire/> (дата обращения 7 Октября 2015).
5. Кузнецов А.А. О влиянии шиитско-суннитских противоречий на Ближневосточную ситуацию // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 146-155.
6. Мареченков В. Иракский Курдистан ведет нефтегазовые переговоры с Ираном. Доступен: <http://teknoblog.ru/2015/03/02/34062> (дата обращения 7 Октября 2015).
7. Мутгер Х.Л. Позиция России в отношении внутренних конфликтов в Ираке после 2003 года // Arçioği. Серия: Гуманитарные науки. № 4. 2014. – С. 1–9.
8. Президент Иракского Курдистана выступил за независимость. Доступен: <http://lenta.ru/news/2014/07/04/independence/> (дата обращения 7 Октября 2015).
9. Final 2014 Iraqi National Results by Major Political Groups. Available at: <http://iswiraq.blogspot.co.uk/2014/05/final-2014-iraqi-national-elections.html> (accessed 7 October 2015).

АВТОРЫ

Абрахин Тимофей – студент, Исторический факультет, кафедра политологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Abrahin Tomofey – student, Historical faculty, Department of political science, South Ural State University (Chelyabinsk).

timabrahin@gmail.com

Артемов Антон Викторович – аспирант, Исторический факультет, кафедра истории России, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Artemov Anton – postgraduate student, Historical faculty, Department of Nation History, South Ural State University (Chelyabinsk).

artyomow@gmail.com

Ворошин Семён Дмитриевич – аспирант, Исторический факультет, кафедра истории России, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Voroshin Semyon – postgraduate student, Historical faculty, Department of Nation History, South Ural State University (Chelyabinsk).

Герман Дмитрий – студент, Исторический факультет, кафедра политологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

German Dmitry – student, Historical faculty, Department of political science, South Ural State University (Chelyabinsk)

politiki95@mail.ru

Гонцов Кирилл Викторович – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург).

Gontsov Kirill – postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg).

kirill.gontsov@gmail.com

Деткина Валерия Олеговна – студентка кафедры политология Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) Федерального Университета (Казань).

Detkina Valeriya – student of Institute of social and philosophical, Studies and mass media of Kazan (Volga region) Federal University, department of political science (Kazan).

valeriya_detkina@mail.ru

Калашникова Софья Константиновна – бакалавр кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского Государственного Университета (Санкт-Петербург).

Kalashnikova Sofya – Bachelor of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg).

sofya_krsndr@mail.ru

АВТОРЫ

Ковыляева Наталья Сергеевна – бакалавр, Пермский государственный национальный исследовательский университет, историко-политологический факультет (Пермь).

Kovylyaeva Natalia Sergeevna – Bachelor of International Relations, Perm State University, Faculty of History and Political Science, (Perm).

nata.kovylyaeva@mail.ru

Корецкий Александр – студент, Исторический факультет, кафедра политологии, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Koretsky Alexander – student, Historical faculty, Department of political science, South Ural State University (Chelyabinsk).

koretsky23@gmail.com

Кучинов Артемий Михайлович – студент, факультет Политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва).

Kuchinov Artemiy – student, faculty of Political science, Moscow State University (Moscow).

arkuchinov@yandex.ru

Литвишко Ольга Михайловна – аспирант кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» (Пятигорск).

Litvishko Olga – Post Graduate Student, Chair of International Relations, Political Science and World Economy, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk).

olitivishko@yandex.ru

Манжина Надежда Андреевна – соискатель кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Manzhina Nadezda – external PhD student, Department of Comparative Politics, School of Political Science, MGIMO-University.

nadezda.manzhina@mail.ru

Маслова Анна Александровна – аспирантка факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Maslova Anna – post-graduate student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg).

knorozochka@yandex.ru

Мокеева Анастасия Геннадьевна – студент-бакалавр, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, (Казань).

Mokeeva Anastasia – undergraduate student, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan).

mokeeva-n@mail.ru

Паршина Светлана Владимировна – кандидат физико-математических наук, доцент, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Parshina Svetlana – PhD Physical and Mathematical Sciences, South Ural State University (Chelyabinsk).

parshinasv@susu.ru

Руденкин Дмитрий Васильевич – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии факультета социологии Уральского Государственного Педагогического Университета (Екатеринбург).

Rudenkin Dmitry – PhD in Sociology, Assistant professor in the faculty of sociology of Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

d-rudenkin@yandex.ru

Рыбалов Матвей Вадимович – студент-магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений (Санкт-Петербург).

Rybalov Matvey – undergraduate student, Saint Petersburg State University, Faculty of International Relations (Saint Petersburg).

caligobox@gmail.com

Самусевич Андрей Владимирович – студент, факультет государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург).

Samusevich Andrey – student, Faculty of Public Administration, Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, North-West Institute of Management (Saint Petersburg).

timudgin11@gmail.com

Степовенко Елизавета Михайловна – студент-магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии, кафедра политических институтов и прикладных политических исследований (Санкт-Петербург).

Stepovenko Elizaveta – undergraduate student, Saint Petersburg State University, Faculty of Political Sciences, The Department of Political Institutions and Applied Political Research (Saint Petersburg).

elizaveta.stepovenko@mail.ru